ПЕРИКЛЪ
И
ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧ. АД. ШМИДТА
Профессора при Іенскомъ университетѣ.

Перевелъ съ нѣмецкаго А. Хахановъ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
приватъ-доцента Московскаго университета
В. М. Михайловскаго.

НОВОУЗЕНСКЪ.
Тип. Н. Н. Левкова, Соборная ул., д. Аржанова.
1890.

Дозволено цензурою. Москва. 20 февраля 1890 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Немногіе великіе дѣятели Всемірной Исторіи получили такую извѣстность, какъ знаменитый Аѳинскій правитель Периклъ, сынъ Ксантипа; онъ принадлежалъ къ небольшому числу историческихъ личностей, давшихъ названіе своему вѣку.

Исторія знаетъ вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ Медичи, вѣкъ Августа и вѣкъ Перикла. Несмотря на неодинаковыя достоинства и на различную степень дарованій крупныхъ личностей, дававшихъ такое рѣшительное направленіе своему времени, въ ихъ дѣятельности замѣчаемъ одну общую черту. Не блестящія завоеванія, не искусныя политическія комбинаціи и даже не благодѣтельная заботливость о народномъ преуспѣяніи произвели на потомство такое сильное впечатлѣніе, что ихъ именемъ окрещены цѣлыя эпохи. Послѣдующія поколѣнія, оцѣнивая исторію, обратили особенное вниманіе на культурную дѣятельность этихъ великихъ людей; всѣ они были покровителями наукъ, искуствъ, поборниками цивилизаціи и исторія, какъ наука, оказалась благодарною распространительницей ихъ славы.

Если вглядѣться ближе во всѣ обстоятельства жизни и дѣятельности Перикла, то по силѣ ума и

нравственному величію, онъ долженъ среди родственныхъ историческихъ личностей занять первое мѣсто. Ни Людовикъ XIV, ни Козимо и Лоренцо Медичи, ни Октавіанъ Августъ не могутъ имѣть того воспитательнаго значенія, которое образцы великихъ дѣятелей исторіи оказываютъ на развитіе юношества. Неудивительно, что въ новѣйшей исторической литературѣ Периклъ обращалъ на себя большое вниманіе. Въ общихъ сочиненіяхъ греческой исторіи авторы отводятъ знаменитому аѳинянину видное мѣсто, вполнѣ соотвѣтствующее его выдающейся исторической роли. Многіе историки избирали дѣятельность Перикла темою для обширныхъ и весьма серьозныхъ монографій. Понятно, что по индивидуальнымъ свойствамъ и особенностямъ воззрѣній различные авторы относились къ великому представителю хорошихъ качествъ и слабыхъ сторонъ аѳинскаго народа и аѳинской демократіи различнымъ образомъ, но только въ послѣднее время въ Германіи явились нѣкоторые молодые ученые, которые послѣ побѣдъ надъ Франціей признавали только одни матеріальные успѣхи, достигнутые стратегіей Мольтке и дипломатическими выкладками Бисмарка. Сравнивая Перикла съ этими жестокими послѣдовательными творцами новой Германской Имперіи и ея эгоистичной политической системы, эти писатели унижаютъ результаты, добытые Перикломъ и относятся презрительно къ его военнымъ и политическихъ дѣламъ. Но оставляя въ сторонѣ историковъ вродѣ Шварца и Пфлукъ-Гартунга, слѣдуетъ признать, что безъ различія

національностей и партій всѣ историки, занимавшіеся Перикломъ, выставляя на первый планъ ту или другую сторону его дѣятельности, относятся съ уваженіемъ къ обаятельной личности великаго человѣка и признаютъ громадное историческое вліяніе вождя аѳинской демократіи.

Изъ общихъ сочиненій по исторіи эллинскаго народа первое мѣсто принадлежитъ безспорно большой исторіи Греціи Георга Грота. Поклонникъ аѳинской демократіи, англійскій историкъ преклоняется предъ лучшимъ выразителемъ всѣхъ ея чаяній и стремленій и выдвигаетъ полититеское значеніе Перикла.

Исторія Греціи другаго англійскаго писателя Кокса, гораздо меньшая по размѣрамъ, но болѣе блестящая и увлекательная по изложенію во взглядахъ и оцѣнкѣ, мало разнится отъ Грота.

Изъ нѣмецкихъ произведеній по детальности изложенія и критическимъ изслѣдованіямъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ 9-й томъ исторіи древности Макса Дункеза. Этимъ томомъ къ сожалѣнію оканчивается обширный трудъ нѣмецкаго историка. Съ должнымъ безпристрастіемъ и пониманіемъ историческаго величія, относится къ Периклу одинъ изъ лучшихъ историковъ XIX вѣка. Курціусъ, по складу своего ума и характеру занятій болѣе способный къ пониманію и изображенію археологической культурной стороны исторіи, съ любовью представилъ Перикла какъ представителя замѣчательной въ исторіи человѣчества культурной эпохи. Довольно сухо,

но объективно изложенъ сводъ главнѣйшихъ фактовъ исторіи Перикла и его времени въ очень полезномъ общемъ сочиненіи по греческой исторіи Адольфа Гольма. Популярная книга хорошаго, хотя не очень талантливаго, автора можетъ служить удобнымъ руководствомъ для ознакомленія съ греческой исторіей вообще и аѳинской культурой V вѣка въ частности.

Распространителемъ воззрѣній Грота на аѳинскую демократію и на значеніе Перикла, въ Германіи служитъ живой и предпріимчивый историкъ Онкенъ. Этюдъ его о Периклѣ помѣщенъ во II томѣ собранія статей, напечатанныхъ подъ общемъ заглавіемъ „Аѳины и Эллада“.

Въ Англіи вышла большая біографія Перикла Ллойда, не исчерпывающая впрочемъ своей задачи, хотя и не лишенная достоинствъ. Тѣми же качествами отличается сочиненіе Филлеля. Исторія вѣка Перикла, написанная съ изяществомъ, свойственнымъ всѣмъ французскимъ ученымъ. Въ нашей исторической литературѣ существуетъ монографія, написанная серьозно и научно Г. Бузескуломъ.

Многосторонній нѣмецкій ученый Адольфъ Шмидтъ, въ сборникѣ историческихъ этюдовъ подъ заглавіемъ „историческіе эпохи и катастрофы“ помѣстилъ талантливо написанный и показывающій глубокое знаніе всѣхъ источниковъ, историческій очеркъ дѣятельности Перикла. Этотъ очеркъ отличается теплотою и изяществомъ; онъ главнымъ образомъ выдвигаетъ всемірно-историческое значеніе славнаго аѳинянина. Этюдъ

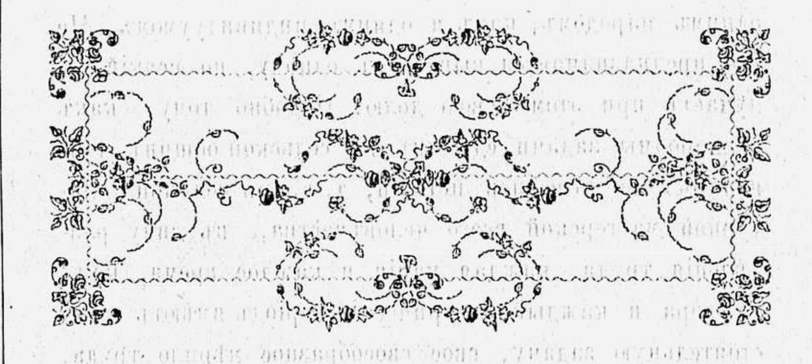
Шмидта былъ прекрасною програмою, намѣтившею существенныя очертанія обширнаго историческаго труда и вслѣдъ за нимъ появилась вскорѣ его большая книга „Вѣкъ Перикла“.

Первый томъ ея представляетъ связное изложеніе событій, а во второмъ—ученый историкъ начинаетъ критическое изслѣдованіе матеріала; эта часть работы до сихъ поръ неокончена, такъ что изъ предполагаемыхъ авторомъ четырехъ томовъ въ свѣтъ вышли только два. Многіе выводы, помѣщенные въ первомъ томѣ т. е. въ части, обнимающей изложеніе, будучи основано на оригинальномъ толкованіи источниковъ, пока еще не представленномъ Адольфомъ Шмидтомъ, возбуждаютъ среди нѣмецкихъ ученыхъ настойчивыя возраженія. Но несмотря на послѣднее обстоятельство, произведеніе нѣмецкаго историка даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, считается лучшимъ сочиненіемъ по исторіи Перикла.

Предлагаемый здѣсь русскій переводъ первоначальной обработки исторіи Перикла, будучи этюдомъ, написаннымъ популярно и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ достоинства большой книги Адольфа Шмидта, можетъ принести большую пользу, какъ для преподавателей, такъ и для старшихъ воспитанниковъ и начинающихъ студентовъ.

Викторъ Михайловскій.

Дозволено цензурою. Москва, 16 мая 1890 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ самаго начала своего существованія человѣчество неуклонно работаетъ надъ своей культурой. То, что оно вырабатываетъ, составляетъ его исторію и обрисовываетъ его внутренній характеръ. Каждый сдѣланный шагъ есть событіе въ развитіи понятія о человѣчествѣ. Все, что ему присуще и на что оно способно, оно стремится воспроизвести, т. е. выразить фактическимъ образомъ. И потому человѣчество будетъ трудиться до тѣхъ поръ, пока не истратитъ оно на реальныя представленія и факты всю сумму своихъ способностей и такимъ образомъ всецѣло не осуществитъ и не исчерпаетъ самое-себя.

Народы и единичныя личности суть органы и вмѣстѣ съ тѣмъ представители человѣчества; принципъ ихъ дѣйствія и производительности заключается въ раздѣленіи труда, потому что назначеніе цѣлаго человѣчества также мало можетъ быть объято и раздѣлено

однимъ народомъ, какъ и однимъ индивидуумомъ. Не все предназначается выполнить одному, но всякій получаетъ при этомъ свою долю. Подобно тому, какъ разнородны задачи единицъ въ сельской общинѣ, точно такъ во всеобщей исторіи, т. е. въ великой культурной мастерской всего человѣчества, въ силу раздѣленія труда, каждая нація и каждое время, каждая эра и каждый историческій періодъ имѣютъ самостоятельную задачу, свое своеобразное мѣрило труда. Подобно индивидуумамъ они равномѣрно распредѣляютъ между собой задачи искуства науки и практической жизни. При этомъ нигдѣ не господствуетъ произволъ, вездѣ преобладаютъ порядокъ и законченность. Всѣ труды индивидуумовъ, народовъ, временъ неизмѣнно взаимодѣйствуютъ, пополняя и усовершенствуя другъ друга.

Такъ называемый доисторическій періодъ всесторонне развилъ *естественное человѣчество*. Съ основаніемъ государствъ на востокѣ начался второй историческій періодъ, духовное развитіе человѣчества, процессъ, который совершается и по нынѣ; по окончаніи его въ необозримомъ будущемъ оно приступитъ къ третьему историческому періоду, къ нравственному развитію человѣчества.

Задача умственнаго развитія человѣчества есть, слѣдовательно, общая почва, на которой одинаково коренятся античная и современная культуры, древній міръ и современный. Но каждый изъ этихъ вѣковъ,

посвященъ развитію одной стороны общей задачи. Между тѣмъ какъ современное человѣчество, со времени восторжествованія германскихъ народовъ и христіанства, заботится преимущественно развить *субъективность*, проникнуть путемъ мышленія въ самую сущность вещей, достигнуть во всѣхъ отрасляхъ познанія истины, возвести всякое знаніе въ науку совершенной формы: древнее человѣчество преимущественно заботилось выполнять культурный трудъ въ *объективномъ* направленіи. Оно неуклонно стремилось художественно познать и воспроизвести все и вся. Неустанно жаждало высшаго совершенства формъ, осуществленія наивысшихъ идеаловъ красоты, величайшихъ произведеній искуства.

На этомъ послѣднемъ стремленіи основывался весь древній міръ. Но въ силу вышеназваннаго закона о раздѣленіи труда, народы востока въ культурномъ трудѣ развитія формъ достигли воспроизведенія неизмѣнныхъ типовъ и авторитетовъ. Греція-же, напротивъ, нарушивъ господство общепринятаго авторитета и типа, положила начало общему соревнованію создала свободу *объективнаго* ума и разнообразіе въ искуствѣ, достигнувъ такимъ образомъ апогея культурной красоты. Отношеніе Рима къ Греціи походило на положеніе распространителя къ изобрѣтателю, ученика къ учителю. Обозначая уже въ интенсивномъ отношеніи пониженіе обмѣна онъ главнымъ образомъ выполнялъ только экстенсивную задачу посредствомъ

своихъ завоеваній распространять по свѣту заимствованное у Грековъ образованіе, равно какъ и результаты образовъ, созданныхъ греческимъ умомъ и греческимъ искуствомъ, воспроизводить, размножить и передать ихъ потомству онъ постоянно стремился.

Если въ силу этого въ античномъ культурномъ развитіи эллинизмъ проявилъ такимъ образомъ высшую степень культуры во произведшей апогею развитія древности, то въ свою очередь эта культура эллиновъ зависила отъ возвышенія Аѳинъ, а Аѳинская культура отъ дѣяній Перикла, такъ какъ вообще въ то время Аѳины представляли цвѣтъ эллинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ древняго образованія. Такимъ образомъ на этой почвѣ Периклъ создалъ роскошный разсадникъ расцвѣта, отложившій въ культурную волну древности самую блестящую пѣну жемчужинъ красоты. Слѣдовательно Периклъ есть не только представитель короткаго промежутка времени—эпохи Перикла, небольшаго государственнаго строя Аѳинской республики, онъ даже нетолько главный представитель великой націи и ея исторіи—исторіи эллиновъ, но въ тоже время ко всему этому истый представитель своего вѣка и цѣлаго развитія человѣчества. Онъ стоитъ во главѣ всего античнаго или классическаго міра и представляетъ одну изъ тѣхъ широко и высоко поднятыхъ культурныхъ волнъ, которыя тысячелѣтіями предназначены привести человѣчество къ высшимъ культурнымъ цѣлямъ его земнаго совершенства.

Но время, носящее его имя и вплетавшее въ древнюю исторію развитія человѣчества славу Аѳинъ, какъ самое блестящее украшеніе,—вѣкъ Перикла,—было однако же не только *въ общемъ* продуктъ универсальной исторической необходимости, но въ тоже время, какъ мы увидимъ ниже и *въ частности* продуктъ грандіозной борьбы народныхъ столкновеній греческой жизни, а главнымъ образомъ въ *индивидуальномъ* отношеніи, продуктъ единой мысли, народившейся и развившейся въ глубинѣ души Перикла. Безъ этой связующей и оплодотворяющей мысли едва-ли вѣкъ Перикла такъ рѣшительно завоевалъ бы призъ красоты и самъ Периклъ высшую славу умственнаго величія смертнаго Прометея. Тѣмъ болѣе оправдывается каждая попытка присовокупить тотъ обще-историческій и національный матеріалъ къ очерку этой единичной человѣческой жизни,—матеріалъ въ древности несравнимый по достоинству и столь грандіозный по драматическимъ мотивамъ и практическимъ положеніямъ, что онъ, вызывая восторгъ ума, не менѣе овладѣваетъ сердцемъ. Мы осмѣливаемся на этотъ опытъ безъ высокомѣрнаго самомнѣнія и въ скромнѣйшемъ видѣ и формѣ.

Во первыхъ мы задаемся вопросомъ, какимъ путемъ Периклъ достигъ историческаго значенія? Слѣдовательно первоначально мы взглянемъ на положеніе, занятое Перикломъ въ дѣлахъ, которыя онъ засталъ въ Греціи и Аѳинахъ.

2. ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ.

Эллинская нація дробилась еще около 500 г. до Р. Х. на много сотенъ небольшихъ государственныхъ формъ, которыхъ, не смотря на общность языка, религіи и нравовъ наперекоръ національнымъ амфиктіоніямъ, оракуламъ и играмъ на праздникахъ, не соединяла общая государственная связь.

Но со временемъ, по могуществу и вліянію далеко надъ уровнемъ остальныхъ возвысились два государства: Спарта и Аѳины. Среди эллинскаго міра они по характеру и тенденціи представляли рѣзкую противоположность, политическій дуализмъ. Дорическая Спарта по своему характеру косная и рѣзкая подобно дорической колоннѣ, покровительствовала преобладанію устойчивыхъ элементовъ и такимъ способомъ достигла континентальнаго и аристократическаго могущества. Іоническія Аѳины по характеру подвижныя и стройныя, какъ іоническія колонны, обратились къ текучимъ элементамъ и сложились въ демократическую, морскую державу.

Естественно, что оба эти передовыя государства постоянно старались привлечь въ сферу своей власти нѣсколько меньшихъ общинъ. Понятно, что такимъ образомъ континентальныя, аристократически сложившіяся государства охотнѣе расположены были присоединиться къ Спартѣ, морскія же и демократически организованныя къ Аѳинамъ. И въ силу этого дуализмъ

Спарты и Аѳинъ необходимо долженъ былъ развиться со временемъ все въ болѣе враждебный антагонизмъ. Борьба между ними о преобладаніи власти, о гегемоніи въ Греціи рано или поздно казалась неизбѣжной.

Тутъ начались нашествія Персовъ и принимали все болѣе угрожающій характеръ. Во время грознаго и, казалось, неотразимаго нападенія Ксеркса въ 480 г. на сушѣ и съ моря, Греція казалась неизбѣжно предназначенной къ гибели. Хотя описаніе персидской войны Геродота отличается эпическимъ характеромъ и въ частностяхъ многократно оказывается вымышленнымъ или преувеличеннымъ, но всетаки нельзя сомнѣваться, что грекамъ противостояла преобладающая персидская сила, которая была тѣмъ опаснѣе, что ея дѣйствіями управляла абсолютная, единичная воля. Государственное раздробленіе эллиновъ напротивъ съ его неизбѣжными слѣдствіями страха и испуга—неспособностью къ противодѣйствію и эгоистичное стремленіе къ выгодѣ шире очистили путь наступающему врагу, чѣмъ потомъ соглашалась признать это, гордость эллиновъ. Не мужество, не устойчивость и самопожертвованіе, но вначалѣ слишкомъ долго первенствовали отчаяніе, отпаденіе и измѣна.

Вездѣ малыя и большія государства бросались безусловно къ ногамъ побѣдителя и предоставляли въ его распоряженіе свои контигенты для завоеванія своего отечества, своей собственной націи.

Въ виду такого положенія дѣла для государственныхъ группъ, не подверженныхъ непосредственному наплыву врага, оставался одинъ путь спасенія: тѣсная централизація ихъ оборонительныхъ силъ и назначеніе единаго неограниченнаго главнокомандующаго для всѣхъ операцій, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Тогда съ патріотическимъ самоотверженіемъ Аѳины подчинились гегемоніи Спарты. Только это подчиненіе спасло Грецію и сдѣлало возможными блестящія освободительныя войны 480 и 479 г.г.

Нашествіе было отражено, Греція очищена отъ варваровъ. Оборонительная война Эллиновъ, въ силу проснувшихся неотразимыхъ побужденій воинственнаго воодушевленія, преобразилась въ общую, изъ года въ годъ возобновляемую, наступательную войну противъ Персовъ.

Но главнымъ образомъ, блестящіе результаты борьбы за свободу дали единичному, національному самосознанію и панэллинскимъ тенденціямъ свѣжіе, сильные импульсы. Они привели къ большой кристаллизаціи эллинскихъ элементовъ вокругъ главенства Спарты. Послѣ битвъ при Платеѣ и мысѣ Микале, Спарта была нѣкоторое время фактической главой всеобщей панэллинской конфедераціи.

Но нерасположеніе Спарты къ заморскимъ экспедиціямъ, ея неспособность и неумѣлость въ особенности же, ея одностороннее рѣзкое и повелительное обращеніе были причиною, что эта панэллинская кон-

федерація, имѣвшая первоначально только значеніе военнаго союза, оборонительнаго, активнаго присоединенія, вдругъ разлетѣлась въ прахъ. Старое соперничество Аѳинъ, какъ главнѣйшаго члена, снова и по праву получило прежнее значеніе. Разрывъ совершился въ 476 г. Всѣ болѣе предпріимчивые, подвижные и дѣятельные элементы отвернулись отъ Спарты и передали верховное управленіе Аѳинамъ.

Съ тѣхъ поръ антагонизмъ обѣихъ передовыхъ державъ враждебнѣе чѣмъ когда либо обусловливалъ развитіе эллиновъ. Панэллинская конфедерація распалась съ того времени на два рѣзко обозначенныхъ союза: пелопоннесскій, подъ руководствомъ Спарты и делосскій подъ предводительствомъ Аѳинъ. Первый оставался въ бездѣятельности и предоставилъ продолжать войну исключительно Аѳинянамъ и ихъ союзникамъ.

Въ сферѣ своего обоюднаго могущества положеніе Спарты и Аѳинъ было весьма различно. Въ пелопоннесскомъ союзѣ Спарта, сама владѣя двумя пятыми Пелопоннеса, включая рядъ союзниковъ извнѣ неограниченно властвовала надъ всѣми. Она устранялась отъ образованія общаго постояннаго союзнаго совѣта; она желала лучше повелѣвать, чѣмъ принимать совѣты, и такъ какъ она отказалась отъ общихъ, военныхъ дѣйствій, то, хотя и не собирала дани съ конфедеративныхъ государствъ, но неизмѣнно заботилась приравнивать ихъ государственный строй къ своему, т. е. придавать имъ аристократическо-олигархическое

направленіе и пользоваться вездѣ абсолютнымъ повиновеніемъ. Подъ предводительствомъ Аѳинъ делосскій союзъ напротивъ преимущественно основывался на почвѣ равноправности. Каждое звено его было свободно и самостоятельно, имѣло свое законодательство управленіе и судопроизводство. Аѳины были только председателемъ союза, мѣстопребываніемъ котораго были не Аѳины, но островъ Делосъ. Тутъ обсуждались общія постановленія, здѣсь функціонировалъ союзный, мировой судъ и сохранялась военная казна. Делосскій союзъ былъ заключенъ и клятвенно подтвержденъ на вѣки. Малыя государства были усерднѣйшими защитниками союза, потому что только отъ него одного они могли ожидать спасеніе и охрану отъ нападеній извнѣ, особенно Персіи. Союзъ былъ основанъ съ полнымъ единодушіемъ, постановленія его утверждены были учредительнымъ собраніемъ всѣхъ членовъ. Рядомъ съ установленіемъ періодически сзываемаго союзнаго собранія, въ то время преимущественно были урегулированы военныя и финансовыя повинности. Аристидъ великій и единогласно прославляемый Аѳинянинъ, былъ душой всей организаціи. Онъ представилъ учредительному собранію проэктъ распредѣленія контингентовъ и налоговъ, который былъ признанъ настолько умѣреннымъ и справедливымъ, что онъ всецѣло немедленно былъ принятъ. Общая цифра союзныхъ налоговъ поостиралась ежегодно до 460 талантовъ или 690,000 талеровъ. Между тѣмъ и въ самыхъ Аѳинахъ все болѣе послѣдовательно была разработана система равноправности. Начатая Солономъ, продолженная Клисѳеномъ она достигла формальной законченности благодаря Аристиду, такъ какъ тотъ былъ виновникомъ того, что правоспособность къ государственнымъ должностямъ была распространена на бѣднѣйшихъ гражданъ. Рядомъ съ этой общей политической равноправностью, какъ неотъемлемая принадлежность и какъ гордый палладіумъ государственно-гражданственнаго самосознанія, равно какъ и для охраны и свободы государства признавалась общая воинская повинность. Тогдашняя организація аѳинскаго государственнаго строя была близка къ нынѣшнему строю швейцарскихъ кантоновъ. Во главѣ, какъ исполнительная власть, стоялъ правительствующій совѣтъ коллегіумъ новыхъ архонтовъ: рядомъ съ нимъ, въ видѣ совѣщательной инстанціи совѣтъ пятисотъ; вліятельную силу составляло верховное народное собраніе, экклезія, какъ рѣшающая власть для законодательства и выбора магистратовъ.

Въ предѣлахъ этой организаціи происходила борьба партій аристократической и демократической изъ-за-преобладанія. Главою первой былъ Кимонъ, сынъ Мильтіада, главою послѣдней Аристидъ. Не смотря на формальную законченность, которую демократическое развитіе государства получило чрезъ Аристида, во имя воспоминанія о своемъ прежнемъ величіи, аристократическую партію никогда не покидала

надежда возвратить хоть приблизительно, потерянную власть. И въ этомъ стремленіи конецъ она искала и находила внѣшнюю опору въ вполнѣ аристократической Спартѣ, высоко цѣнила ее, заигрывала съ ней и при всякихъ поводахъ состязалась за ея интересы. Изъ за этой симпатіи къ соперничествующей съ Аѳинами державѣ къ спартанизму или лаконизму аристократическая партія получила сомнительное названіе друзей спартанцевъ, лаконизирующей или партіи филолаконовъ.

Когда наконецъ въ Апрѣлѣ 467 г. умеръ Аристидъ, то въ Аѳинахъ не было никого, кто по значенію, положенію и вліянію равнялся бы главѣ аристократической партіи, Кимону. Государственное кормило неминуемо, казалось, должно было перейти вполнѣ въ его руки. Вслѣдствіе этого, не безъ основанія, должно было опасаться, съ одной стороны, внутренняго застоя и реакціи, съ другой стороны, реставраціи спартанской гегемоніи на счетъ владычества Аѳинъ. Дѣйствительно Спарта надѣялась теперь при помощи столь же угодливаго и гибкаго, какъ и вліятельнаго Кимона, снова завоевать и прочно закрѣпить за собой перевѣсъ, которымъ она пользовалась до и послѣ освободительныхъ войнъ. Вотъ каково было положеніе дѣлъ, которое засталъ Периклъ, когда онъ послѣ смерти престарѣлаго Аристида, имѣя около 26 лѣтъ, выступилъ въ маѣ 467 г. на государственное поприще. Теперь его задача состояла въ томъ, чтобы

съ свѣжими силами дѣйствовать противъ дальнѣйшаго развитія существующаго порядка вещей и дать рѣшительный отпоръ угрожающимъ внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ.

3. ЛИЧНОСТЬ ПЕРИКЛА.

Съ одной стороны было бы особенной задачей очертить мощное впечатлѣніе, производимое Перикломъ, избытокъ его качествъ и талантовъ, магическое очарованіе и силу его краснорѣчія и съ другой стороны произвести анализъ злостнымъ клеветамъ, которыми онъ былъ осыпаемъ своими современниками и которымъ однако же неудалось затемнить его истинный образъ. Наша главная задача состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы указать къ чему онъ стремился и что выполнилъ. Но мы не смѣемъ отказаться и отъ этой задачи.

Личность Перикла главнымъ образомъ искажена современными съ нимъ комическими писателями. Къ ихъ клеветамъ присоединились сначала писатели мемуаръ, какъ поэтъ Іонъ изъ Хіоса, и софистъ Стезимбротъ Ѳазоскій, къ которому мы возвратимся. Вскорѣ изъ за партійной вражды и единичные историки, какъ Ідоменей Ламисоскій и Дурисъ Самоскій, не побрезгали искажать образъ великаго Аѳинянина и настолько способствовали этому, что еще впослѣдствіи, легковѣріе придавало ложное значеніе своевольнымъ шуткамъ комиковъ и тенденціознымъ показаніямъ озлобленныхъ писателей. Такимъ образомъ, цѣлымъ по-

токомъ ни на чемъ неоснованныхъ клеветъ, произведено было впечатлѣніе, какъ будто Периклъ былъ воплощеніемъ безграничнаго радикализма, тиранническаго стремленія къ власти и безстыднаго легкомыслія.

Прежде всего этому противостоитъ величественное изображеніе Перикла, обрисованное Ѳукидидомъ, не смотря на то, что онъ затрогиваетъ только послѣдніе годы его жизни и дѣятельности. Одно уже имя историка Ѳукидида возбуждаетъ представленіе о нравственной справедливости, безпримѣрной исторической точности и безпристрастія. И, несмотря на его консервативное направленіе, именно у него Периклъ выставленъ, какъ высшій образецъ государственнаго дѣятеля. Хотя, исключая послѣднихъ двухъ лѣтъ, онъ и не входитъ въ подробности управленія Перикла, все-таки общее его сужденіе даетъ почтеннѣйшее удостовѣреніе о всей почти сорокалѣтней дѣятельности великаго Аѳинянина. „До тѣхъ поръ", говоритъ онъ, (2,65) „пока Периклъ былъ главой государства, онъ трезво управлялъ дѣлами его, оберегалъ государство отъ опасности и поднялъ его на значительную высоту. Достоинство и прозорливость составляли его силу, онъ былъ всеобще извѣстенъ, какъ неподкупнѣйшій человѣкъ, удерживающій въ предѣлахъ толпу своимъ прямодушіемъ. Не народъ руководилъ имъ, но онъ народомъ, потому что не пріобрѣлъ власти недостойными средствами и потому не обязанъ былъ говорить по желанію другихъ, скорѣе въ силу своего значенія

самъ смѣлъ горячо возражать. Усматривая, что не во время Аѳиняне становились заносчивыми, онъ своими рѣчами умѣрялъ ихъ пылъ, и заставлялъ опасаться; а когда они безпричинно опасались, онъ поднималъ въ нихъ чувство самоувѣренности. Такимъ образомъ номинально имѣлось это народное управленіе, въ сущности владычество перваго человѣка въ государствѣ". Это удостовѣреніе Ѳукидида, съ которымъ въ главномъ сходится и Плутархъ (гл. 15) должно быть путеводной звѣздой собственнаго нашего сужденія, мѣриломъ этого изслѣдованія. Все, что противорѣчитъ этому безошибочному масштабу, должно быть признано безусловно негоднымъ и изъ груды искаженій должно выдѣлить зерно исторической истины. Но и другіе современники Перикла сходится во мнѣніи съ Ѳукидидомъ. Ксенофонтъ, въ своихъ „достопримѣчательностяхъ", прямо называетъ его „великимъ Перикломъ", а въ своемъ „Пирѣ" Сократъ признаетъ, что онъ „полонъ свѣдѣній" и „лучшій руководитель отечества". Замѣчательны отзывы ближайше слѣдующаго времени. Даже самъ Платонъ, не смотря на свое отвращеніе къ государственнымъ людямъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, въ различныхъ своихъ діалогахъ, не воздать ему высшей похвалы и не признать его „первымъ изъ Эллиновъ". И Сократъ, въ дѣтскомъ возрастѣ жившій еще во время великой эпохи, во многихъ своихъ рѣчахъ, восхваляетъ „мудрость" Перикла, его „замѣчательное краснорѣчіе" и его „отмѣнное

управленіе народомъ, его справедливость и умѣренность", каковыя помогли ему „достигнуть высшей славы"; только онъ одинъ наполнилъ „крѣпость", т. е. сокровищницу, „серебромъ и золотомъ и предоставилъ частнымъ домамъ счастіе, равно какъ достатокъ и избытокъ", потому что „онъ направилъ въ крѣпость 10,000 талантовъ и „никогда онъ не стремился къ собственному обогащенію, напротивъ оставилъ послѣ себя изъ своего частнаго имущества, менѣе того, чѣмъ оно перешло къ нему отъ отца его". И Демосѳенъ въ двухъ своихъ рѣчахъ съ восхищеніемъ говоритъ о „Периклѣ" и объ остальныхъ вождяхъ Аѳинъ, въ теченіи 45 лѣтъ властвовавшихъ надъ эллинами, т. е. съ 476 по 431 г. Они не заботились, говоритъ онъ, „о благорасположеніи", преслѣдуемой ими цѣли, было только „общественное процвѣтаніе". Они „не потакали желаніямъ и волѣ и не льстили" народу. Они въ видѣ „построекъ, украшеній, храмовъ, гаваней оставили послѣ себя столь много прекраснаго, воздвигнувъ великолѣпныя и великія сооруженія искуства, что никто изъ потомковъ не превзошолъ ихъ въ этомъ отношеніи, какъ напр. пропилеи, партенонъ, морскіе арсеналы, галлереи и все остальное, что они оставили намъ въ видѣ украшенія города. Въ частной же жизни они напротивъ были умѣренны, скромны и вѣрны традиціямъ, такъ что жилища тѣхъ, которыхъ въ то время окружалъ блескъ высшей славы, ничѣмъ не отличались отъ всякаго сосѣдняго дома, ибо не съ

намѣреніемъ увеличить свое частное имущество управляли они государственными дѣлами, но каждый былъ занятъ только тѣмъ, чтобы увеличить мощь державы". Мы чрезмѣрно можемъ распространить подобнаго рода свидѣтельства, но сказанное можетъ считаться вполнѣ достаточными основаніями и исходными точками.

Периклъ родился въ Аѳинахъ, мѣстѣ его дѣятельности, въ 493 г. Онъ принадлежалъ къ древнему благородному роду изъ поколенія Акамантисъ и общины Холарга. Правнукъ Ортагорида, Клисѳена сикіонскаго, сынъ знаменитаго полководца Ксантипа, побѣдителя Персовъ при мысѣ Микале, онъ былъ еще по своей матери Агаристѣ внучатымъ племянникомъ Алькмеонида Клисѳена, который свергъ въ Аѳинахъ насильственное владычество пизистратидовъ и далъ узаконеніямъ демократическое направленіе. Преданіе гласитъ, что за нѣсколько дней до его рожденія „Агаристѣ снилось, что у нея рождается левъ"; и этотъ сонъ считался впослѣдствіи предзнаменованіемъ его величія. Наружный видъ Перикла не лишенъ былъ недостатковъ. Большая безформенная голова часто служила предметомъ насмѣшекъ его противниковъ. По сложенію и внѣшнему виду его сравнивали съ Пизистратомъ, на послѣдняго онъ походилъ благозвучіемъ голоса и чарующей гибкостью рѣчи.

Къ блеску его происхожденія присоединялось богатство, вслѣдствіе чего онъ получилъ превосходное

воспитаніе. Его учителемъ музыки, наклонность къ которой развилась въ немъ въ раннія годы, были Питоклеидъ и Дамонъ. Послѣдній былъ софистомъ и его учителемъ искуства управлять государствомъ и, какъ кажется, онъ первый внушилъ ему склонность къ демократическимъ принципамъ. Философію и естественныя науки, діалектику и ораторское искусство Периклъ изучалъ подъ руководствомъ обоихъ знаменитѣйшихъ преобразователей своего времени у элеата Зенона и у философа Анаксагора. Послѣдній особенно пользовался большимъ почетомъ за искусство ошеломлять противника на пути къ возраженію. Анаксагоръ изъ Клазомена родился въ 499 г. По влеченію, съ величайшей преданностью и безграничнымъ довѣріемъ въ обмѣнѣ мысли, къ нему примкнулъ около шести лѣтъ моложе его, Периклъ. Анаксагоръ только что сдѣлалъ шагъ къ разумному міровоззрѣнію. Вмѣсто слѣпаго случая или слѣпой необходимости, онъ поставилъ во главѣ мірозданія, какъ начальную причину всего благоустройства, всепроникающій міровой разумъ. Онъ училъ, что матерія вѣчна, измѣняется только способъ соединенія ея. Происхожденіе заключается въ соединеніи, уничтоженіи, разъединеніи извѣстныхъ атомовъ матерій; каждое соединеніе содержитъ въ себѣ частицы всего, все должно быть во всемъ. Но матеріи противопоставляется духъ-умъ, какъ импульсъ всякаго движенія и порядка. Боговъ народнаго вѣрованія онъ считалъ аллегоріями, созвѣздіе было для него міровыми, на подобіе нашего, тѣлами изъ земли и камня. На лунѣ, увѣрялъ онъ, имѣются поля, горы, долины и жилища; солнце-де, есть огромная огненная масса, весь небесный сводъ наполненъ метеоритоподобными окаменѣлостями, которыя поддерживаются быстротой круговорота и ниспадаютъ лишь въ случаѣ какого либо нарушенія. Онъ, безъ исключенія, отвергалъ всѣ чудеса, называя ихъ дѣйствіемъ извѣстныхъ законовъ природы. Солнечныя и лунныя затмѣнія обусловливаются прохожденіемъ какого либо міроваго тѣла. Такъ называемыя знаменія во время жертвоприношеній онъ признавалъ совсѣмъ обычными, въ порядкѣ вещей и вполнѣ неимѣющими значенія явленіями.

Периклъ, исполненный восхищенія къ Анаксагору, по убѣжденію усвоилъ его ученія; они подняли его высоко надъ всѣмъ пошлымъ, облагородили его характеръ и придали его личности величавую мощь. таким образомъ высшій продуктъ его природныхъ дарованій и его воспитанія выразился въ проявленіи возвышеннаго мышленія и замѣчательной способности государственнаго дѣятеля и оратора.

Не смотря на это, въ юности Периклъ страшился выступить предъ народомъ: было ли то изъ скромности или, какъ позднѣе думали, изъ опасенія суда остракизма, вслѣдствіе своего сходства съ тираномъ Пизистратомъ, или изъ за знатности происхожденія и богатства своей семьи. Но, безъ сомнѣнія, въ

немъ прежде всего преобладало чувство, что рядомъ съ Кимономъ и Аристидомъ нѣтъ мѣста равному третьему и къ тому же младшему. Если въ началѣ страхъ и раздумье устраняли его отъ государственныхъ дѣлъ, то напротивъ онъ усердно посвящалъ себя военной службѣ, оказался храбрымъ и любящимъ опасность и выработалъ изъ себя воина и полководца. Такимъ образомъ онъ обладалъ даромъ соединять съ силой ума и слова силу дѣла.

Между тѣмъ внутреннее побужденіе, толкавшее его къ государственнымъ дѣламъ, оставалось непреодолимымъ, и послѣ смерти Аристида онъ, не задумываясь, послѣдовалъ ему. Этотъ моментъ его вступленія на общественное поприще слѣдуетъ признать весьма удачнымъ.

Съ одной стороны, для демократической партіи обязательно требовалось найти равносильнаго преемника Аристида, а съ другой—глава аристократической партіи, Кимонъ, постоянно находился на полѣ военныхъ дѣйствій, внѣ отечества. Периклъ рѣшительно сталъ не на сторону партіи богатыхъ и аристократовъ, къ которой онъ принадлежалъ по своему рожденію, но на сторону народа и бѣдняковъ; „противъ своей природы“ говоритъ Плутархъ (гл. 7) „которая меньше всего тяготѣла къ народному господству“. Но къ этому побуждали его не пошлое честолюбіе или низкая зависть къ Кимону и не страхъ предъ народомъ. Всякая мысль къ преслѣдованію, по образцу Пизи-

страта, самодержавныхъ плановъ была далека отъ него. Дѣйствительно онъ былъ убѣжденъ, что при значеніи Кимона среди партіи аристократовъ, нельзя достигнуть вліянія въ ней и подлѣ него: но онъ пріобрѣтетъ вліяніе лишь какъ передовой боецъ демократіи. Но и не столь внѣшняя причина обусловливала его выборъ. Преисполненный стремленіемъ трудиться для славы и величія своего отечества, онъ проникся убѣжденіемъ, что для возвеличенія своего государства демократическій принципъ во всемъ своемъ примѣненіи и устойчиво утвержденный, есть неотложная цѣль развитія необходимое условіе времени. Мысль сдѣлать Аѳины посредствомъ крѣпкихъ звеньевъ и твердосплоченной свободы своихъ граждан свѣточемъ для всѣхъ эллинскихъ государствъ, была постулатомъ великихъ и широкихъ проэктовъ, гнѣздившихся въ его головѣ и сердцѣ, и настоятельно выдвинувшихъ его на поприще общественной дѣятельности.

4. ПЛАНЫ ПЕРИКЛА.

Основня мысль, руководившая въ теченіе всей его жизни и бывшая рычагомъ его дѣятельности, была: стремленіе къ *основанію панэллинскаго національнаго единства*. Нашествіе Персовъ достаточно выяснило опасности государственнаго раздробленія. Продоженіе существованія на востокѣ колоссальнаго персидскаго государства, съ его вседержавной, абсолютной централизаціей, и даже вдали, на сѣверѣ,

разростаніе македонскаго царства необходимо было признавать неминуемой грозой для безопасности Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ для ея свободы и существованія. Требовалось, посредствомъ сплоченія всѣхъ эллинскихъ силъ, охранить это существованіе въ будущемъ, эту свободу, эту безопасность отъ нашествія великихъ сосѣднихъ державъ, отъ нападенія военныхъ полчищъ. Требовалось создать положеніе, въ силу котораго всѣ греческія государства, вмѣсто того, чтобы неустанно взаимно разслаблять и раздроблять другъ друга, походами, могли бы напротивъ жить и усиливаться въ *постоянномъ мирѣ.* Такимъ образомъ дѣло о томъ, чтобы образовать подъ гегемоніей Аѳинъ *объемлющій всю Элладу государственный союзъ,* создать единую Грецію. Другими словами, требовалось расширивъ свою компетенцію, распространить надъ всей Элладой имѣющійся уже тѣсный делосскій союзъ.

На базисѣ равноправности новый панэллинскій союзъ безъ сомнѣнія, также долженъ былъ существенно окрѣпнуть, Аѳины же стали бы основнымъ, передовымъ пунктомъ его и, устроиваемое всѣми государствами, союзное собраніе засѣдало бы тамъ, и касса находилась бы тутъ же. Въ силу этого казалось необходимымъ въ скорѣйшемъ времени предварительно перевести кассу небольшаго союза изъ Делоса въ Аѳины и посовѣтывать позже, устроить соотвѣтственный союзный судъ въ аттической союзной столицѣ. Для этой цѣли онъ задумывалъ концентрировать всѣ стремленія и усилія Аѳинскаго государства на внутреннія дѣла Греціи и не желалъ, чтобы внѣ границъ эллинизма ей разрѣшалась какая либо другая, кромѣ вызванной силою необходимости, дѣятельность.

Поэтому принципіально не должно было воевать съ заграничными государствами, развѣ только обороняясь отъ нападеній. Это было вообще причиною его несочувствія ко всѣмъ, подчасъ желаемымъ, далекимъ предпріятіямъ, было ли то въ Персіи, Египтѣ или Сициліи, а тѣсная централизація всѣхъ государствъ казалась ему крайне необходимою для того, чтобы изъ самихъ эллинскихъ племенъ выработать единую, великую и могущественную націю. Таковъ собственно былъ планъ и настоящая жизненная цѣль Перикла.

Вышесказанное было настоящей основой всего его мышленія, скрытая и видимая пружина всѣхъ его стремленій и дѣятельности, высокая и грандіозная идея, далеко возносившая его надъ современниками, тѣмъ болѣе что, по прекращенію страха предъ персидскимъ вторженіемъ, общія національныя сремленія вновь ослабѣли. Однако въ сущности идеи эти были съ одной стороны результатомъ панэллинскихъ желаній, непосредственно проявившихся послѣ освободительныхъ войнъ, съ другой же стороны лишь облагороженіемъ издавна питаемыхъ гегемоническихъ тенденцій Аѳинъ.

Такимъ образомъ изъ одной основной мысли наглядно исходилъ рядъ тѣхъ разнообразныхъ проек-

товъ, къ выполненію которыхъ Периклъ постепенно стремился и наконецъ достигъ. Все вмѣстѣ взятое, цвѣтъ и плодъ одной той же національной панэллинской мысли. Въ началѣ изъ этой первичной и единичной мысли произошли три послѣдовательныхъ или вторичныхъ проэкта.

I. Намѣреніе побороть Спарту.

Исполненію національной, объединительной идеи препятствовали главнымъ образомъ дуализмъ Спарты и Аѳинъ, антагонизмъ пелопонесскаго и делосскаго союзовъ; отсюда фактически непримиримый расколъ въ Греціи. Вокругъ планеты Спарты, въ видѣ трабантовъ вращались болѣе континентальные-аристократическіе элементы, вокругъ планеты Аѳинъ морскія демократическія и іоническія государственныя тѣла; между тѣмъ какъ остальныя самостоятельныя образованія собственнымъ изолированнымъ движеніемъ, комето-образно кружились вокругъ этихъ двухъ горючихъ точекъ. Слѣдовательно, если панэллинская идея была выполнима, то должно было не только привлечь кометообразные государственные осколки, но и замѣнить двѣ бывшихъ возбудительныхъ точки движенія однимъ центральнымъ пунктомъ. И этимъ центромъ Периклъ могъ себѣ представить только Аѳины, не потому, что тамъ была его родина, но одновременно вслѣдствіе того, что онѣ, въ дѣйствительности, были

наиболѣе способный, развитой, свободный, культурный и вліятельный элементъ націи.

Объединеніе Греціи безъ Спарты, какъ несовершенное, не признавалось имъ. Вмѣстѣ съ Спартой же оно было только возможнымъ въ томъ случаѣ, если свергнуть ее съ занимаемой ею высоты, будетъ ли то достигнуто постепеннымъ внутреннимъ ослабленіемъ ея или быстро дѣйствующимъ внѣшнимъ паденіемъ. Изъ этаго вытекало всюду и при всякомъ поводѣ, и всѣхъ обстоятельствахъ проводимое имъ анти-спартанское направленіе, оттуда и беретъ начало его предчувствіе конечной, неизбѣжной, великой, рѣшительной борьбы между соперничествующими державами; онъ часто высказывалъ: „я вижу уже, какъ съ Пелопонесса надвигается война“. Такимъ образомъ развилось столкновеніе антиподовъ, изъ которыхъ выросло заслуживающее величайшаго удивленія и въ тоже время опаснѣйшее время Греціи.

II. Другой, послѣдующій планъ былъ—побороть аристократію въ Аѳинахъ.

Если во имя національнаго единства Периклъ желалъ паденія Спары, то, прежде всего, въ самыхъ Аѳинахъ должно было побороть партію, постоянно примыкавшую къ Спартѣ, и симпатіи которой къ ней способны были даже подняться до измѣнническихъ поползновеній. Эта лаконизирующая партія была именно аристократической. Поэтому она казалась ему бли-

жайшимъ препятствіемъ для Аѳинъ стать во главѣ всѣхъ эллиновъ. Слѣдовательно эту партію, прежде всего должно было побороть, чтобы имѣть *возможность* осилить ее, Периклъ долженъ былъ поднять демократическое знамя. Такимъ образомъ проложилъ себѣ путь рядъ противоположныхъ столкновеній, которыя, какъ бы не тягостно складывалась борьба, въ общемъ одни только обусловливали вѣку Перикла возможность блестяще воспрянуть.

III. Третій, послѣдующій проэктъ относится къ духовному и художественному возвышенію Афинъ.

Для, того чтобы Аѳины были достойны всеобщаго вниманія и стали во главѣ соединенной націи эллиновъ требовалось чтобы онѣ во всѣхъ отношеніяхъ представляли центръ жизни и культуры эллиновъ. Не одною только физическою силою должны были онѣ превосходить другія государства, онѣ обязаны были представлять безспорно высшую, нравственнѣйшую державу должны были стать по образованію и развитію науки и искуства первымъ государствомъ въ Греціи. Изъ этого вытекаетъ стремленіе Перикла поднять Аѳины именно художественнымъ блескомъ надъ уровнемъ всѣхъ другихъ государствъ и городовъ: Аѳины выше всего! Аѳины артерія, сердце Эллады. Таковъ былъ его лозунгъ.

Но для приведенія въ исполненіе, какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующихъ трехъ пунктовъ,

онъ нуждался въ постоянномъ согласіи и содѣйствіи своихъ сограждапъ. Своею идеею онъ долженъ привлечь и воодушевить народъ, долженъ былъ привязать его къ себѣ, стараться постоянно и всѣми способами придать ему мужество и энергію. Поэтому ему приходилось считаться со всѣми послѣдствіями демократическаго принципа и стремиться къ всестороннему развитію и укрѣпленію демократической организаціи государственной жизни. Все это обусловливало новый рядъ, вытекающихъ изъ предыдущаго, какъ бы третичныхъ проэктовъ, которые можемъ и должны соединить подъ именемъ внутреннихъ реформъ. Онъ предлагалъ:

1. Соціальныя реформы. Нужно было доставить способному къ труду—работу, бѣдному—помощь, всѣмъ—наслажденіе и образованіе.

Спросъ на трудъ возросталъ бы изъ предпринятыхъ построекъ и художественныхъ созданій, изъ поощренія торговли и промысловъ, изъ надѣла землями, т. е. клерухіями. Вспомоществованіе неспособнымъ къ труду и неимѣющимъ работы должно было выражаться посредствомъ публичныхъ раздачъ хлѣба, пищи и денегъ. Вѣдь и богатая аристократическая партія старалась пріобрѣсти вліяніе на толпу, какъ постройками, такъ и частною благотворительностью и частными денежными даяніями. Этотъ путь частнаго заискиванія, на который въ большинствѣ небогатые вожди демократіи неимѣли возможности конкурировать съ аристократіей, долженъ быть затрудненъ передачею

попечительства о бѣдныхъ городской казнѣ. Всѣмъ должно было быть доставлено удовольствіе и образованіе: по идеѣ Перикла всѣ аѳиняне, чтобы казаться достойными панэллинской гегемоніи должны были служить свѣточами образованія, вкуса и художественнаго пониманія. И поэтому бѣдность никого не должна была лишать тѣхъ наслажденій, способствующихъ воспитанію вышеназванныхъ качествъ. Огромныя празднества съ музыкальными и ораторскими исполненіями, равно и панэнеи, діонисіи и другія доставляли случаи къ разностороннему образованію и обученію. Главнымъ образомъ театръ въ избыткѣ доставлялъ образовательныя удовольствія. Потому то Периклъ выступилъ съ предложеніемъ основать даровой театръ, т. е. теориконъ. Подъ этимъ названіемъ должно было неимущимъ выдавать деньги изъ казны для покупки мѣстъ въ театрѣ. Въ случаѣ надобности эти деньги могли быть употреблены для улучшенія пищи или жертвоприношеній и связанныхъ съ ними угощеній. Театральные дни совпадали съ праздничными днями, входъ въ театръ могъ быть доступенъ бѣдняку за пару оболъ.

2. Политическія реформы. Тутъ дѣло шло о значительномъ ограниченіи компетенціи ареопага. Этотъ наидревнѣйшій и всесильный институтъ, родъ тайнаго верховнаго трибунала, вполнѣ аристократическаго оттѣнка, одновременно былъ владыкой государства и государствомъ въ государствѣ. Онъ представлялъ удивительную смѣсь и развѣтвленіе атрибутовъ, почти неограниченное соединеніе компетенцій, монополію всего верховнаго надзора. Политическія и судебныя функціи невообразимымъ образомъ совпадали другъ съ другомъ и утверждали за нимъ недоступную почти абсолютную власть. Съ одной стороны весь государственный строй подчинился верховному надзору ареопага. Исключительно отъ него исходило рѣшеніе о законности всѣхъ дѣйствій, цензура всѣхъ учрежденій, равно какъ и единичныхъ лицъ, и даже цензура верховной народной общины. Съ другой стороны онъ имѣлъ весьма широкую судебную власть, въ которой дѣло объ убійствѣ было только частицей ея. Его пожизненные члены представляли іерархію чиновниковъ, въ которой пожизненно принадлежалъ каждый старѣйшій государственный сановникъ или выслужившій архонтъ, олигархически разчлененную и сплоченную верховную корпорацію, слѣдовательно въ нѣкоторомъ родѣ именно государство въ государствѣ. Представляющіе высшій контроль и вмѣстѣ съ тѣмъ неотвѣтственные ареопагиты имѣли кромѣ того возможность безъ труда все болѣе и болѣе увеличить неограниченность своей власти. Опасеніе затронуть этотъ наидревнѣйшій институтъ былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ окруженъ былъ ореоломъ святости и пользовался религіозными полномочіями; такъ какъ общее вѣрованіе признавало, что ареопаги владѣли таинственными откровеніями боговъ. По этой причинѣ

онъ безпрепятственно и пережилъ паденіе старой аристократіи, патриціевъ или евпатридовъ.

Во время персидскихъ войнъ ареопаги, неожиданно для многихъ, прославились своимъ патріотизмомъ и на ближайшее время укрѣпили тѣмъ свое положеніе. Позже однако ихъ себялюбіе разрослось крайне сильно въ союзѣ съ аристократической партіей, руководимый Кимономъ, они озабочивались только усиленіемъ своего владычества. Ихъ неограниченная власть повела, въ смыслѣ аристократическихъ стремленій, къ злоупотребленію ею и умалила справедливость суда. По мѣрѣ того, какъ возвышалась демократія исчезалъ ореолъ ареопага, священный страхъ и уваженіе убавились. Какъ только самъ ареопагъ понялъ это, онъ дабы показать свою власть принялся за мелочныя упорныя мѣры и ограниченія и этимъ окончательно оттолкнулъ отъ себя всякое расположеніе народа. Онъ лишился достоинства, показавъ себя раздраженнымъ и вмѣсто того, чтобы приспособиться къ требованіямъ времени, онъ напротивъ обратился къ педантичнымъ придиркамъ. Но въ особенности дѣлало его ненавистнымъ для демократической партіи, явившееся сознаніе, что всѣ противодѣйствующіе прогрессу и реформѣ элементы находили въ немъ опору, а съ другой стороны небезсознательное подозрѣніе, что онъ доступенъ измѣнническимъ сношеніямъ со Спартой, что онъ опора лаконизирующей партіи и очагъ спартанскихъ интригъ.

Теперь Периклъ вознамѣрился отдѣлить отъ ареопага его главныя функціи и передать ихъ народнымъ демократическимъ инстанціямъ; у нихъ должны были быть вполнѣ отняты права политической или государственной компетенціи, права же судебныя значительно съужены. Периклъ замышлялъ образовать самостоятельную, контрольную и кассаціонную палату, которая бы съ своей стороны обязана была провѣрять законность всѣхъ актовъ администраціи, далѣе создать самостоятельную, ревизіонную палату, которая имѣла бы право регулировать и охранять узаконенія и наконецъ значительно расширить и организовать народное судопроизводство.

Потому то одновременно съ ограниченіемъ судебной компетенціи ареопага, Периклъ достигалъ значительнаго возростанія числа и власти, назначенныхъ по жребію, народныхъ судей или геліастовъ. Съ этимъ онъ соединялъ проницательное преднамѣреніе раціональнаго отдѣленія юстиціи отъ администраціи. Въ этомъ отношеніи въ Аѳинахъ было много злоупотребленій. Именно по большей части въ лицѣ высшихъ правительственныхъ магистратовъ соединялись тѣсно функціи административная и судебная. Изъ девяти правящихъ сановниковъ или архонтовъ, пользовавшихся хотя и очень неравными, по значенію, судебными компетенціями, извѣстно во время коллегіальныхъ засѣданій, предсѣдательствовалъ первый архонтъ—эпонимъ, второй—базилевсъ былъ гла-

вой религіозныхъ дѣлъ, третій, или полемархъ, формально управлявшій военнымъ департаментомъ преимущественно рѣшалъ судебные процессы между союзниками. Остальные шесть правящихъ архонтовъ тесмотеты преимущественно подвизались на судебномъ поприщѣ. При такомъ положеніи дѣлъ злоупотребленія олигархическаго характера, непотизмъ и подкупность были неизбѣжны. Чтобы прекратить ихъ требовалось посредствомъ широкой судебной реформы разъ навсегда отдѣлить судебное дѣлопроизводство отъ административнаго и перенести въ народные или присяжные суды. Перенесеніе бывшихъ судебныхъ уполномочій магистратуры, равно какъ и большинство судебныхъ правъ ареопага на суды присяжныхъ налагало, между прочимъ на народъ такое множество обязанностей и трудовъ, что далѣе оказывалось необходимостью одновременно съ судебной реформой ввести *вознагражденіе судьямъ, т. е. суточныя для засѣдающихъ присяжныхъ*. Безъ таковаго вознагражденія отрывать неимущихъ гражданъ отъ ихъ ремесла или поденной платы было бы нетолько нежелательно, но и невыполнимо. А между тѣмъ казалось желательнымъ не предоставлять судебныхъ функцій исключительно болѣе состоятельной части народа.

Но этимъ не исчерпывалось еще послѣдовательность идей Перикла о политическихъ реформахъ. Давая гражданамъ столь обширныя судебныя уполномочія съ которыми одновременно связано было вознагражденіе на счетъ государства ему казалось настоятельно необходимымъ подвергнуть права на званіе гражданина строгому упорядоченію закономъ. Существующія дотолѣ рѣшенія о правѣ на гражданство сами по себѣ неудовлетворительныя и растяжимыя неопредѣленно примѣнялись на практикѣ. Фактически въ выполненіи гражданскихъ обязанностей принимали участіе не только такъ называемые нотой, т. е. дѣти рожденныя внѣ брака отъ гражданина и гражданки; но со временъ Клисѳена гражданскими правами толпами овладѣли подкинутыя и иностранцы. Теперь же Периклъ путемъ юридической реформы правъ гражданства намѣревался произвести ревизію, разсмотрѣть и очистить это фактическое положеніе дѣлъ, въ силу котораго правами гражданства пользовались бы только сыновья гражданина и гражданки, всѣ остальныя категоріи исключались изъ числа гражданъ. Въ этомъ ограниченіи онъ видѣлъ узду для демократизма, ручательство умѣренности и справедливости.

3. Военныя и оборонительныя реформы. Въ виду предстоящей борьбы въ интересахъ національной объединительной идеи Периклъ намѣревался на существующемъ уже базисѣ всеобщей воинской повинности двухгодичнаго обученія и двадцатипятилѣтней обязательной военной службы образовать безусловное военное превосходство Аѳинянъ надъ всякимъ противникомъ и создать пикетъ и на морѣ и на сушѣ. По его плану и въ мирное время флотъ и сухопутное

войско должны были состоять въ активной службѣ восемь мѣсяцевъ въ году, дабы упражненіемъ и маневрами увеличить ихъ военное искусство. Если же аѳинское войско вмѣстѣ съ тѣмъ граждане готовы будутъ не для однѣхъ Аѳинъ, но для всей Греціи подвергаться надобной жертвѣ то они образуютъ такимъ образомъ стойкую военную силу, постоянное ядро союзной арміи, будущаго панэллинскаго союза. Отсюда казалось справедливымъ возраставшія требованія покрыть нѣкоторой долей денежнаго вознагражденія. Поэтому Периклъ замышлялъ введеніе общаго служебнаго вознагражденія сухопутному войску и флоту.

Нельзя сомнѣваться, что развитіе военнаго морскаго дѣла, равно какъ и мореплаванія вообще въ высшей степени были близки къ сердцу Перикла. Но также достовѣрно и то, что онъ, соображаясь съ планами Ѳемистокла, въ интересахъ защиты обратилъ главное вниманіе на обширную разработку фортификаціонной системы города и его гаваней. Не смотря на возраженія спартанцевъ, Ѳемистоклъ укрѣпилъ городъ Аѳины стѣною, окружностью приблизительно въ милю, съ множествомъ башенъ и, по меньшей мѣрѣ, девятью воротами, и въ то же время съ другой стороны укрѣпилъ гавани Пирея. Окружающая его съ моря и суши стѣна полторы мили въ окружности и высоту 30 фут. и такую ширину, что на ней могли разъѣхаться два встрѣтившіеся воза. Теперь же преимущественно подобными же крѣпостными стѣнами слѣдовало установить фортификаціонное сообщеніе между городомъ Аѳинами и гаванями Пиреемъ, Мунихіей и Фалерономъ дабы гарантировать съ моря, въ случаѣ осады, помощь и подвозъ. Изъ этой стратегической идеи вытекалъ планъ „продовольныхъ стѣнъ".

Вотъ въ чемъ заключалась сущность проэктовъ Перикла, выросшихъ на почвѣ національной, объединительной или панэллинской идеи союза и развитыхъ во множествѣ разнообразнѣйшихъ стремленій. Отъ обстоятельствъ, отъ положенія и развитія дѣлъ должно было зависѣть, которыя изъ этихъ стремленій первыя могли бы принести плоды, или которая изъ идей могла бы ранѣе осуществиться. Безъ сомнѣнія Периклъ вѣрилъ въ то, что, для преслѣдованія своихъ плановъ, онъ можетъ разсчитывать на поддержку сочувствующихъ эллиновъ, такъ какъ сознаніе національнаго объединенія выработалось уже въ теченіи трехъ столѣтій. Даже Гезіодъ зналъ значеніе и слово панэллинизмъ! Периклъ тѣмъ болѣе разсчитывалъ на сочувственныя настроенія, что выросъ подъ впечатлѣніями національныхъ войнъ за свободу, во время горячей борьбы панэллинскихъ стремленій. Въ то время существующій уже болѣе тѣсной делосскій союзъ по своему принципу равноправности всѣхъ членовъ, казалось, могъ заполонить и самаго упорнаго. Въ этомъ небольшомъ кружкѣ предводительство Аѳинъ не преобразилось еще въ безформенное владычество и вслѣд-

ствіе этого могущество Аѳинъ не вызывало зависти и страха меньшихъ государствъ и ихъ далекая извѣстность не потеряла еще нѣкоторой доли своей популярности.

Но съ другой стороны также симпатіи или, по крайней мѣрѣ, интересы пелопоннесцевъ все еще тѣсно были связаны со Спартой и, по видимому, могли быть пріобрѣтены Аѳинами только въ томъ случаѣ, если Спарта окажется недостаточно сильной для защиты ихъ, или если бы представлялась возможность начать разъединеніе посредствомъ котораго значеніе Аѳинъ все болѣе увеличилось бы, Спарта падала бы все ниже. Въ увѣренности что подобное рѣшеніе неминуемо, Периклъ продолжалъ борьбу со старыми элементами, и въ ожиданіи будущаго онъ съ тѣхъ поръ сталъ душою демократической системы въ Аѳинахъ.

5. ПЕРИКЛЪ КАКЪ ОРАТОРЪ.

Средствомъ къ его возвышенію и возрастающему вліянію была не власть его по занимаемому мѣсту, но сила его краснорѣчія.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Периклъ не занималъ также и государственныхъ должностей. Дѣйствительно впродолженіе всей своей жизни онъ никогда не пользовался саномъ архонта, т. е. на него никогда не падалъ жребій занять постъ въ настоящемъ правительственномъ учрежденіи. Но путемъ вы-

боровъ онъ достигалъ другихъ вліятельныхъ должностей. Съ теченіемъ времени его преимущественно избирали стратегомъ или главнокомандующимъ, т. е. членомъ коллегіи десяти стратеговъ военнаго совѣта. Въ качествѣ его онъ принималъ участіе не только въ управленіи всѣхъ военныхъ дѣлъ и при случаѣ былъ полководцемъ, но и имѣлъ право созывать чрезвычайныя народныя собранія. Онъ занялъ этотъ постъ въ первые послѣ ссылки Кимона въ 461 году но только въ 454 г. онъ вторично и ежегодно былъ выбираемъ стратегомъ. И другіе выборные посты, какъ напр., столь важный верховнаго управляющаго финансами и хранителя союзной казны онъ занималъ не ранѣе 460 год. Слѣдовательно его дѣятельность какъ народнаго оратора, не зависѣла отъ вліянія государственнаго представителя, въ первые пять—шесть лѣтъ, а въ послѣдующія шестнадцать лѣтъ, только время отъ времени она связывалась съ положеніемъ правительственнаго сановника.

И не смотря на то, Периклъ все таки какъ до, такъ и по достиженіи служебной власти, какъ частный дѣятель и правительственный представитель неизмѣнно правилъ государствомъ, правилъ силой своего ума и слова, правилъ съ авторитетомъ властелина. Онъ возросъ до главы государства, потому что онъ былъ и оставался воплощеннымъ выраженіемъ того, что сознательно или безсознательно волновало душу народа.

Даже его современники сообщают намъ, какое громадное вліяніе производила его рѣчь на всѣхъ его согражданъ и верховное народное собраніе. Всѣмъ своимъ существомъ онъ какъ бы созданъ былъ быть ораторомъ. Его внѣшность была пластична на трибунѣ, никакой аффектъ рѣчи не нарушалъ драпировку его одежды, онъ держалъ себя спокойно и сдержанно: постоянно серьезное лицо было безъ малѣйшей улыбки, говорилъ съ достоинствомъ и возвышенно, согласно его мышленію, которое никогда не обезображивала своевольная или пошлая острота, голосъ его при всей энергіи выраженій звучалъ мягко и гармонично. Все это само по себѣ производило волшебное впечатлѣніе, къ этому еще присоединялась значительность содержанія его рѣчей. Онѣ, признаетъ даже многорѣчивый Цицеронъ, всегда были благородны, остроумны, кратки и сильны, въ нихъ больше содержанія, чѣмъ словословія. Периклъ не любилъ растягивать свою мысль, но приправлялъ свою рѣчь философскими поученіями. Потому что полный ума, знаній и учености, бывшій ученикъ Анаксагора легко и шутя умѣлъ переносить въ судебныя и народныя рѣчи образованіе, почерпнутое въ глубокомысленнѣйшей метафизикѣ и натуральной философіи. Изъ этого, преимущественно по мнѣнію Сократа, вытекало превосходство Перикла надъ другими ораторами. Съ богатствомъ мыслей онъ соединялъ „*ловкость*“ всегда находить подходящій способъ рѣчи для того, чтобы заставить отозваться каждую струну человѣческаго сердца. Или, какъ выражается Плутархъ, что онъ владѣлъ „искуствомъ понимать настроенія и страсти и увѣренными аккордами играть на нихъ.“ Его пріятная рѣчь, говоритъ Цицеронъ, восхищала Аѳинянъ, богатство содержимаго вызывало восторгъ, потрясающая сила его краснорѣчія вызывала страхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ со всею строгостью выступалъ противъ нападокъ своихъ согражданъ или рѣзко возражалъ черни, его рѣчь казалась народной и охотно выслушивалась. Не смотря на то, что современники комики на всѣ лады бранили его, они все таки признавали, что грація возсѣдала на его устахъ и соединялась съ такой силой, что его слова оставляли, какъ бы жало въ душѣ его слушателей.

Такимъ образомъ его краснорѣчіе было школой умовъ. Ему онъ обязанъ названіемъ олимпійскаго. Про него говорили: онъ сверкаетъ и громитъ съ трибуны, его уста поражаютъ громомъ. Одинъ изъ его главнѣйшихъ аристократическихъ противниковъ, Ѳукидидъ, объявилъ однажды спартанскому царю, Архидаму: „когда онъ побѣжденъ мною, то онъ побѣдоносно доказываетъ, что онъ не палъ и внушаетъ противное очевидности.“ Входя на трибуну Периклъ каждый разъ молился про себя, „чтобы съ его устъ не сорвалось что-либо неприличное.“

Безъ подготовки онъ никогда не соглашался говорить. Впрочемъ какъ видно изъ характеристики

историка Өукидида и въ тоже время вытекаетъ изъ фактовъ, что ораторская дѣятельность Перикла была отчасти воодушевляющая и побуждающая стремиться впередъ или отчасти же удерживающая или отклоняющая. То онъ подстрекалъ рушить преграды политическихъ противниковъ или воодушевлялъ народъ разрабатывать демократическую систему въ его духѣ, т. е. въ духѣ консервативномъ, то снова озабочивался сдерживать и укрощать народъ, когда настроеніе послѣдняго казалось слишкомъ увлекающимся.

При этомъ въ избѣжаніе пресыщенія онъ всегда соблюдалъ извѣстную сдержанность передъ народомъ; онъ избѣгалъ выступать при всѣхъ случаяхъ самолично, онъ точно сберегалъ себя для важнѣйшихъ дѣлъ, часто посылая вмѣсто себя въ бой друзей ораторовъ, своихъ приверженцевъ, и единомышленниковъ.

Такъ какъ исконно Периклъ намѣревался побороть и низвергнуть аристократическую партію то такимъ образомъ онъ сталъ противъ Кимона, тогдашняго руководителя Аөинъ и аристократіи. Онъ, по необходимости долженъ былъ соперничать съ нимъ во всѣхъ его желаніяхъ и попыткахъ, во всѣхъ стремленіяхъ и качествахъ. Онъ, не только долженъ былъ мириться съ тѣмъ, что его сравнивали съ Кимономъ, но не минуемо долженъ былъ самъ вызывать на то. Это сравненіе, за исключеніемъ военныхъ удачъ противника, было во всѣхъ отношеніяхъ въ его пользу.

6. ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ КИМОНОМЪ И ПЕРИКЛОМЪ.

Роды Кимона и Перикла по своему историческому прошлому и соціальному положенію, были повидимому близко и тѣсно знакомы. Но ихъ взаимныя отношенія были и оставались не дружелюбны, но скорѣе рѣзкаго и дисгармоническаго свойства. Сестра Кимона Эльпиника, родившаяся въ 500 г. кокетливыми уловками тщетно старалась привязать годами моложе ея Перикла къ себѣ и къ интересамъ своего дома. Она, вышедшая позже по необходимости замужъ за человѣка низшаго происхожденія, по имени Каліаса, (не за сына евпатрида Гипоникоса) не могла возстановить гармоніи и близости между двумя семьями уже въ силу того, что, какъ въ нравственномъ, такъ и политическомъ отношеніи, была интриганткою.

Кромѣ того враждебное противоборство Кимона и Перикла можетъ признаваться послѣдственнымъ, такъ какъ уже, отецъ Перикла, Ксантипосъ въ свое время выступалъ обвинителемъ противъ отца Кимона, Мильтіада характеры сыновей, еще рѣзче чѣмъ ихъ отцовъ, противорѣчили другъ другу.

Кимонъ, въ полномъ смыслѣ, былъ боецъ, съ головы до ногъ суровый воинъ. При этомъ—ограниченнаго ума, безъ воспитанія и образованія. Потому то онъ и не стремился ни къ чему другому, какъ къ постояннымъ походамъ и военнымъ дѣйствіямъ. Периклъ, напротивъ, по своимъ наклонностямъ былъ

болѣе государственнымъ мужемъ и расчетливымъ политикомъ. Съ глубочайшими познаніями и сообразительностью въ немъ соединялись деликатность чувствъ и тончайшій вкусъ.

Такъ называемое понятіе о внѣшней и внутренней политикѣ сложилось у Кимона просто по аристократическимъ воспоминаніямъ и предразсудкамъ.— Препятствовать внутреннимъ демократическимъ преобразованіямъ или введенію демократическаго правленія, равно какъ поддерживаніе мира и союза между двумя главными державами Греціи, Аѳинами и Спартой: вотъ каковы были у него предвзятые и неизмѣнно стойкіе принципы, по которымъ онъ измѣрялъ все и вся. Напротивъ Периклъ, выработавъ убѣжденія усидчивымъ многолѣтнимъ ученіемъ, явился во внутреннихъ дѣлахъ, хотя и съ умѣренностью и постояннымъ изысканіемъ консервативныхъ гарантій, рѣшительно представителемъ системы прогресса. Относительно внѣшнихъ дѣлъ, въ силу добросовѣстно выработаннаго убѣжденія, былъ противникомъ бывшаго дотолѣ національнаго дуализма и горячій поклонникъ всеобщей гегемоніи Аѳинъ.

Кимонъ допускалъ, по его выраженію, чтобы „Эллада хромала на одну ногу (разумѣя Спарту) и чтобы Аѳины тащили ярмо безъ товарища.“ Вслѣдствіе этого его упрекали въ томъ, что „для выгодъ Спарты онъ жертвуетъ величіемъ Аѳинъ,“ упрекъ высказанный даже другомъ спартанцевъ Критіемъ.

Периклъ напротивъ желалъ полной свободы дѣйствія и гегемоніи Аѳинъ въ Элладѣ. Согласно желанію Кимонъ постояннымъ продолженіемъ войны съ Персіей старался отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ и отъ распрей со Спартой. Желавшій замѣстить и расширить политику Аристида, Периклъ признавалъ напротивъ, что продолженіе войны съ достаточно ослабленной, но не подверженной уничтоженію Персіей, было безцѣльно и находилъ необходимѣе соединить всѣ силы въ пользу національной панэллинской политики.

Какъ въ политикѣ, такъ и на почвѣ религіи и народныхъ вѣрованій, Кимонъ былъ косенъ и ортодоксаленъ; Периклъ же, какъ вѣрный ученикъ Анаксагора былъ просвѣщенно религіозенъ, свободенъ отъ старыхъ предразсудковъ и старался просвѣтить народъ.

Не смотря на свой аристократизмъ нравственность и направленіе Кимона были грубо плебейскія. Демократизмъ же Перикла проявлялся въ немъ аристократическими пріемами, онъ держалъ себя съ важностью и достоинствомъ.

Относительно народа Периклъ былъ сдержанъ даже нѣкоторымъ образомъ рѣзокъ. Кимонъ же дружественъ, братался съ каждымъ и былъ всякому товарищъ. Кимонъ любилъ бражничать и былъ непостояненъ въ любви. Периклъ, напротивъ, былъ почти до крайности, умѣренъ во всѣхъ наслажденіяхъ, по-

стояненъ въ своихъ наклонностяхъ и образцемъ домовитости. Какъ мы увидимъ ниже его супружество съ Аспазіей носило отпечатокъ взаимнаго благороднѣйшаго оплодотворенія ума и образованія, оттѣнокъ несокрушимой вѣрности, удивительной домовитости и почти романической нѣжности.

Вотъ что составляло суть противоположности характеровъ обоихъ вождей соперничествующихъ партій. Она придавала борьбѣ обоихъ сообразные индивидуальныя формы и оттѣнки.

Въ 480 г. Кимонъ отличился въ битвѣ при Саламинѣ и уже въ 476 г. прославился какъ полководецъ. Онъ именно съ 470 до 468 г. изгналъ Персовъ изъ Ѳракіи, взялъ штурмомъ крѣпость Эйонъ и завоевалъ островъ Скиросъ, оттуда онъ перевезъ въ Аѳины предполагаемые останки аѳинскаго родоначальника, Тезея. Это поклоненіе реликвіямъ, не менѣе его храбрыхъ дѣлъ, вызвало у полнаго миѳическихъ сказаній народа не мало благодарности и восторга. Въ 476 г. было ли то послѣ или до смерти Аристида, онъ безъ сомнѣнія снова отправился въ походъ, чтобъ въ бою съ Каристіями украситься новыми лаврами. По видимому въ то самое время, въ отсутствіи Кимона, Периклъ впервые покинулъ частную жизнь, рѣшивъ осуществить свои идеи. Свою общественную дѣятельность онъ началъ съ того, что вступилъ въ кружокъ демократической партіи.—Этотъ шагъ, за которымъ непосредственно слѣдовало публичное отстаи-

ваніе демократическихъ интересовъ, вызвалъ среди аристократіи величайшую сенсацію. Шагъ этотъ былъ первымъ рѣшительнымъ знакомъ отпаденія, первымъ фактическимъ разрывомъ съ ней.

7. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГЕТЕРІЯ.

Кружки развились въ Аѳинахъ уже съ давнихъ поръ. И демократическая гетерія находилась не въ первой стадіи своего существованія. Вступивъ въ нее Периклъ сталъ рядомъ съ опытными вождями: именно съ Эфіалтомъ, которому Аристидъ, безъ сомнѣнія еще при жизни передалъ руководство гетеріи и съ которымъ, вѣроятно, Периклъ былъ близко знакомъ ранѣе. Какъ потомокъ высоко аристократическаго рода Периклъ неотъемлемо долженъ былъ играть самую выдающуюся роль. Но, повидимому онъ первоначально довольствовался тѣмъ, что старался, будучи собственно главой партіи, побуждать къ рѣшительности членовъ гетеріи и прежде всего Эѳіалта, которому оффиціально однако онъ предоставлялъ первенство.

Эѳіалтъ, сынъ Софонида, былъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ личностей тогдашнихъ Аѳинъ, философски развитой государственный мужъ и знаменитѣйшій адвокатъ своего времени. При безкорыстіи на поприщѣ своей дѣятельности, находясь всегда безъ средствъ, онъ тѣмъ болѣе казался богатымъ нравственными и умственными качествами, былъ честенъ и справедливъ до мученичества. По этимъ качествамъ его ставили

на одну ступень съ бывшимъ главой демократіи, прежнимъ его ближайшимъ товарищемъ, Аристидомъ. И на войнѣ Эфіалтъ выказалъ столько способности, что пріобрѣлъ славу рѣдкаго мужества. Позже въ 461—60 г. мы видимъ его рядомъ съ Перикломъ во главѣ военнаго флота изъ 30-ти судовъ.

О благородствѣ его направленія до насъ дошли грандіозныя черты. Его краснорѣчіе было столь внушительно, что каждое судебное дѣло казалось выиграннымъ или потеряннымъ, смотря потому, имѣло ли оно его защитникомъ или противникомъ. Однажды, какъ правительственный обвинитель, онъ принужденъ былъ противостать отцу лучшаго изъ своихъ молодыхъ друзей. И, хотя сердце его обливалось кровью, онъ твердо и добросовѣстно провелъ обвиненіе и осужденіе отца своего друга, такъ какъ былъ убѣжденъ въ его винѣ.

Дабы выказать величіе его заслугъ и въ тоже время помочь его безкорыстной бѣдности, его друзья и приверженцы, вѣроятно, съ Перикломъ во главѣ, устроили патріотическую подписку, доставившую 10 талантовъ или 1500 талеровъ. Но когда пожелали передать ему этотъ подарокъ, онъ рѣшительно отвергъ его, съ заслуживающими удивленія, словами: „Принявъ подарокъ я тѣмъ могъ бы поставить себя въ положеніе или оказывать вамъ благодарное предпочтеніе въ ущербъ справедливости или относиться къ вамъ безъ вниманія въ ущербъ благодарности, но я

не могу ни того ни другаго не желаю быть несправедливымъ и неблагодарнымъ.“ При всѣхъ случаяхъ Эфіалтъ положительно выставленъ безукоризненной и образцовой личностью.

Периклъ и Эфіалтъ были или стали близкими друзьями; ихъ связывали одинаковыя воззрѣнія, одни и тѣ же принципы управленія. Вначалѣ Эфіалтъ былъ знаменитѣе, такъ какъ онъ выступилъ ранѣе и чаще заявлялъ о себѣ, чѣмъ Периклъ и потому еще, что казался настоящимъ передовымъ борцемъ за ихъ общіе принципы. То былъ онъ, который по насмѣшливому выраженію Платона уподоблялся „виночерпію, подносящему гражданамъ полную и изощренную свободу“) „онъ ставилъ въ соображеніяхъ предложенія тогда какъ Периклъ только поддерживалъ ихъ, поэтому олигархи больше всего боялись и ненавидили его. Къ тому же онъ былъ неумолимо строгъ и строгъ, когда напр. дѣло шло о сдачѣ отчетовъ олигархическими учрежденіями или объ обвиненіяхъ тѣхъ, которые по его убѣжденію нарушили права народа. Съ нимъ вѣроятно обстоятельно обсуждалъ Периклъ всѣ свои проэкты. Но между тѣмъ какъ Периклъ относился ко всѣмъ одинаково любовно, Эфіалтъ, какъ демократическій юристъ, понятно отдавался преимущественно планамъ свободной политико-юридической реформы объ ослабленіи ареопага и развитіи суда присяжныхъ.

Какъ кажется въ то самое время большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ исторіи пользовался Демонидъ

изъ Оха, отецъ музыканта Дамона. Демонидъ преимущественно склонялся къ соціальнымъ реформамъ, именно къ введенію публичныхъ раздачъ неимущимъ и въ пользу денегъ для праздничества.—Намѣреваясь для выполненія своей системы идти впередъ шагъ за шагомъ, Периклъ естественно началъ съ того, что представляло наиболѣе шансовъ къ достиженію. А это были именно соціальные проэкты.

Борьба Кимона и Перикла, соціальная реформа.

Лишь только Кимонъ побѣдилъ (въ 467 г.) Каристіевъ, какъ на слѣдующую зиму Наксійцы осмѣлились отпасть отъ делосскаго союза. Подавленіе этого возстанія и взятіе Наксоса вполнѣ заняли Кимона въ 466 году. По его внушенію въ наказаніе за ихъ отпаденіе, Наксійцы—первый примѣръ въ этомъ родѣ,—изъ союзниковъ были обращены въ подданныхъ. Съ тѣхъ поръ Кимонъ готовился къ новому предпріятію противъ Персовъ въ Малой Азіи и въ мартѣ 465 г. онъ отплылъ съ сильнымъ флотомъ, чтобы начать операціи въ Каріи. Слѣдовательно, между тѣмъ какъ Кимонъ неустанно пожиналъ на полѣ битвы новые лавры, дома онъ неотъемлемо считался властителемъ черни. Своимъ, добытымъ большею частью въ походахъ, богатствомъ имѣлъ возможность стать великимъ благодѣтелемъ бѣдныхъ. Его сокровища въ избыткѣ доставляли денежную помощь, наиболѣе нуждающимся, имъ ежедневно давалась пища и одежда. Его популярность достигла апогея, когда онъ приказалъ уничтожить всѣ ограды въ своихъ имѣніяхъ и предоставилъ производимые ими плоды во всеобщее пользованіе.

Эти мѣры однако выражали не столько его прирожденную потребность къ благотворительности, сколько заученное заискиваніе популярности въ интересахъ аристократической партіи. Оно по намѣренію и дѣйствію равнялось подкупу и соблазну: Эфіальтъ и Периклъ, да и вообще вожди народной партіи по недостаточности средствъ не могли состязаться съ нимъ на этомъ поприщѣ, да къ тому же они и въ принципѣ отвергали всякій способъ и оттѣнокъ личнаго выманиванія у народа расположенія; поэтому они съ своей стороны изощрялись привлечь къ себѣ народъ другимъ способомъ и именно такимъ, который одновременно парализовалъ бы разсчеты аристократовъ. Они выступили съ требованіемъ: чтобы потребности неимущихъ удовлетворялись не практикуемой дотолѣ монополизированной благотворительностью единичныхъ богачей; но въ будущемъ были приняты государствомъ на себя.

Нѣтъ сомнѣнія, что Демонидъ изъ Оха особенно горячо агитировалъ въ пользу этого предложенія, но увѣреніе Аристотеля, что Периклъ по его внушенію принялся за него, надо понимать не въ смыслѣ того, что Перикла требовалось побуждать къ тому. Для осуществленія дальнѣйшихъ своихъ проэктовъ, онъ преимущественно нуждался въ большинствѣ народныхъ

голосовъ, а чтобы получить ихъ, онъ ранѣе долженъ былъ принять мѣры, безспорно соотвѣтствующія матеріальнымъ нуждамъ толпы, равно какъ и его личнымъ убѣжденіямъ. И такимъ то образомъ, по всей вѣроятности, весною 465 г., когда Кимонъ стоялъ лагеремъ противъ Персовъ въ Филіи—побѣдоносно проведенъ былъ новый законъ введенія общественной раздачи милостыни и терикона на общественныя зрѣлища. На богатыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ аристократовъ, дотолѣ охотно тратившихъ свои сокровища на подкупъ бѣдняковъ, наложили обязанность поставлять, повидимому въ то время, огромные и дорогіе хоры. Съ увѣренностью можно признать, что, вѣроятно, Периклъ не допускалъ, чтобы въ силу только этого успѣха Кимонъ могъ лишиться своего могущества. И дѣйствительно, вернувшись нагруженный добычей среди лѣта побѣдителемъ на морѣ и на сушѣ въ битвѣ при Эвримедонѣ и завоевателемъ всего Херсонеса, онъ былъ героемъ дня. Находя нововведенія, соотвѣтствующія его интересамъ, народъ охотно принялъ ихъ отъ вождей демократіи, но въ то же время не отрекался отъ своего бывшаго аристократическаго покровителя и благодѣтеля. По прежнему на него одного возлагалъ онъ важнѣйшія и въ особенности военныя миссіи. Ему главнымъ образомъ осенью, того же года, когда послѣ долгаго спора съ Аѳинами Тазійцы отказались отъ делосскаго союза, поручены были осада и покореніе отложившихся островитянъ.

Съ самаго начала эта новая военная задача могла казаться въ высшей степени трудной и продолжительной, кромѣ того она пугала возможностью совпаденія большихъ военныхъ осложненій во Ѳракіи и Македоніи. И потому очень возможно допустить, что Кимонъ, желая, по крайней мѣрѣ, на то время держать персовъ въ бездѣйствіи, велѣлъ сообщить имъ: что онъ охотно воздержится отъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ нихъ, если они съ своей стороны удалятся на разстояніе одного дня отъ береговъ Малой Азіи и съ своими судами не перейдутъ Кіанійскихъ острововъ у устья Босфора, ни Калидонійскихъ острововъ на юговостокѣ Ликіи. Какъ бы то ни было Персы бездѣйствовали, пугавшее возстаніе во Ѳракіи не осуществилось, и казалось возможнымъ избѣгнуть столкновенія съ Македоніей. Напротивъ покореніе Тазійцевъ потребовало промежутка времени отъ конца 465 или начала 464 г. до весны 462 г. Въ это время Кимонъ неизмѣнно избирался полководцемъ и неизмѣнно возобновляли его полномочія на веденіе тазійской войны. И такъ его вліяніе постоянно оставалось рѣшительно преобладающимъ.

Безъ сомнѣнія, что это вліяніе препятствовало приведенію въ исполненіе ближайшихъ, далеко заходящихъ намѣреній Эфіалта и Перикла. Первая попытка положить предѣлъ правительственнымъ злоупотребленіямъ относительно архонтата и ареопага вполнѣ не удалась. Но именно эта неудача побудила демо-

кратическую партію къ окончательному рѣшенію ограничить правительственную власть и напротивъ усилить власть народа, т. е. преимущественно основательно разъединить административныя и судебныя области, и замѣстить судопроизводство магистрата народными судами и ввести судебное вознагражденіе присяжныхъ.

Въ то время этотъ ясно выступившій планъ, угрожавшій необычайнымъ ослабленіемъ власти архонтату и ареопагу, вызвалъ въ затронутыхъ имъ кругахъ сильное волненіе. Аристократическая партія рѣшила стойко сопротивляться, а личное значеніе ихъ популярнаго вождя дѣйствительно на первое время обезпечивало имъ успѣхъ. Но опять же это на сторонѣ демократовъ подстрекало личное озлобленіе къ всесильному Кимону и пылкая фракція ея стремясь къ его низверженію по возвращеніи его изъ Тазоса въ мартѣ 462 г. обвинили его въ измѣнѣ странѣ. Онъ, гласило обвиненіе, допустилъ подкупить себя царю Александру и вслѣдствіе этого отказался, какъ того вообще ожидали въ Аѳинахъ, дать почувствовать изъ Тазоса коварной Македоніи превосходство аттической военный силы.

Периклъ, и по всей вѣроятности, Эфіалтъ не одабривали этого, такъ какъ ударъ заходилъ за предѣлъ, который заключался только въ удаленіи Кимона отъ государственныхъ дѣлъ, за измѣну же странѣ предстояла смертная казнь. И къ тому же невѣроятнымъ было доказать безусловную виновность обвиняе-

маго. Но разъ начатый процессъ долженъ былъ быть доведенъ до конца, при этомъ самъ Периклъ былъ назначенъ государственнымъ прокуроромъ, со стороны народа. Тѣмъ онъ обязывался превозмочь свое отвращеніе въ этомъ дѣлѣ и исключительно преслѣдовать государственный интересъ. Какъ разсказываютъ Эльпиника старалась внушить ему милосердіе къ ея брату. Говорятъ, Периклъ улыбаясь отослалъ ее со словами: ты слишкомъ стара Эльпиника, чтобы браться за такія большія дѣла. На вопросъ объ истинѣ этого анекдота, мы не беремся отвѣчать. Но достовѣрно доказано, что Перикла не требовалось смягчать, что изъ всѣхъ прокуроровъ онъ былъ самый мягкій и что онъ для формальнаго выполненія своей обязанности единственный разъ всталъ передъ судомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Кимонъ былъ оправданъ. Но неожиданнымъ образомъ именно въ это самое время для проведенія плановъ Перикла представились наиблагопріятнѣйшіе шансы. Казалось будто однимъ образомъ ему могло удасться уладить: мирное паденіе противной партіи, политическую и военную побѣду реформъ и созданія панэллинскаго союза.

9. Ссылка Кимона, политическія, реформенныя и военныя узаконенія и опытъ національнаго объединенія. (462—459).

Лѣтомъ въ 462 г. Лаконія подверглась ужасному землетрясенію и Спарта была совсѣмъ разруше-

на. Только благодаря этому явленію природы рушился коварный, тайный союзъ, заключенный Спартой съ тарійцами, съ цѣлью вторженія въ Аттику. Непосредственно послѣ землетрясенія многострадальные клоты и мессенійцы учинили возстаніе, которое неожиданно, какъ третья мессенская война привело столь сильную дотолѣ Спарту на край гибели. Казалось что Спарта какъ бы навсегда должна была быть низвегнута съ высоты своего величія, такъ какъ она одновременно была принижена придавлена и ослаблена. Если эти факты сами собой открывали Периклу путь къ благопріятнымъ случайностямъ ближайшаго времени, то ослѣпленность и ошибочныя дѣйствія аристократической партіи въ Аѳинахъ окончательно привели къ быстрому измѣненію порядка дѣлъ.

Имѣющееся озлобленіе партій вызванное процессомъ о государственной измѣнѣ Кимона, едва начинало уменьшаться, когда въ маѣ 462 г. Спарта обратилась къ Аѳинамъ за помощью для усмиренія возставшихъ подданныхъ. Не принимая во вниманіе грѣховъ Спарты относительно Аѳинъ, Кимонъ подъ давленіемъ лаконизирующей аристократіи и своей личной склонности, дѣйствительно согласился поставить предложеніе, удовлетворить просьбу Спарты и послать, просимую противъ мессенійскихъ инсургентовъ, помощь. На перекоръ настоятельнымъ увѣщеваніямъ Эфіалта и Перикла, не желавшихъ помогать возстановленію соперничествующей державы хотя и съ величайшимъ трудомъ, но предложеніе побѣдоносно прошло.

Такимъ образомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ командой самого инициатора вспомогательной аѳинскій корпусъ изъ 4000 гоплитовъ отплылъ въ Мессенію, гдѣ крѣпость Итома, главная военная позиція возставшихъ болѣе года напрасно осаждалась спартанцами. Искусство осаждать гораздо болѣе было присуще аѳинянамъ, чѣмъ спартанцамъ, поэтому помощь Аѳинъ была для нихъ столь желательной и столь усердно выпрашиваемой. Но лишь только она явилась, какъ у нихъ зашевелилось подозрѣніе, что аѳиняне не достаточно преданы дѣлу и легко можетъ случиться, что неохотно помогающіе могли стать союзниками возстанія. Вѣроятно рядъ ничтожныхъ происшествій поддерживалъ и усиливалъ это недовѣріе. Имъ уже чудились разныя соглашенія. И спустя нѣкоторое время рѣшили безъ обиняковъ отдѣлаться отъ непріятныхъ помощниковъ. Около октября, подъ предлогомъ, что въ нихъ больше не нуждаются аѳинское вспомогательное войско, единственное изъ всѣхъ остальныхъ союзниковъ Спарты, было отослано безъ лагеря при Итомѣ обратно назадъ. Подобное оскорбительное обращеніе, и причиненное тѣмъ поруганіе чести Аѳинъ имѣло дѣйствіе удара молніи, оно до крайности возмутило возвращающихся изъ подъ Итомы вооруженныхъ гражданъ и моментально вызвало полный поворотъ настроенія въ Аѳинахъ. Имѣвшійся еще у народа остатокъ неудо-

вольствія противъ Спарты, забывшей враждебное соглашеніе съ тазійцами, возросъ до положительнаго отвращенія къ ней, которое естественно перешло на бывшаго виновника оскорбленія Кимона. Низверженіе его, казавшееся незадолго до того невозможнымъ, стало вдругъ не затруднительнымъ для демократической партіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ по другой причинѣ въ ту самую пору онъ сдѣлался для нихъ неизбѣжной необходимостью, потому что, во время отсутствія Кимона въ Пелопонесѣ, Эфіалтъ и Периклъ нанесли первые удары власти ареопага, т. е. они пасинуировали народъ посредствомъ цѣлаго ряда предложеній о сокращеніи его полномочій и перенесеніи ихъ въ демократически организованныя инстанціи; предложенія эти дѣйствительно были признаны народной общиной законными рѣшеніями, но однакоже не хватило времени привести ихъ въ исполненіе на практикѣ. Теперь, лишь только Кимонъ возвратился сухимъ путемъ изъ своего жалкаго похода, какъ онъ тотчасъ началъ работать не только надъ уничтоженіемъ принятыхъ рѣшеній, но при этомъ вообще и надъ тѣмъ, чтобы возстановить перевѣсъ аристократіи въ той степени, какъ онъ существовалъ при Клисѳенѣ. Вслѣдствіе этихъ реакціонныхъ интригъ партійное озлобленіе возросло до угрожающихъ размѣровъ. Въ нихъ демократія признавала новую, побуждающую причину, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ опаснаго Кимона. Слѣдовательно между тѣмъ какъ съ одной стороны Аѳиняне въ своемъ неудовольствіи къ Спартѣ, формально отказались отъ стараго союза съ ней и напротивъ не только тѣсно соединились съ Ѳессалійцами, но и съ Аргивянами, главнѣйшими врагами Спарты. Съ другой стороны же несчислимые двигатели демократической партіи были направлены къ тому, чтобы привлечь Кимона къ суду. Принимая во вниманіе его интриги, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что намѣревался покуситься на народное постановленіе. И дѣйствительно на этомъ приговорѣ признали его виновнымъ. Хотя его и не приговорили къ смертной казни и эта послѣдняя, какъ сообщаетъ Демосѳенъ, была отвергнута большинствомъ трехъ голосовъ, но онъ признанъ обязаннымъ уплатить 50 талантовъ.

Этимъ приговоромъ Кимонъ дѣйствительно былъ приниженъ на время, но при его богатствѣ и его правѣ оставаться въ Аѳинахъ и въ Аттикѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ безвреднымъ. Поэтому настоящіе вожди демократіи, подобные Эфіалту и Периклу, съ самаго начала не придавали значенія судебному процессу. И потому то они съ своей стороны не замедлили теперь воспользоваться увеличивающимся раздраженіемъ противъ Кимона, чтобы законнымъ путемъ государственнаго остракизма достигнуть безвредности противника и его партіи. Приговоры посредствомъ остракизма или десятилѣтняя ссылка всегда признавались временнымъ удаленіемъ, не имѣли значенія наказанія и позора, но были только полити-

ческой необходимостью и цѣлесообразностью. Они признавались приговоромъ общественнаго мнѣнія между двумя горячо борющимися партіями. Они походили на вотированіе недовѣрія къ побѣжденной сторонѣ и на вотированіе довѣрія побѣдившей партіи. Они какъ бы ручались только за мирное отступленіе, выходъ изъ общественной дѣятельности одной партіи, и потому эти приговоры казались лучшимъ выходомъ для предупрежденія опасныхъ кризисовъ и кровавыхъ гражданскихъ войнъ. Кромѣ того въ государственномъ управленіи они допускали перемѣну системы или лицъ безъ оскорбленія личнаго характера или чести того, который принуждался къ оставленію поста или изгнанію. Еще до конца 462 г. для Кимона потребовали суда посредствомъ остракизма. Большинство вотирующихъ гражданъ видѣло въ немъ теперь только „друга спартанцевъ, пренебрегающаго народомъ.“ Около января 461 г. они приговорили его къ десятилѣтней ссылкѣ. Съ этимъ уничтожилась и власть аристократіи.

По устраненіи противной партіи, Эфіалтъ и Периклъ приступили къ дѣлу реформъ и преимущественно занялись политическими и судебными реформами. Годъ 461 слѣдуетъ признавать настоящей эпохой этихъ новыхъ великихъ реформенныхъ законодательствъ, хотя первыя попытки начались уже въ половинѣ 462 г., а послѣднія закончились только въ концѣ 460 г. слѣдовательно, въ цѣломъ обнимали полтора года времени. Въ теперешнемъ ихъ проведеніи раз-

вѣтвлялись на разновидный комплексъ учрежденій, изъ которыхъ нѣсколько своимъ консервативнымъ оттѣнкомъ видимо разсчитаны были на то, чтобы въ будущемъ отнять всякую надежду на успѣхъ въ аристократическихъ стремленіяхъ или радикальныхъ нововведеніяхъ.

1) Расширеніе судовъ присяжныхъ. Съ этой поры, для выполненія всего судопроизводства, должны были избираться 6000 присяжныхъ. 5000 для 10 дикастерій или судовъ, на каждый по 500, остальная 1000 служила для замѣщенія выбывшихъ. Между различными судами раздѣлили соотвѣтствующія имъ дѣла. Ареопагу осталось только судопроизводство, касающееся случаевъ убійства; архонтатъ и великій судъ пятисотъ былъ лишенъ судейскихъ атрибутовъ.

2) Введеніе вознагражденія присяжныхъ дикостикона или геліастикона. Вознагражденія присяжнымъ равнялось, какъ нѣкоторые доказываютъ, не тремъ оболамъ, но первоначально только одному. Введеніе этихъ денегъ для судящихся безъ сомнѣнія въ глазахъ народа дѣлало всѣ реформенныя узаконенія болѣе удобными для воспріятія.

3) Установленіе контрольной или кассаціонной палаты, т. е. палаты номофилактовъ или охранителей закона. Она состояла изъ 7 членовъ и обязывалась слѣдить за исполненіемъ существующихъ законовъ, компетенція вер-

ховно контролирующей власти, которая именно до того времени принадлежала ареопагу. Члены палаты въ общинномъ и въ великомъ собраніи возсѣдали рядомъ съ предсѣдателемъ. Здѣсь они во всякое время пользовались правомъ вмѣшательства для огражденія законовъ отъ нарушенія или для того, чтобы предотвратить противозаконныя предложенія и мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались правомъ внушать единичнымъ высшимъ учрежденіямъ дѣйствовать согласно закону и вообще они обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы ходъ общественныхъ дѣлъ и управленія неизмѣнно согласовался бы съ закономъ. По истеченіи служебнаго срока они вступали въ ареопагъ и такимъ образомъ надломленъ былъ и кастовый и аристократическій духъ послѣдняго.

4) Учрежденіе законодательной или ревизіонной палаты, т. е. палаты намотетовъ или охранителей порядка законовъ. Назначеніе этого учрежденія состояло въ ограниченіи въ консервативномъ духѣ юридическихъ полномочій народной общины, равно какъ и *великаго совѣта*, такъ какъ оно пользовалось правомъ рѣшающаго соучастія при отмѣнахъ существующихъ законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правами третьяго законодательнаго фактора. Члены его выбирались и присягали изъ списка 6000 присяжныхъ; число ихъ колебалось, смотря по обстоятельствамъ между 500 и 1000. Такимъ образомъ и эта патата составлялась на подобіе

выборной народной коммисіи. Съ тѣхъ поръ при этой палатѣ законодательства зависило отъ судебныхъ формъ, т. е. она рѣшала въ формѣ обвиненія и защиты: допустима ли отмѣна какого либо стараго или изданіе новаго закона. Предлагавшій законъ долженъ былъ мотивировать свое предложеніе предъ палатой и государственный защитникъ защищать существующій законъ, затѣмъ палата налагала свое рѣшеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что отъ палаты или ея санкцій зависило каждое измѣненіе закона безъ аппеляціонно даже въ томъ случаѣ, когда народъ и совѣщательное собраніе согласны были принять его. Слѣдовательно тѣ уже не имѣли больше права издавать отъ себя общіе законы, но лишь только псефисматы или декреты для спеціальныхъ случаевъ.

5) Введеніе права обвиненія за внесеніе законопроэкта противорѣчащаго существующимъ законамъ предложеній. Именно вопреки принятымъ мѣрамъ все таки казалось въ виду живости народнаго характера и его воспріимчивости къ красотамъ рѣчи, возможнымъ какъ въ совѣтѣ или народной общинѣ, такъ даже у помотетовъ пройти декрету или закону, который ни мало не согласовался бы съ существующими законами, подрывалъ и колебалъ ихъ. Чтобы вообще оградить государство отъ подобныхъ реакціоннаго или радикальнаго свойства законодательныхъ импровизацій преимущественно же оградить его отъ опасности быстро

импровизированныхъ и немедленно принятыхъ предложеній, необходимой казалась дальнѣйшая предосторожность, состоявшая въ томъ, что выше сказаннымъ правомъ обжалованія каждаго иниціатора, выступившаго передъ свѣтомъ или въ народной общинѣ, или передъ номотетами признавали отвѣтственнымъ за его предложеніе.

Такимъ способомъ каждый изъ за личнаго интереса принужденъ былъ заботиться самъ, чтобы его предложеніе никоимъ образомъ, будетъ ли то по формѣ, содержанію или тенденціи, не вносило бы противорѣчія въ законодательство. И потому признано было заранѣе его вниманіе на явныя противорѣчія не допускать импровизированнаго внесенія законопроэкта, но заявить о немъ до рѣшающаго собранія, опубликовать этимъ докладъ.

Въ каждомъ стадіумѣ своего существованія даже и послѣ принятія его согласно узаконеніямъ, обжалованіе инціатора за противозаконное направленіе или содержаніе внесеннаго закона допускалось въ обыкновенныхъ судахъ. Если судъ рѣшалъ въ пользу обвинителя, то съ одной стороны инціаторъ подвергался наказанію, а съ другой стороны самый докладъ, или, смотря по обстоятельствамъ основанный на немъ декретъ или законъ объявились не имѣющими силы и не состоявшимися. Личная же отвѣтственность докладчика длилась только до истеченія одного года считая со дня возведенія доклада въ декретъ или законъ.

Если былъ пропущенъ этотъ срокъ, тогда обжалованіе, въ случаѣ основательности его, имѣло только то дѣйствіе, что законъ становился недѣйствительнымъ. Трижды приговоренный, вносящій законъ, терялъ право инціативы навсегда.

Но чтобы наконецъ защитить отъ злонамѣренныхъ обвиненій обвинителя, признаннаго судомъ неправымъ не только удаляли и не допускали, но сверхъ того, если на его сторонѣ не было пятой части голосовъ судебной палаты, то онъ приговаривался къ 1000 драхмъ штрафу.

Если это право обжалованія вносящихъ законъ справедливо слыло консервативнымъ палладіумомъ противо-законодательныхъ увлеченій, то къ нему въ особенности позже, присоединялся еще большій недостатокъ. Такъ какъ простое обжалованіе немедленно вызывало предварительное запрещеніе предложенія, то оно могло служить предлогомъ различныхъ интригъ и каверзъ, дабы въ извѣстное время помѣшать воспріятію предложенія.

6) Реформа права гражданства. Мы видѣли уже выше, (отд. 4) что законное установленіе фактически колеблющейся оцѣнки гражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ допускались къ исполненію гражданскихъ правъ, родители которыхъ съ обѣихъ сторонъ происходили отъ гражданъ, т. е. законныя дѣти аѳинянина и аѳинянки. Предложеніе это, вѣроятно сильно поддержанное Эфіалтомъ было принято и слѣдовательно

гражданскихъ правъ принципіально лишались: не только 1) всѣ вторгнувшіеся, поселившіеся или иностранцы, также 2) и дѣти аѳинянокъ и не аѳинянъ, но и 3) дѣти полныхъ гражданъ съ негражданками, рожденные даже и въ законномъ бракѣ.—Практическое примѣненіе этого новаго закона путемъ обжалованья единичныхъ лицъ за противозаконное присвоеніе права гражданства было бы столь же хлопотливо, какъ и не пріятно. Для этого главнымъ образомъ требовалось произвести общую ревизію гражданскихъ правъ и приведенію этой операціи въ исполненіе способствовало и ускорило его исключительное обстоятельство, именно въ 463 г. Египетъ отторгся отъ Персіи и избранный возставшимъ Египтомъ царь Инаросъ обратился въ 462 г. съ просьбой о подкрѣпленіи къ Аѳинамъ, обѣщая всевозможныя доказательства благодарности въ будущемъ. По настоятельному совѣту Кимона и дабы раздробленіемъ окончательно подорвать власть Персіи, Аѳины дали свое согласіе на удовлетвореніе его ходатайства и отправили въ Египетъ огромный вспомогательный флотъ и на немъ сухопутное войско. Теперь въ іюлѣ 460 г. въ благодарность за прошлое, Инаросъ прислалъ для раздачи аѳинскимъ гражданамъ 40000 четвертей пшеницы. Вотъ и къ этой раздачѣ, не допускавшей замедленія, требовалось и должно было примѣнить не задолго принятый законъ.

Такимъ то образомъ раціонально разсмотрѣнъ былъ гражданскій списокъ, въ силу котораго признано

было 14040 или 14240 гражданъ таковыми, 500 же, или 470, за неимѣніемъ правъ, исключены изъ списка гражданъ. Исключить изъ гражданства по этому закону необходимымъ казалось обоихъ старшихъ сыновей недавно сосланнаго Кимона, Лакедемонія и Елеія, такъ какъ ихъ мать, по словамъ Стезимброта изъ Тазоса, была аркадіянка изъ Клейтора. Говорятъ, что Периклъ, одинаково какъ къ отцу, былъ нерасположенъ къ нимъ, что онъ упрекалъ ихъ за происхожденіе съ материнской стороны и что уже ради ихъ имени онъ призналъ ихъ иностранцами и чужими. Потому допустимо предположеніе, что озлобленіе противъ Кимона способствовало удвоить рвеніе Перикла къ проведенію закона, который неминуемо долженъ былъ привести демократію къ желаемому результату—исключить сыновей Кимона изъ списка гражданъ и тѣмъ сдѣлать ихъ безвредными въ будущемъ. Но признавать вмѣстѣ съ Даніеромъ эту точку зрѣнія единственнымъ стимуломъ закона значило бы заходить слишкомъ далеко. Повидимому около того же времени въ 461—60 г. были отчасти утверждены отчасти предложены важныя военныя реформы и стратегическія мѣры. Въ эту пору вѣроятно былъ проведенъ Перикломъ законъ о вознагражденіи сухопутному войску и флоту, такъ называемый стратегиконъ. По этому закону тяжело вооруженный гоплитъ получалъ ежедневно отъ 2 оболовъ до 1 драхмы, офицеръ—вдвое, всадникъ—втрое, и къ тому же пищу натурой или

деньгами. Матросу среднимъ числомъ полагалось 3, только пералитамъ или командѣ государственныхъ судовъ 4 обола. Къ тому же времени вѣроятно причисляется предложеніе построекъ продольной стѣны и хотя какъ мы увидимъ далѣе приготовленія къ исполненію ея заняли еще много времени.

Вотъ въ чемъ заключалась главная суть реформъ и мѣръ той замѣчательной эпохи. При предложеніи реформъ Периклъ и Эфіалтъ шли рука объ руку, рекомендуя ихъ народной общинѣ, послѣдній главнымъ образомъ, особенно въ борьбѣ противъ ареопага, былъ собственно главнымъ піонеромъ. И потому то благодарный народъ, не задумываясь при первыхъ общихъ выборахъ послѣ Кимона въ іюнѣ 461 г. избралъ обоихъ руководителей реформы своихъ новыхъ любимцевъ Эфіалта и Перикла, стратегами.

Напротивъ у закоренѣлыхъ поклонниковъ старины, у аристократической партіи и у другой Кимона, всѣ эти глубоко проникающія нововведенія вызвали сильное неудовольствіе, непримиримую злобу. Къ числу ихъ Эсхилъ собственно не принадлежалъ; въ его „Эвменидахъ“ конечно появившихся въ свѣтъ года два спустя, хотя и проглядываетъ уваженіе къ ареопагу, не содержится однако оскорбительныхъ нареканій. Болѣе того онъ какъ истый трагикъ выказываетъ намѣреніе къ примиренію, представляя въ утѣшеніе что остатокъ компетенціи будетъ принадлежать ему вѣчно. Но такъ мягко не думали и не говорили принципіальные противники новаго времени. Вполнѣ отвергающіе всякую мысль о примиреніи, къ тому же подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ факта они объявили нововведеніе безбожнымъ преступленіемъ и пробуждали другъ въ другѣ сильнѣйшія страсти личной ненависти и личной мести.

И безъ сомнѣнія эта враждебность была причиной гибели, столь ненавистнаго тѣмъ слоямъ, піонера Эфіалта. Однажды его нашли убитымъ. Это политическое убійство случилось вѣроятно въ началѣ осени 460 г. Преступленіе покрыто глубокой тайной. Повидимому подстрекатель и убійца остались неразысканными. По распространенному сказанію ближайшаго времени орудіемъ убійства былъ наемный убійца бестіецъ Аристодикъ. Преступленіе это повліяло весьма неблагопріятно на олигархическую партію, такъ какъ оно бросало тѣнь на ихъ репутацію. Значеніе же и вліяніе Перикла возросло еще болѣе. Не мудрено что злонамѣренные противники измыслили и распространили смѣшную басню, что Периклъ изъ зависти къ силѣ и славѣ Эфіалта самъ приказалъ убить его. Историкъ Идоменей повѣрилъ этой баснѣ. Но тщетно! Приписываемое нареканіе было слишкомъ безразсудно, чтобы въ какое либо время благоразумные люди могли придавать ему значеніе.—Дѣйствительно, посредствомъ вліянія на народъ, руководство государствомъ досталось теперь Периклу и онъ съ тѣмъ большей энергіей могъ приступить къ попыткѣ провести

свою объединительную идею. Гротъ перемѣстилъ эту достопамятную попытку ко времени заключенія тридцатилѣтняго перемирія, т. е. къ 445 г. Курціусъ признаетъ вѣроятнымъ, что она соединялась либо съ заключеніемъ тридцатилѣтняго перемирія въ 445 г., либо съ пятилѣтнимъ перемиріемъ въ 450 г. Онкенъ приписываетъ ее къ 448 г. Въ противоположность этому Отфридъ Мюллеръ помѣщаетъ ее еще во времена первыхъ войнъ между Спартой и Аѳинами, т. е. въ 458 г. Соображаясь съ этимъ я съ своей стороны, по причинамъ кажущимися мнѣ неоспоримыми, приписываю выше означенную попытку къ 460 г. Если на объединительную попытку Перикла, Плутархъ намекаетъ словами: „въ то время, какъ лакедемоняне начали успокаиваться относительно возвеличанія Аѳинъ“, то это, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ совпадаетъ съ 460 годомъ, но никакъ не съ 458 г. когда тревога ихъ достигла высшаго предѣла и разразилась открытой войной. Также нельзя ее приписывать позднѣйшему времени, когда окончательно не могло быть рѣчи о начинающемъ успокоеніи и наступило положеніе почти непрерывныхъ войнъ.

Дѣйствительно положеніе дѣлъ въ 460 г. могло казаться Периклу весьма благопріятнымъ для выполненія его панэллинскаго проэкта. Повидимому Спарта занятая своими собственными дѣлами и все еще безнадежно боровшаяся съ гелотскимъ возстаніемъ, казалась обезсиленной. Недовѣрчиво поглядывала она на

своихъ союзниковъ, преданность которыхъ начинала колебаться, озабоченно и отчасти съ завистью глядѣла она, какъ въ ущербъ ей возрастало могущество Аѳинъ.

Въ теченіи года отъ конца 462 г. до конца 461 г. послѣдніе тѣснымъ союзомъ соединили съ собой не только ѳессалійцевъ и исконныхъ враговъ Спарты аргивянъ, но незадолго до того побудили мегарянъ перейдти отъ Спарты къ Аѳинамъ отъ пелопоннескаго союза къ делосскому. Это событіе угрожавшее прежде всего коринѳянамъ передовому посту и первымъ борцамъ пелопоннесскаго спартанскаго могущества одно уже способно было вызвать *„безпокойство* о возвышеніи Аѳинъ.“ И тѣмъ болѣе, что союзъ Аѳинъ съ Мегарой заключалъ въ себѣ и военную конвенцію, въ силу которой аѳиняне пользовались правомъ водворять во всей странѣ свои гарнизоны и укрѣплять ее. Вслѣдствіе того аѳиняне немедленно заняли военными силами Мегару и Паге и съ такой энергіей предприняли постройку продольныхъ крѣпостныхъ стѣнъ отъ Мегары до гаваней Низеи, что приведеніе въ исполненіе этой постройки можно было отнести къ концу 460 или къ началу 459 года.

Между тѣмъ, какъ могущество и вліяніе Спарты видимо исчезало, Аѳины съ своей стороны фактически начинали необыкновенно распространять свое внѣшнее могущество. Ихъ флоты господствовали вплоть до Финикіи на Средиземномъ морѣ, ихъ сухопутное войско

вмѣстѣ съ египтянами съ успѣхомъ боролись у береговъ Нила противъ Персовъ, хотя и на эту отдаленную войну затѣянную Кимономъ, Периклъ глядѣлъ какъ на растериваніе силъ и только изъ за чести и не охотно продолжалъ ее. Но важнѣй всего было то, что въ теченіи 460 г. Аѳины находились въ мирѣ со всемъ греческимъ государственнымъ міромъ. Въ союзъ съ ними вступили новые значительные члены и числомъ и объемомъ усилили и расширили ихъ вліяніе. Подъ руководствомъ Аѳинъ делосскій союзъ процвѣталъ матеріально и въ финансовомъ отношеніи. Ни въ комъ изъ его членовъ не имѣлось апаратическихъ стремленій. Бывшіе экзекуціонные походы Кимона противъ отпавшихъ союзниковъ, какъ Наксійцевъ, Тазійцевъ, казалось дѣйствовали предупреждающими и устрашающими примѣрами. Многіе изъ нихъ искренно расположены были къ Аѳинамъ, восхищались ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ величіемъ и радовались тому. Слѣдовательно со стороны дѣйствительныхъ сообщниковъ Аѳинъ, Периклу не приходилось встрѣчать въ то время никакого противодѣйствія относительно союзныхъ реформъ въ смыслѣ централизаціи, равно какъ и относительно панэллинскаго расширенія делосскаго союза. Но и у остальныхъ, не вступившихъ въ союзъ съ ними государствъ, онъ могъ надѣяться, принимая во вниманіе всюду исчезающіе вліяніе Спарты, найти почти безъ исключенія гладкій путь и выступивъ съ патріотическимъ предложеніемъ общаго

союза, онъ нигдѣ не рисковалъ напасть на непреодолимыя препятствія. Наконецъ въ самыхъ, основательно порвавшихъ связь со всѣми лаконизирующими симпатіями, Аѳинахъ относившихся отнынѣ съ радостно гордымъ признаніемъ къ его великимъ реформамъ, къ блеску достигнутыхъ имъ внѣшнихъ преимуществъ, бодро съ побѣдоносною увѣренностью глядѣвшихъ въ будущее—Периклъ могъ разсчитывать, что его идея всюду будетъ всеобще и безусловно имѣть успѣхъ. Предвидѣлись замедленія въ двухъ случаяхъ въ зависимости отъ положенія, въ какое при этихъ обстоятельствахъ станутъ Спарта и Персія.

Въ настоящемъ положеніи казалось, что едва-ли можно было ожидать отъ Спарты непосредственнаго и энергическаго сопротивленія. Представлялась даже возможность допустить, что она, хотя неохотно, согласится на объединеніе Греціи подъ аттическій гегемоніей. Она до сихъ поръ находялась въ нерѣшенной борьбѣ съ своими подвластными. Такимъ образомъ можно было ожидать, что хотя въ ближайшемъ времени она и не погибаетъ въ этой внутренней борьбѣ, но снизойдетъ до бездѣйствующаго фактора обязаннаго подчиниться общей волѣ. Съ другой стороны могло случиться, что Спарта изъ политическихъ разсчетовъ или, чтобы при своемъ стѣсненномъ положеніи обезпечить себя отъ открытой вражды Аѳинъ и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ усложненныхъ угрозъ своему существованію тотчасъ же будетъ готова, превращая необходи-

мость въ добродѣтель, добродушно идти указаннымъ Аѳинами путемъ. Допуская, что обѣ вышеприведенныя возможности не представились бы, что несмотря на все, Спарта предприняла бы рѣшительный отпоръ, то въ крайнемъ случаѣ при исключительномъ превосходствѣ аѳинскихъ силъ, война съ повидимому столь слабой Спартой ни въ какомъ случаѣ не могла устрашать. А раздраженность аѳинянъ противъ послѣдней была уже достаточно сильна для того, чтобы воинственно настроить народъ и побудить его объявить войну.

Но помимо всего этого положеніе въ этомъ случаѣ могло стать опаснымъ, если Персія была въ состояніи предпринять диверсію рѣшиться на вмѣшательство и даже войти въ коалицію со Спартой. Слѣдовательно дѣло шло о томъ, чтобы до начала замышляемаго онъ удостовѣрился бы въ обезпеченности отъ нападеній и вмѣшательствъ съ той стороны. Что Персія грозно вооружается, якобы противъ египтянъ, было не сомнѣннымъ фактомъ уже во второй половинѣ 461 г. Вооруженія эти, совершавшіяся въ Сициліи и въ Финикіи, энергично продолжались и въ первой половинѣ 460 г. Если они исключительно были направлены противъ Египта и если не имѣлось враждебнаго сбора войскъ въ другихъ угрожающихъ пунктахъ, именно въ мало-азіатскихъ приморскихъ странахъ, то рѣшилось и послѣднее сомнѣніе насчетъ того, своевременно-ли, принимая во вниманіе положеніе

дѣлъ, возбудить вопросъ національной реорганизаціи Греціи.

Поэтому въ послѣднее время Периклъ съ величайшей осторожностью направилъ свое зоркое око на событія въ Персіи. Въ ту пору онъ не только продолжалъ сильно поддерживать Египетъ, дабы тѣмъ вѣрнѣе отвлечь туда и умалить силы Персіи, но помимо того, въ 461 г. онъ, какъ избранный полководецъ предпринялъ во главѣ 50 судовъ рекогносцировку къ мало-азіатскимъ берегамъ и въ первой половинѣ 460 г. товарищъ его по полководству Эѳіалтъ повторилъ эту рекогносцировку съ 30-ю судами. Оба обслѣдовали на югѣ Ликіи берега до Хелдонскихъ острововъ, и въ результатѣ оказалось, что подобно тому, какъ и во время таѳійской войны и не смотря на аѳинскія военныя дѣйствія, въ Египтѣ нигдѣ не было замѣтно слѣдовъ персидскихъ вооруженій и ихъ военныхъ судовъ. Это убѣдило ихъ въ томъ, что въ теченіи долгаго времени, по всей вѣроятности со стороны Персіи имъ нечего было опасаться, и это убѣжденіе подтвердилось тѣмъ, что лѣтомъ 460 г. персидскія военныя силы въ Сициліи и Финикіи дѣйствительно отправились въ Египетъ. Такимъ образомъ Периклъ могъ спокойно и съ увѣренностью въ полный успѣхъ приступить къ выполненію своего намѣренія. Первымъ шагомъ къ тому онъ исконно признавалъ перенесеніе союзной казны въ Аѳины. Съ одной стороны онъ этимъ достигалъ того, что Аѳины

въ ближайшемъ времени по внѣшности становились средоточіемъ тѣснѣйшаго союза, а съ другой стороны драгоцѣнный кладъ въ 3200 талантовъ (4,800,000 руб.) помѣщался подъ охрану руководящаго государства. Поэтому то еще до устраненія выше названныхъ опасеній, въ 461 г. онъ энергично занялся этимъ обстоятельствомъ. Самыя опасенія послужили ему рычагомъ для успѣха. Онъ открыто доказывалъ, что положеніе Делоса не таково, чтобы при всѣхъ условіяхъ уберечь союзную казну отъ разграбленія персами и фактически опираясь на соображенія, что тамъ при случаѣ войны со Спартою, сокровища легко могутъ попасть въ руки лакедемонянъ или ихъ союзниковъ. Юридическое приведеніе въ исполненіе этого плана, конечно было сопряжено со многими затрудненіями и околичностями, такъ какъ требовалось не только согласіе аѳинскихъ народныхъ общинъ, но и постановленіе союза и сопряженное съ тѣмъ разностороннее давленіе на союзниковъ. Не смотря на это побѣда осталась за Перикломъ. Въ половинѣ 460 г. перемѣщеніе казны изъ Делоса въ Аѳины было совершившимся фактомъ. И одновременно самъ Периклъ былъ избранъ хранителемъ сокровищъ союза.

Таково было общее политическое положеніе, когда къ концу 460 г. Периклъ, лишившись своего лучшего помощника Эфіалта, рѣшился попытаться созвать *панэллинскій національный конгрессъ* въ Аѳины. Если и были другія мѣстныя причины, заставившія

его немедлить съ этимъ, но они безъ сомнѣнія заключались прежде всего въ отчасти подавленномъ настроеніи, причиненномъ въ то время приведеніемъ въ исполненіе закона о правахъ гражданства, и въ общемъ тяжеломъ впечатлѣніи отъ совершеннаго незадолго дерзкаго убійства. Казалось что при этихъ обстоятельствахъ ничто не способно было снова такъ быстро поднять и воодушевить, какъ представленіе объ общей великой цѣли.—Для мотивированія отважнаго предпріятія требовалось привести положительныя видимыя цѣли; Аѳинамъ не представлялось возможнымъ объявить что они сзываютъ депутатовъ всѣхъ эллинскихъ государствъ для того, чтобы заставить ихъ передать Аѳинамъ высшую центральную власть. Первоначально требовалось представить положительныя предложенія о первостепенныхъ вопросахъ совѣщаній и конечное постановленіе ихъ. Послушаемъ что объ этомъ событіи въ жизни Перикла говоритъ Плутархъ. (гл. 17) „Въ то самое время,“ говоритъ онъ, „когда процвѣтаніе Аѳинъ начало безпокоить спартанцевъ, Периклъ, для повышенія среди Аѳинскаго народа чувства собственнаго достоинства предложилъ: чтобы отъ всѣхъ Грековъ, гдѣ бы они не жили въ Европѣ или Азіи, въ большихъ или малыхъ государствахъ, назначены были на одинъ день депутаты въ Аѳины *для общаго совѣщанія*: 1) о возстановленіи сожженныхъ Персами греческихъ храмовъ; 2) о выполненіи за Грецію обѣщанныхъ во время освободительныхъ войнъ и еще не

принесенныхъ жертвоприношеній богамъ; 3) о защитѣ морей и судоходства отъ опасностей; 4) объ обезпеченіи мира.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти цѣли могли возбудить симпатіи всѣхъ государствъ и всѣхъ классовъ, что кромѣ того двѣ первыхъ взывающихъ къ религіознымъ вѣрованіямъ народа, могли бы привести къ тому, что на счетъ всей націи Грецiя систематически могла быть украшенной художественными произведеніями. И что двѣ послѣднихъ цѣли могли быть выполнены только на основаніи стойкаго союза и общихъ согласныхъ дѣйствій, что повело бы затѣмъ къ признанію со сторонъ всей Эллады гегемоніи Аѳинъ. Предложеніе Перикла принято было народной общиной и тотчасъ же, т. е. въ началѣ 459 г. приведено въ исполненіе. Дальнѣйшія потребности выполненія замысла Плутархъ приводитъ въ слѣдующихъ словахъ: „отправлено было двадцать пословъ, каждому было болѣе пятидесяти лѣтъ. Пять изъ нихъ пригласили іонянъ и дорянъ въ Азіи и островитянъ до Лесбоса и Родоса, пять объѣхали страны близъ Гелеспонта и Фракіи до Византіи. Пять другихъ отправились въ Беотію, Ѳокиду и Пелопонесъ и оттуда черезъ Локриду въ Этиръ до Акарлоніи и Амбракіи. Наконецъ остальные прошли черезъ Эвбею (которая слѣдовательно не была еще покорена) къ Грекамъ при Оэтѣ и Малійскомъ заливѣ, къ Отіотамъ, Ахеянамъ и Фессалійцамъ—предлагая всѣмъ явиться и принять участіе

въ совѣщаніяхъ *о мирномъ и тѣсномъ союзѣ Греціи*“.

Тутъ слѣдовательно ясно выражена цѣль основанія устойчиваго панэллинскаго союза. Весьма замѣчательно связанная съ этимъ и для Перикла о національномъ представительствѣ. Если бы она осуществилась, тогда бы въ Аѳинахъ засѣдалъ національный парламентъ изъ избранныхъ повсемѣстно народомъ отъ 500 до 1000 депутатовъ. Парламентъ этотъ сталъ бы учредительнымъ собраніемъ всей Эллады, подобно конвенціи въ Делосѣ, бывшимъ во время Аристида учредительнымъ собраніемъ делосскаго союза. И подобно ему повело бы къ установленію только въ большемъ размѣрѣ періодически повторяющагося союзнаго собранія. Однако къ несчастію для Греціи идея эта не была приведена въ исполненіе, такъ что позже въ своемъ раздробленіи она сама себя растерзывала, пока спустя столѣтіе послѣ смерти Перикла она не подпала подъ власть чуждой ей Македоніи. Хотя намъ и не извѣстно подробное теченіе дѣла, но мы всетаки знаемъ, что идея Перикла преимущественно разбилась объ энергическое противодѣйствіе сильно озлобленной Спарты; а съ другой стороны о партикуляризмъ цѣлаго ряда малыхъ государствъ. Спарта сама не только отвергла приглашеніе, но съ успѣхомъ предостерегла и другія государства, и всюду возбуждала недовѣріе къ честолюбію Аѳинъ. Потому то Плутархъ оканчиваетъ свое слишкомъ краткое описаніе

словами: „дѣло не состоялось и государства не соединились вслѣдствіе того, что, какъ говорятъ, тому противились лакедемоняне и предложеніе первоначально отвергнуто было въ Пелопонесѣ. „Несмотря на то,“ прибавляетъ онъ, — „я привелъ это въ доказательство обширнаго и грандіознаго ума Перикла.“

10. Начало первой соперничествующей войны со Спартой, фортификаціонная система и тяготѣніе партій (459—457).

Сверхъ ожиданій Спарта оказалась упорной и несговорчивой. Но что всего важнѣе, что снѣдаемая завистью и злобой она напрягла всѣ свои громадныя силы для окончательнаго подавленія мессенской инсурекціи, чтобы такимъ образомъ пользоваться полной свободой дѣйствія противъ назойливыхъ и властолюбивыхъ Аѳинъ. Между прочимъ она кругомъ подстрекала народности къ смертельной ненависти, къ вооруженному противодѣйствію къ открытой войнѣ съ своимъ соперникомъ. Первое намѣреніе не удалось: Итома храбро противостояла усиліямъ Спарты, второе же намѣреніе подстрекательствомъ воспользоваться для своихъ цѣлей силами другихъ удалось какъ нельзя лучше. Отважное стремленіе Аѳинъ далеко не вызвало повсюду чувства общности къ которому взывалъ Периклъ; но по большей части нарушило покой и инертность поползновеній на абсолютизмъ и вызвало лихорадочную озабоченность о немъ. Поощряемые и ободряемые наущеніями Спарты предложеніе Аѳинъ болѣе или менѣе быстро и рѣшительно было отвергнуто не только пелопонесскими союзниками Спарты, не только Коринѳомъ, Эпидавромъ и Эгиной, но по всей вѣроятности ея внушенія подѣйствовали и на Локриду и Дориду, Беотію и Евбею и безъ сомнѣнія на много другихъ государствъ. Но простая неудача проэкта Перикла не удовлетворяла его задорнѣйшихъ противниковъ; дерзость, допустившую его питать и предлагать этотъ проэктъ, должна была быть смыта кровью и наказанной въ такой мѣрѣ, чтобы аѳиняне потеряли охоту и возможность, когда-либо возвратиться къ этому проэкту.

Самы задорными противниками были въ 459 г. коринѳяне жители Эпидавра и Эгинеты. Подстрекаемые Спартой и поддерживаемые симпатіями противъ единомыслящихъ государствъ, они дѣйствительно не сознавая, что таскаютъ каштаны не столько для себя, какъ для Спарты, съ половины года взялись за оружіе противъ Аѳинъ. Пылкіе коринѳяне предшествовали имъ, такъ какъ окупація и только что оконченное аѳинянами укрѣпленіе сосѣдней съ ними Мегары подстрекнуло ихъ къ сильнѣйшей ненависти къ послѣднимъ; эгинеты присоединившіеся подобно гражданамъ Эпидавра къ коринѳянамъ въ сущности принадлежали къ делосскому союзу; но имѣя исконно поползновенія къ обособленности, они никогда особенно не заботились о делосскомъ союзѣ и даже во время

отпаденія ѳазійцевъ (465—4) высказали такое неповиновеніе, что экзекуціонный походъ аѳинянъ принужденъ былъ усмирить ихъ. Съ тѣхъ поръ ихъ неудовольствіе противъ Аѳинъ превратилось въ замѣчательную зависть и гордое самомнѣніе, которымъ въ настоящую пору они дали полную свободу дѣйствія.

Мы не будемъ входить еще въ ближайшее разбирательство предпріятій и судебъ этой тройственной коалиціи. Достаточно сказать что въ теченіи борьбы, безъ сомнѣнія обѣ стороны усилились числомъ союзниковъ и что въ первомъ году въ половинѣ 459 г. до половины 458 г. Аѳины имѣли рѣшительное преимущество. Помимо фактическаго столкновенія съ коринѳянами и эпидаврійцами при Галіи они лѣтомъ въ 459 г. одержали двѣ славныя морскія побѣды при Кекрифансѣ и при Этосѣ. Послѣдняя съ октября была уже обезсилена и осаждалась полководцемъ Леократомъ. Затѣмъ, хотя коринѳяне и направили неожиданно и съ большей энергіей свои нападенія на мегарскую область, но новое аѳинское войско подъ предводительствомъ полководца Миронида и тамъ съ весны 458 г. состязалось съ успѣхомъ и отовсюду изгнало врага. Слѣдовательно въ половинѣ того года Аѳины имѣли право надѣяться остаться побѣдителями и имѣть право предписать условія противникамъ. Видимо и Периклъ ничего еще не утратилъ изъ своей популярности, такъ какъ, судя по слѣдующимъ событіямъ, онъ должно быть послѣ іонскихъ выборовъ

оказался однимъ изъ стратеговъ слѣдующаго года. Но съ этихъ поръ Аѳины вдругъ попали въ бѣдственное положеніе. Не только послѣ побѣды Персовъ при Мемфисѣ вспомогательное войско ихъ въ Египтѣ очутилось въ осадномъ положеніи на островѣ Прозопитѣ, не только осадѣ Этны, требующей значительныхъ затратъ силъ, непредвидѣлось конца; не только удержаніе и укрѣпленіе мегарійской области неизмѣнно, подъ предводительствомъ Миронида, удерживали на одномъ и томъ же мѣстѣ лучшія аѳинскія войска! Худшее состояло въ томъ, что и опаснѣйшій изъ всѣхъ противниковъ Аѳинъ началъ дѣйствовать съ неожиданной энергіей. Не смотря на продолжавшуюся мессенскую войну въ 458 г., Спарта приняла прямое участіе въ войнѣ противъ Аѳинъ. Важный инцидентъ не мало способствовалъ ускоренію начала открытой борьбы Аѳинъ и Спарты. Со стороны Аѳинъ онъ исходилъ изъ фортификаціонныхъ проэктовъ Перикла или другими словами изъ постройки продольной стѣны.

Периклъ задолго предвидѣвшій наступающую войну со Спартою видѣлъ въ выполнѣніи намѣченной имъ фортификаціонной системѣ единственную возможность оградиться отъ войны путемъ устрашенія и въ то же время признавалъ эту систему лучшей защитой отъ измѣнчивыхъ случайностей и опасностей войны. Стратегическое соображеніе Перикла, вызвавшее постройку продольныхъ стѣнъ, было—какъ мы уже видѣли—существеннымъ слѣдствіемъ плановъ Ѳемистокла,

съ такой настойчивой энергіей укрѣпившей области около гаваней. Но это укрѣпленіе видимо не достигало своей главной цѣли, если сообщеніе Аѳинъ съ гаванями и посредствомъ ихъ съ моремъ не было обезпечено. Потому что въ случаѣ нападенія съ суши только защищенный подвозъ и доставка съ моря могли на долго поддержать силу противодѣйствія и безопасность столицы. Проэктированныя стѣны должны были, идя отъ города, окружить гавани Пирей и Фалеронъ, сѣверное крыло требовалось вывести длиною почти въ милю, южное немногимъ короче.

Во времена Кимона этотъ проэктъ никогда не имѣлъ бы шансовъ на приведеніе его въ исполненіе. Навѣрное относящійся къ нему проэктъ былъ заявленъ только послѣ ссылки Кимона въ 461 г. и по всей вѣроятности былъ предложенъ и принятъ въ то самое время. Планъ этотъ вызвалъ однако многочисленныя неудовольствія. Категоріи недовольныхъ были слѣдующія: 1) аристократы, которые какъ филолаконы съ одной стороны не сочувствовали въ интересахъ и желаніяхъ Спарты всякому укрѣпленію Аѳинъ, и съ другой стороны, какъ богатѣйшій и наиболѣе знатный общественный слой избѣгали соприкосновенія съ матросскимъ населеніемъ приморскихъ городовъ; 2) земельные собственники находили, что оставшіеся укрѣпленія съ ихъ владѣніями предоставляются врагу, забывая, что помѣстья самого Перикла находились внѣ укрѣпленной линіи; 3) аѳинскіе мѣстные патріоты для

которыхъ соединеніе ихъ города съ другими мѣстностями уже само по себѣ было камнемъ преткновенія, что-то въ родѣ святотатства; 4) частные владѣльцы застраиваемаго пространства, боявшіеся быть изгнанными при приведеніи въ исполненіе постройки; 5) неподатливые въ денежномъ отношеніи скряги, страшившіеся издержекъ, и 6) наконецъ педанты признававшіе изъ за большихъ и многихъ трудностей самое предпріятіе несбыточной фантазіей и поэтому отвергавшіе его.

Периклъ успѣлъ постепенно преодолѣть всѣ эти затрудненія. Однако какъ кажется приготовленія къ постройкѣ заняли два года. Только въ половинѣ 459 г. послѣ неудачи плана эллинскаго союза и при надвигавшейся военной опасности усиленно приступили къ началу постройки. Но именно въ силу этого въ Аѳинахъ съ тѣхъ поръ увеличилось озлобленіе болѣе выдающихся противниковъ Перикла и его фортификаціонной системы до такой степени, что самая враждебная фракція безсильныхъ и тайныхъ филоконовъ осмѣлилась вступить въ измѣнническіе переговоры съ спартанцами. Они преслѣдовали двойную цѣль: достигнуть съ помощью Спарты прекращенія постройки и паденія демократіи. Тяжелое время взаимныхъ подозрѣній и полныхъ страха ожиданій предшествовали такимъ образомъ войнѣ между Афинами и Спартой. Война произошла слѣдующимъ образомъ.

Въ половинѣ іюля 458 г. на дорянъ въ средней

Греціи преданныхъ Спартѣ, на основаніи особыхъ недоразумѣній нагрянули войной преданные болѣе Аѳинамъ фокійцы. Тогда спартанцы рѣшили доставить соплеменникамъ свою помощь въ самой ихъ родинѣ Доридѣ. Въ половинѣ сентября, съ войскомъ почти въ 12,000 чел. подъ начальствомъ Никомеда замѣстителя несовершеннолѣтняго короля Плистоанокса, они проникли въ Среднюю Грецію, принудили фокійцевъ возвратить ихъ дорійскія завоеванія и около октября собирались повидимому въ обратный путь. Но между тѣмъ ясно было, что аѳиняне въ правѣ были принять этотъ походъ за враждебную имъ диверсію, за желаніе по возможности препятствовать имъ и стараться повредить имъ. Хотя Спарта прямо и не объявила войны Аѳинамъ и отношенія между Фокіей и Аѳинами не были такого рода, чтобы послѣднія обязаны были помогать имъ, но спартанское войско въ большинствѣ состояло изъ конгентовъ государствъ находившихся въ открытой войнѣ съ Аѳинами. Спартанское войско,— что ясно объясняется продолженіемъ мессинской войны—состояло только изъ 1500 тяжело вооруженныхъ спартанцевъ и напротивъ изъ 10000 челов. союзныхъ войскъ. Слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что среди нихъ находились контингенты изъ Коринѳа, Эпидавра и тѣхъ пелопонесскихъ союзниковъ Спарты, которые въ теченіи послѣднихъ 15-ти мѣсяцевъ болѣе или менѣе открыто присоединялись къ оружію тройственной коализаціи. Поэтому аѳиняне поспѣшно со-

брали противъ нихъ войско и въ то же время заботились преградить враждебнымъ войскамъ, линію отступленія съ моря и съ суши. Аѳинскій флотъ поспѣшилъ въ коринѳскій заливъ, чтобы воспрепятствовать переплытію, усиленные гарнизоны Мегары и Паге угрожали сухопутной линіи изъ Геранеи. Не смотря на все это отличное войско спартанцевъ несомнѣнно хотя и съ потерями могла бы пробиться черезъ коринѳскій перешеекъ. Но спартанцы видимо добивались не того, они главнымъ образомъ рѣшили оставаться, чтобы вызвать и дождаться нападенія аѳинянъ въ открытомъ полѣ, кажущимся отступленіемъ достигнуть раздробленія аѳинскихъ военныхъ силъ, и когда это удалось, они снова подъ предлогомъ,—хотя далеко неудовлетворительной,—блокады линіи отступленія, придрались къ этому, какъ къ вызывающей причинѣ оставаться въ Средней ~~Азіи~~ Греціи и твердо водвориться въ непосредственномъ сосѣдствѣ Аѳинъ, въ Беотіи. Этого момента жаждали лаконизирующіе аристократы Аѳинъ, воспользовались имъ для приведенія въ исполненіе своихъ реакціонныхъ цѣлей. Они тайно, но безъ обиняковъ пригласили враждебныя войска предпринять нападеніе въ Аттику.—Строившіяся продольныя стѣны не представляли еще никакой защиты отъ врага и должны были быть безъ сопротивленія представлены разрушительной ярости нагрянувшаго непріятеля.

Теперь задача Перикла состояла въ томъ, чтобы не медлить болѣе предупредительнымъ отпоромъ. Хотя

новое войско не было еще сформировано и, при недостаточности аттическаго кореннаго состава войска, нуждалось въ большемъ количествѣ союзныхъ контингентовъ; но и въ этомъ видѣ аѳиняне перешли границу Беотіи на встрѣчу лакедемонянамъ. По всей вѣроятности въ послѣднихъ числахъ ноября при Танагрѣ произошла рѣшительная битва и аѳиняне потерпѣли неожиданное пораженіе. Въ началѣ битвы они общимъ числомъ въ 14000 чел. превосходили лакедемонянъ численностью въ 2000 чел.; но въ теченіи битвы это превосходство измѣнилось въ обратное отношеніе измѣнническимъ переходомъ сочувствующей лакедемонянамъ ѳессалійской конницы и именно это столь неожиданное происшествіе естественно нарушило на сторонѣ Аѳинъ, какъ боевой планъ, такъ равно и порядокъ и былъ причиной роковаго исхода. Периклъ повидимому командовавшій аѳинской арміей, зналъ что стояло на картѣ—опасности подвергались не только его личное политическое положеніе но и будущность его національныхъ проэктовъ и существованіе приведенныхъ имъ уже въ исполненіе реформъ, равно какъ и демократическихъ принциповъ. Поэтому на перекоръ всему онъ продолжалъ бой и преобразилъ его въ одинъ изъ наиболѣе геройскихъ рукопашныхъ боевъ. Не заботясь о собственной жизни онъ стоялъ впереди всѣхъ. Но тщетно! лакедемоняне восторжествовали, бой былъ и оставался потеряннымъ. Вызванныя этимъ пораженіемъ въ Аѳинахъ впечатлѣнія уже сами собой

въ высшей степени были опасны для Перикла. Но они усугублялись еще своеобразнымъ событіемъ вызвавшимъ снова непосредственно послѣ битвы всѣ воспоминанія о блистательныхъ временахъ Кимона. Именно, когда кризисъ оказался неизбѣжнымъ, Кимонъ поспѣшилъ изъ ссылки къ границамъ Аттики, чтобы вступить въ число воиновъ своего удрученнаго отечества и тѣмъ очиститься отъ подозрѣнія въ расположеніи къ спартанцамъ, въ смыслѣ измѣны странѣ, такъ какъ въ дѣйствительности пораженія роднаго города въ открытомъ бою ни онъ, ни большинство аѳинскихъ филоконовъ никогда не желали и не стремились. Онъ и это большинство его партіи добивались вѣроятно только тѣсной дружбы со Спартой, прочнаго присоединенія къ ея политическимъ принципамъ и результатамъ слѣпой преданности ея интересамъ и желаніямъ. Но въ открытомъ бою они въ разрѣзъ съ небольшой фракціей ультрафиллоконовъ признавали должнымъ быть и оставаться исключительно аѳинянами. И такъ во время передвиженія войска Кимонъ присоединился къ своимъ родичамъ. Но друзья и приверженцы Перикла протестовали противъ этого, такъ что онъ какъ „ссыльный" окончательно былъ отвергнутъ. Его же свободнымъ друзьямъ участіе въ бою не могло быть воспрещено и дѣйствительно въ этомъ бою они своею соревновательною храбростью, во имя которой большинство пало жертвой, дали блистательное удостовѣреніе въ своей и своего вождя патріотической преданности.

Такимъ, заслуживающимъ полнаго признанія способомъ, Кимонъ снова вызвалъ воспоминаніе и уваженіе къ себѣ своихъ гражданъ, между тѣмъ, какъ храбрость его друзей уничтожила неудовольствіе къ его партіи. Понятно, что свѣтлыя точки картины прошлаго сравнивались съ глубокими тѣнями настоящаго положенія дѣлъ. Допускался вопросъ, не избѣжалъ ли бы Кимонъ этой губительной войны со Спартой? Или не былъ ли бы совершенно инымъ исходъ битвы, если бы аѳинской арміей при Танагрѣ командовалъ неизмѣнный побѣдитель во всѣхъ битвахъ, величайшій полководецъ своего времени, Кимонъ? И не представлялась ли бы больше надеждъ въ мрачномъ будущемъ, если бы Аѳины снова имѣли въ своей средѣ того героя, если бы ненависть партій была бы прикончённою и демократъ жилъ бы въ мирѣ съ аристократомъ.

Теперь только обѣ партіи прониклись предупрежденіями, которыя раздавались 8 мѣсяцевъ назадъ, въ мартѣ 458 г. со сцены въ Эвменидахъ Эсхила, когда онъ затрогивая существующее положеніе дѣлъ, совѣтовалъ взаимное примиреніе. Аристократъ могъ спросить себя, что, хотя не въ его вкусѣ были ослабленіе ареопага и реформа всего государственнаго строя, но не было ли то совершившимся фактомъ, котораго нельзя было больше измѣнить? Не пострадалъ ли уже изъ за того передовой борецъ Эфіальтъ, такимъ способомъ, что хорошо бы было мягкимъ и миролюбивымъ настроеніемъ вполнѣ предать его забвенію. И не слѣдовало ли демократу спросить себя, не достаточно ли было достигнуто демократіей, чтобы довольствоваться разрушеніемъ стараго и уважать и оберегать права власти ареопага? Не было ли съ одной стороны достигнутое возвеличеніе Аѳинъ достаточно высокимъ и съ другой стороны подстерегающее ихъ извнѣ недоброжелательство на столько ли велико, чтобы прекратить непріязненное настроеніе внутри и настоятельно желать взаимнаго единенія? Казалось, что внушеніе Эсхила „забудьте раздоръ прошлаго и идите миролюбиво на встрѣчу будущему,“ не проникавшее въ мартѣ въ сознаніе гражданъ, отозвалось теперь въ сердцахъ всѣхъ ихъ.

И такимъ образомъ изъ чувства ожиданія крайней опасности для общаго отечества, въ началѣ среди отдѣльныхъ группъ народа проявилось страстное желаніе твердой соединенной дѣятельности всѣхъ, великодушнаго примиренія противниковъ и скораго возвращенія Кимона. Это желаніе распространилась быстро и не успѣли опомниться, какъ не смотря на удручающее событіе во всѣхъ слояхъ народонаселенія Аттики преобладало неудержимое воодушевленіе, лозунгомъ котораго было: „сліяніе партій.“

Периклъ зналъ, что все становилось на карту и дѣйствовалъ сообразно этому. Правда угрожающая опасность не была крайняя и непосредственная. Пораженіе при Танагрѣ было уже не на столько полное, чтобы уничтожить аѳинскую армію. Лакедемоняне съ

своей стороны понесли столь большія потери и Спарта на столько нуждалась въ ихъ содѣйствіи для продолженія мессинской войны, что не только не предприняла вторженія въ Аттику, но кажется уже на другой день послѣ битвы согласилась на четырехмѣсячное перемиріе, въ силу котораго они возвратились на родину еще до окончанія 458 г. Но дѣйствительно въ будущемъ грозила большая опасность. Естественно, что Лакедемоняне, какъ побѣдители воспользовались остальнымъ временемъ своего пребыванія въ Беотіи для внушенія не только сей послѣдней, но и вообще всѣмъ государствамъ Средней Греціи, именно также Локридѣ и Фокидѣ своей политической системы и для присоединенія ихъ къ своему союзу. Оказавъ формальную помощь Өивинцамъ овладѣть верховной властью надъ всей Беотіей, она за эту услугу өивинцамъ потребовала въ благодарность замѣнить ихъ въ веденіи войны и не оставлять покуда въ покоѣ аөинянъ. Кромѣ того, они съ одной стороны не преминули способствовать отпаденію отъ аөинскаго союза, фессалійцевъ; а съ другой стороны на возвратномъ пути опустошили незащищенныя области Мегаріи въ наказаніе за союзъ съ Аөинами и чтобы тѣмъ поколебать въ будущемъ ихъ вѣрность имъ. Такимъ образомъ вскорѣ должно было ожидать наступленіе беотійцевъ, ихъ союзниковъ, въ Среднюю Грецію. И во всякомъ случаѣ на слѣдующую весну, т. е. по истеченіи перемирія можно бы опасаться громаднаго вторженія лакедемо-

нянъ, ихъ ободренныхъ и умножившихся союзниковъ. Такого рода ожиданія и заботы сдѣлали Перикла чувствительнымъ къ повороту общественнаго мнѣнія. Кромѣ того, онъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе тѣмъ, что былъ принужденъ или уступить примирительному настроенію народа и въ силу того согласиться на совмѣстное управленіе съ Кимономъ, или на столько сопротивляться, чтобы раздраженный народъ не задумываясь всецѣло и безусловно пожертвовалъ имъ и всѣмъ тѣмъ, чего онъ былъ представителемъ въ пользу столь неожиданно, страстно желаемаго Кимона. Изъ этого по крайней мѣрѣ, наружно выборъ былъ не затруднителенъ; лучше раздѣлить власть съ Кимономъ, чѣмъ быть виновникомъ того, что она исключительно окажется въ его рукахъ. Но и внутреннее рѣшеніе, хотя причина и была для него мучительная и непріятная, по всей вѣроятности не затруднило его. Такъ какъ, не смотря на ихъ открытую политическую вражду онъ никогда не питалъ къ Кимону личной ненависти. И кромѣ того въ силу тѣхъ доказательствъ патріотической преданности подобно, какъ и у народа, не очистился ли теперь этотъ противникъ и въ его глазахъ, хотя и не отъ всѣхъ, но отъ большинства своихъ пятенъ. Однако до рѣшительнаго шага онъ считалъ должнымъ удостовѣриться какъ намѣренъ себя держать Кимонъ. Устроенное будто бы Эльпиникой тайное свиданіе обоихъ, дѣйствительно привело къ полному соглашенію во всѣхъ

пунктахъ. Какого рода оно было въ частностяхъ, мы сейчасъ изслѣдуемъ ближе; конечнымъ слѣдствіемъ на дѣлѣ было сліяніе или коалиція аристократической и демократической партій.—Только послѣ этой реорганизаціи Периклъ не задумываясь подчинился общему теченію. Теперь онъ самъ предложилъ декретъ въ силу котораго въ 457 г. было рѣшено призвать обратно Кимона.

11. Управленіе Аѳинъ Перикломъ вмѣстѣ съ Кимономъ. (457—449).

Что между Перикломъ и Кимономъ, какъ утверждали, состоялось формальное раздѣленіе власти въ томъ смыслѣ, что къ первому перешли внутреннія дѣла, ко второму внѣшнія, можно положительно усомниться, или по крайней мѣрѣ не принимать въ строгомъ смыслѣ слова, потому что будь Кимонъ властителемъ внѣшней политики, соглашенія со Спартой навѣрное не пришлось бы ожидать въ теченіи еще семи лѣтъ.

Содержаніе реорганизаціи, слишкомъ кратко и нежно представленное выше, согласно обстоятельству и фактамъ необходимо должно было быть слѣдующее: 1) Кимонъ и его партія признаютъ проведенныя реформы въ Аѳинахъ, какъ совершившіяся факты и отказываются отъ явнаго или скрытаго усилія возвратить ихъ прежнему порядку; 2) точно такъ съ своей стороны они безпрепятственно допускаютъ продолженіе и окончаніе постройки продольныхъ стѣнъ; 3) согласно

тому Периклъ и его партія не будутъ предлагать народу новыхъ реформъ и новыхъ предпріятій безъ предварительнаго согласія другой стороны; 4) внѣшняя политика направляется Перикломъ и Кимономъ совмѣстно, никакое объявленіе войны или заключеніе мира не можетъ быть предложено безъ согласія товарища; 5) Периклъ отказывается отъ всякаго противодѣйствія, если народъ снова пожелаетъ передать преимущественно Кимону веденіе военныхъ операцій; 6) настоящая война со Спартой и ея союзниками будетъ продолжена до тѣхъ поръ, пока относительно каждаго врага Аѳинъ не будетъ достигнутъ—будетъ ли то черезъ общее или апаративное соглашеніе—вполнѣ удовлетворяющій чести миръ.

Этотъ послѣдній пунктъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, его достаточно удостовѣряетъ уже фактическое продолженіе многолѣтней войны. Хотя и доказываютъ, что возможно допустить и то, что послѣ битвы при Танагрѣ въ Аѳинахъ моментально всѣ были охвачены миролюбивымъ настроеніемъ. Но чтобы народъ во что бы то ни стало желалъ мира и чтобы какой либо изъ пунктовъ, приведеннаго къ концу мирнаго договора могъ быть принятъ за настоящую цѣль возвращенія Кимона и за дѣйствительную задачу послѣдняго, мнѣніе вполнѣ ошибочное; въ необходимости продолжать войну вполнѣ были убѣждены народъ, Периклъ и самъ Кимонъ. Что касается послѣдняго онъ всегда былъ противникомъ войны противъ Спарты

и оставался таковымъ. Но въ настоящее время вопросъ касался чести Аѳинъ и кромѣ того дѣло шло преимущественно о низверженіи—не самой Спарты, но другихъ высокомѣрныхъ противниковъ Аѳинъ, хотя тѣ конечно были союзниками Спарты. Требовалось во чтобы то ни стало обуздать ихъ: въ этомъ не могъ сомнѣваться и Кимонъ, если бы даже онъ и готовъ былъ по мѣрѣ возможности щадить Спарту. Приведенное соображеніе вполнѣ можетъ казаться удовлетворительнымъ для убѣжденія въ томъ, что соглашеніе между Перикломъ и Кимономъ не могло доходить до строгаго раздѣленія власти, такъ какъ подобное распредѣленіе было вполнѣ непримѣнимо на практикѣ. Ясно, что въ общемъ положеніе дѣлъ, равно какъ и обоюдная степень миролюбія и довѣрія при каждомъ единичномъ случаѣ должны были рѣшать о принятомъ положеніи каждаго и о первенствѣ одного или другаго.

Во время вышеописанной реорганизаціи рядомъ съ принципіальными постановленіями, вѣроятно заключенъ былъ договоръ личнаго свойства, потому что на основаніи сліянія и возвращенія Кимона, тогда вѣроятно въ видѣ исключенія было рѣшено узаконеніе сыновей послѣдняго. Дѣйствительно позже, именно въ 434 г. мы ихъ видимъ пользующимися гражданскими правами и Лакедемона даже въ санѣ полководца, для чего необходимо предполагается предшествующее возстановленіе правъ гражданства. Послѣднее же могло быть только допущено въ признаніе заслугъ

Кимона. И уже вслѣдствіе того законъ этотъ нельзя приписывать 445—44 г. такъ какъ послѣ смерти Кимона продолжать привелегіи въ пользу его семьи по личнымъ отношеніямъ Перикла не представлялось больше надобности, тѣмъ болѣе, какъ намъ извѣстно, что именно по смерти Кимона, Перикла упрекали въ недоброжелательствѣ къ сыновьямъ его! Если же напротивъ, камъ мы признаемъ и уже утверждали законъ тотъ былъ изданъ въ 461—60 г. послѣ прекращенія ссылки Кимона и разрѣшеніе само собой разумѣется распространилось и на его семью, то за почетнымъ возвращеніемъ ссыльнаго въ 457 г. необходимо слѣдовало узаконеніе его сыновей. Кромѣ того неудивительно бы было если бы при заключеніи той тайной реорганизаціи Кимонъ, какъ необходимое условіе примиренія потребовалъ его и что, какъ и для ихъ отца, самъ Периклъ предложилъ возстановленіе правъ гражданства его дѣтей.

Ближайшимъ слѣдствіемъ коалиціи было восторженное воинственное воодушевленіе, всѣ главнымъ образомъ стремились теперь къ тому, чтобы быстро устранить опасность и блестяще загладить понесенное пораженіе. Тотчасъ же по удаленіи лакедемонянъ, беотійцы послушные веленію Спарты „не давать въ промежуточное время покоя Аѳинамъ“, со всѣхъ сторонъ собрали сильныя военныя силы для того, чтобы предпринять нападеніе въ Аттику. Но Аѳины предупредили ихъ; аѳинская армія, побѣжденная

при Танагрѣ была быстро реорганизована и въ заключеніи поставлена подъ главнокомандованіе вызваннаго изъ Мегары полководца Меронида. Потому ли, что Кимонъ не успѣлъ возвратиться или потому что его назначеніе главнокомандующимъ весьма понятно не могло еще воспослѣдовать, уже въ концѣ 457 г. Меронидъ перешелъ границу на встрѣчу беотійцамъ, и въ началѣ февраля шестьдесятъ два дня послѣ битвы при Танагрѣ воспослѣдовалъ еще болѣе значительный кризисъ: битва при Энофитѣ. Аѳиняне одержали подъ значительно превосходящими ихъ военными силами беотійцевъ изъ ихъ союзниковъ рѣшительную и весьма значительную по послѣдствіямъ побѣду. Меронидъ употребилъ всѣ усилія на то чтобы до крайности воспользоваться этой побѣдой: Въ теченіе года онъ завоевалъ и подчинилъ Аѳинамъ Беотію, затѣмъ Локриду и Фокиду. Эти большіе успѣхи удержали отчасти Спарту отъ всякаго прямаго предпріятія противъ Аѳинъ и утвердили, по крайней мѣрѣ наружно, согласіе партій въ Аѳинахъ. Постройка продольныхъ стѣнъ была ведена столь единодушно и энергично, что она благополучно была окончена въ началѣ 456 г. Въ то самое время во власть аѳинянъ перешелъ наконецъ и островъ Этна, который Периклъ называлъ „занозой въ глазу Пирея.“ Всѣ суда должны были быть выданы имъ, всѣ укрѣпленія были снесены и эгинеты включены податными подданными въ составъ аттическаго государства. То же обстоятельство, что

что поворотъ счастья совершился еще безъ помощи Кимона, что не ему обязаны были внезапными большими успѣхами, привело къ тому, что по возвращеніи его вліяніе оказалось значительно меньше того, чѣмъ ожидалось первоначально всѣми, не исключая и Перикла. Вскорѣ къ этому присоединилось, что затѣянная въ началѣ 456 г. война въ Египтѣ кончилась двумя несчастными катастрофами: уничтоженіемъ аѳинской вспомогательной арміи на островѣ Прозопитѣ и уничтоженіемъ вспомогательнаго флота въ 50 судовъ у мыса Мендези. Этотъ печальный исходъ могъ конечно нѣкоторымъ образомъ умалить благопріятное настроеніе къ Кимону и въ ту пору понизить его вліяніе. Поэтому то и внѣшнія дѣла годами еще разрѣшались не по его совѣту, но по предложеніямъ Перикла и другихъ. Прославляемымъ героемъ дня былъ конечно Миронидъ, побѣдитель при Энофитѣ, и вскорѣ на ряду съ нимъ любимцемъ стратегомъ народа сталъ Толмидъ.

Въ половинѣ 456 г. по совѣту послѣдняго и подъ его предводительствомъ образовалась большая пелопонесская морская экспедиція. Теперь дѣло шло о томъ, чтобы притѣснить Спарту, напасть съ южной стороны на никогда неопустошаемую Лаконію и по всѣмъ направленіямъ прижать спартанскихъ союзниковъ. Длинный рядъ успѣшныхъ дѣлъ былъ плодомъ этого похода. Первоначально Толмидъ завоевалъ въ южномъ Пелопонесѣ лаконійскій городъ Метонъ,

лаконійскій портовый городъ Гиптіонъ, сжегъ тамошнюю корабельную верфь и опустошилъ страну по всѣмъ направленіямъ. Затѣмъ онъ отплылъ на западную сторону Пелопонеса и овладѣлъ островомъ Закинвомъ, равно какъ и всѣми городами на Кефалоніи. Потомъ къ ужасу коринѳянъ онъ завоевалъ коринѳскую Халкиду, взялъ у сѣвернаго берега коринѳскаго залива локридскій Навпактъ съ его прекрасной гаванью и создалъ тѣмъ, для постоянной угрозы Коринѳа и Пелопонеса, аѳинскій стратегическій бастіонъ. Наконецъ высадившись на сѣверной сторонѣ Пелопонеса онъ побѣдилъ союзниковъ Спарты сикіонцевъ, и около половины марта 455 г. причалилъ къ занятому аѳинянами мегарскому порту Паге. Вскорѣ послѣ этого ему пришлось выполнить дополнительную задачу. Мессенцы въ Итомѣ заключили наконецъ съ лакедемонянами соглашеніе, въ силу котораго за ними признавалась свобода удалиться изъ Пелопонеса и этимъ окончилось десятилѣтнее мессенское возстаніе. Съ своей стороны аѳиняне поторопились предложить имъ пріютъ и осѣдлость въ Новпотакѣ, а Толмиду поручили устроить переселеніе, съ помощью его флота, которое и воспослѣдовало тотчасъ же около конца лѣта.

Между тѣмъ и Миронидъ продолжалъ свой побѣдительный путь. Ѳессалійскій претендентъ Орестъ, сынъ изгнаннаго династа Эхекратида изъ Фарзаны, молилъ Аѳины водворить его въ отцовскомъ владѣніи. Предлогомъ этимъ воспользовались аѳиняне, чтобы въ настоящее время наказать Ѳессалійцевъ за ихъ измѣну союзу въ битвѣ при Танагрѣ за ихъ отпаденіе отъ него. Изъ Беотіи Миронидъ, усиленный беотійскими и фокійскими контингентами, напалъ на Ѳессалію и за исключеніемъ Ѳарсалы завоевалъ всю страну, всюду достигнувъ возвращенія изгнанныхъ приверженцевъ Аѳинъ. Водвореніе же Ореста, какъ династическаго претендента, едва ли серьезно принималось во вниманіе аѳинянами. Хотя они и учинили осаду Ѳорсаллы но ее вскорѣ снова сняли, такъ что Орестъ безрезультатно принужденъ былъ удалиться обратно съ аѳинской арміей, когда послѣдняя покинула Ѳессалію въ 455 г. Конечно нельзя было разсчитывать на прочное аѳинское вліяніе въ Ѳессаліи, но цѣль наказанія и устрашенія все таки была достигнута.

Миронидъ, которому въ то время было по крайной мѣрѣ 54 года едва ли, какъ кажется, пережилъ конецъ ѳессалійской экспедиціи, такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ изчезаетъ изъ исторіи, и уже въ началѣ 454 г. мы видимъ, что въ Беотіи его замѣнилъ Толмидъ. Периклъ же напротивъ былъ посланъ полководцемъ въ Пелопонесъ. Изъ мегарской гавани Паге онъ предпринялъ побѣдоносный военный походъ въ Сикіонъ, гдѣ онъ натолкнулся также на войско лакедемонянъ. Оттуда онъ переплылъ въ Арканіумъ, гдѣ онъ овладѣлъ множествомъ городовъ, только одна осада Оэніады не достигла цѣли.

Итакъ въ концѣ 454 г. Аѳины стояли на вы-

сотѣ своего внѣшняго могущества. Они не только были первой морской, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримо и первой континентальной державой. Почти вся непелопонесская Грецiя была частью въ союзѣ съ ними или же въ подданствѣ у нихъ, или подчинена ихъ влiянiю, между тѣмъ, какъ Спарта съ своей стороны только теперь начала оправляться отъ послѣдствiй мессинскаго возстанiя. Поэтому надежда на осуществленiе панэллинскаго союза подъ аттической гегемонiей, казалось, путемъ непрерывной войны со Спартой снова приблизилась.

Но именно это обстоятельство ослабило повидимому коализацiю партiй, такъ какъ относительно ихъ невозможно было допустить солидарности мнѣнiй и общности дѣйствiй. Лаконизирующая партiя аристократовъ и съ ними Кимонъ ни въ какомъ случаѣ не желали паденiя Спарты. Къ этому присоединилось то, что народъ пресыщенный огромными успѣхами и утомившись многолѣтними войнами въ настоящую пору дѣйствительно жаждалъ мира. Естественно, что вслѣдствiе этого все болѣе и болѣе прiобрѣтала влiянiе также желавшая мира партiя Кимона. Поэтому можно допустить, даже многое подтверждаетъ это, что послѣ окончанiя пелопонесской экспедицiи Перикла, т. е. съ конца 454 г. ихъ старанiями завязались переговоры со Спартой, которые въ ближайшемъ времени привели къ взаимному соглашенiю и къ фактическому прекращенiю враждебныхъ дѣйствiй.—Во всякомъ

случаѣ съ того времени и видимо по побужденiю партiй Кимона номинально продолжавшаяся война со Спартой и пелопонесцами поддерживалась съ бездѣятельнымъ равнодушiемъ, или лучше сказать, фактически прекратилась. Правда Периклъ неоднократно избирался полководцемъ, но онъ умышленно посылался въ отдаленныя мѣста, безъ сомнѣнiя его херсонская и понтiйская экспедицiи относятся къ 453 г. Точно такъ мы находимъ, что Толмидъ въ то самое время занятъ подобными задачами въ Беотiи и Эвбеѣ. Слѣдовательно относительно главной цѣли Перикла видимо ходъ внѣшнихъ успѣховъ все болѣе и болѣе парализировался послѣдствiями слiянiя. Не позже слѣдующаго 452 г. Кимонъ былъ формально уполномоченъ вести со Спартой переговоры о мирѣ, между тѣмъ, какъ Периклъ долженъ былъ принять и привести въ исполненiе безобидное предложенiе о посылкѣ клерухiи или военной колонiи въ Синопѣ. Не смотря на значенiе, которымъ пользовался Кимонъ въ Спартѣ и на его усердное посредничество, дипломатическiе переговоры были прикончены только въ концѣ 451 г. По всей вѣроятности первоначально дѣло шло объ окончательномъ мирѣ, такъ какъ послѣднiй согласовался съ желанiями Кимона и его партiи. Но основанiемъ условiя его Кимонъ по необходимости долженъ былъ требовать признанiя совершившихся въ то время завоеванiй. Съ своей же точки зрѣнiя Спарта ни въ какомъ случаѣ не могла согласиться на это, этимъ она навсегда ли-

шала себя случая освободить отъ Аѳинъ государства подобныя Мегарѣ, Беотіи, Эгинѣ и другимъ областямъ Средней Греціи. Сколько бы не тратилось времени и трудовъ, довольно было этого пункта, чтобы всѣ попытки найти основаніе для окончательнаго мира разбивались объ него. И такимъ образомъ принуждены были довольствоваться заключеннымъ между аѳинянами и пелопонесцами пятилѣтнимъ перемиріемъ. Одновременно Спарта заключила перемиріе съ аргивами на 30 лѣтъ. Таковъ былъ исходъ войны Аѳинъ со Спартой изъ за гегемоніи.

Не смотря на то, этотъ дипломатическій успѣхъ обезпечилъ Кимону съ одной стороны перевѣсъ вліянія въ Аѳинахъ, съ другой же стороны доставилъ свободу дѣйствія для возобновленія его прежней политики. Дѣйствіями въ миролюбивомъ духѣ онъ привлекъ на свою сторону большинство аѳинскаго народа; вскорѣ горячо настаивалъ на возобновленіе войны противъ персовъ, чтобы по старому отвлечь и удержать аѳинянъ отъ враждебныхъ столкновеній со Спартой. И еще разъ его стремленія увѣнчались успѣхомъ, хотя аѳиняне предъ тѣмъ ничего другаго не желали, какъ мира и кромѣ того не смотря на то, что печальный исходъ шестилѣтней войны съ персами не вызывалъ къ подражанію, тѣмъ не менѣе Кимону и его приверженцамъ безъ труда удалось уговорить народъ вопервыхъ, что война въ отдаленныхъ мѣстахъ Персіи вполнѣ разнится отъ домашней въ близкомъ разстояніи.

На первую можно глядѣть издали спокойно и благодушно, какъ на представленіе и принимая во вниманіе человѣческую способность, далекая война легче всего оградитъ домашній миръ. Далѣе постыдный исходъ египетской войны, вмѣсто того чтобы устрашать, напротивъ воодушевляетъ къ возмездному походу противъ персовъ. Честь Аѳинъ требуетъ блестящаго удовлетворенія за побѣду персовъ въ битвѣ при Мемфисѣ, за взятіе Прозопита, за пораженіе аѳинскаго флота. Несомнѣнно, что Кимонъ былъ причиной счастливаго исхода войны, но не виновникомъ печальнаго исхода ея; наиболѣе виновны въ томъ сами аѳиняне, отправившіе въ то время лучшаго своего воина вмѣсто войны въ изгнаніе. Кромѣ того должно принять во вниманіе, что Аѳины во время блага цѣлой Греціи всегда были впереди въ борьбѣ съ варварами, что они не имѣли права устраняться и изъ себялюбія закрывать глаза предъ опасностью, грозящей отъ Персіи. Не надвигались-ли персы еще недавно безстрашно и вызывающимъ образомъ со всѣхъ сторонъ! Не овладѣли-ли они снова островомъ Кипромъ! Не осуждали-ли они и не угрожали-ли недавно все назойливѣе даже эллинскимъ городамъ въ Малой Азіи! Кромѣ того на лицо имѣются и помощники! Претендентъ Амиртея еще крѣпко держится въ Египтѣ! Ему должно подать руку помощи, послать укрѣпленіе подъ руководствомъ Кимона, побѣды полныя славы неминуемы.

Такимъ образомъ вѣроятно обезсилены были возраженія противниковъ предпріятія, Перикла и его ближайшихъ приверженцевъ и возбуждены колеблющіеся умы аѳинянъ. И такъ еще въ первой половинѣ 450 г. было рѣшено возобновленіе персидской войны и Кимонъ избранъ главнокомандующимъ.

Около іюля онъ отплылъ съ громаднымъ флотомъ въ 200 судовъ. Главная цѣль его была завоеваніе Кипра. По просьбѣ Амиртея онъ отослалъ 60 судовъ въ Египетъ. Всюду ему безъ труда удалось изловить или изгнать разсѣянныя персидскія суда и части флота и стать властелиномъ моря. Точно также послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады, взятъ былъ рядъ кипрскихъ городовъ, именно Маріонъ на западѣ и Китіонъ на югѣ острова, гдѣ перезимовали флотъ и сухопутное войско. Весной около марта 449 г. когда наступающая весна и явившаяся вмѣстѣ съ ней повсюду нужда въ съѣстныхъ припасахъ побуждали къ новымъ операціямъ въ другихъ частяхъ острова, Кимонъ былъ пораженъ смертію. Повидимому онъ страдалъ отъ раны полученной имъ при осадѣ Китіона и совпадшая съ ней болѣзнь окончательно обезсилила его.

По его приказанію дабы не привести въ уныніе войско, смерть его первоначально скрывали отъ воиновъ, и въ теченіи тридцати дней главныя распоряженія шли отъ его имени, такъ какъ фактически главнокомандованіе находилось въ рукахъ Анаксикрата. Послѣдній оставилъ Китіонъ для завоеванія на восточной сторонѣ острова, важнѣйшихъ изъ кипрскихъ городовъ, укрѣпленнаго и сильно защищеннаго Саламина. Близь него онъ въ половинѣ апрѣля повстрѣчался съ далеко превосходящимъ флотомъ персовъ подъ начальствомъ Артабаза, флотъ этотъ былъ между тѣмъ снаряженъ въ гаваняхъ Финикіи и Киликіи. Блестящая побѣда аѳинскаго флота уничтожила морскую силу персовъ и изгнала остатки флота въ гавани выславшія его. Анаксикратъ послѣдовалъ за бѣглецами на сѣверъ къ берегамъ Киликіи гдѣ между тѣмъ собралась большая персидская сухопутная армія подъ начальствомъ Мегабиза. Онъ немедленно высадилъ свои войска и на сушѣ одержалъ также блестящую побѣду, жертвой которой палъ самъ. Послѣ этихъ славныхъ дѣлъ, надолго обезпечивающихъ отъ безпокоющихъ нападеній персовъ, армія и флотъ аѳинянъ снова направились къ Кипру и начали осаду Саламина. Осада эта безъ значительныхъ успѣховъ тянулась уже почти два мѣсяца, какъ вдругъ изъ Аѳинъ воспослѣдовалъ приказъ, отзывавшій обратно всѣ аѳинскіе войска, какъ съ Кипра такъ изъ Египта. Причиной былъ новый поворотъ въ политикѣ Аѳинъ, приведшій къ соглашенію съ персами и слѣдовательно къ прекращенію военныхъ дѣйствій.

---

12. Демаркаціонный договоръ съ Персіей, вторая война со Спартой изъ за гегемоніи, конецъ сліянія и кульминаціонный пунктъ могущества Перикла (449—444).

Критика такъ называемаго „мира Кимона" была бы здѣсь неумѣстна. Мы замѣтимъ только, что гиперкритика опрокинула дитя вмѣстѣ съ купелью. Собственно „мира Кимона" конечно не существовало въ Кипрѣ, какъ послѣ битвы при Эвримедонѣ, такъ и послѣ битвы при Саламинѣ. Война продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ сряду и послѣ двухъ или трехъ лѣтъ промежутка снова возобновилась безъ околичностей, но въ то время самъ Кимонъ уже умеръ. Но съ одной стороны, какъ выше сказано, послѣ взятія фракійскаго Херсонеса и въ виду грозящихъ военныхъ осложненій съ фразійцами, фракійцами и македонянами весьма возможно, что Кимонъ могъ заявить персамъ, что онъ готовъ положить оружіе въ томъ случаѣ, если они удалятъ отъ береговъ свои военныя суда по другую сторону „кіанійскихъ острововъ" на сѣверѣ и по другую сторону „хелидонскихъ острововъ" на югѣ, войска же на „400 стадій" (на 10 миль или на „одинъ день верховой ѣзды"). Мысль, что опредѣленіями подобнаго содержанія возможно было достигнуть прочнаго мира съ Персіей, столь наглядно представлялась въ то время государственнымъ людямъ и сама такъ естественно навязывалась имъ, что во времена Кимона многократное обсужденіе и взвѣшиваніе ея въ тѣснѣйшихъ и болѣе обширныхъ кругахъ не можетъ возбуждать сомнѣнія и удивленія. И на основаніи этого могло весьма легко составиться преданіе о дѣйствительно предписанномъ въ то время Кимоновомъ мирѣ. Тѣмъ легче, что какъ видѣли еще въ 461—60 г., персидскіе корабли не осмѣливались приближаться къ хелидонскимъ островамъ и, когда шестнадцать лѣтъ спустя, послѣ битвы при Эвримедонѣ, подобное условіе дѣйствительно состоялось.

Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію—если не признавать обманчивыми положительнѣйшія, безпристрастнѣйшія свидѣтельства, противъ которыхъ простое молчаніе чрезъ чуръ краткаго Фукидида (осуждаемое argumentum e silentio) не имѣетъ ни малѣйшей доказательной силы, что дѣйствительно въ 449 г. между Аѳинами и Персіей было заключено соглашеніе въ вышеозначенномъ смыслѣ. Конечно, не мертвымъ Кимономъ,—чего вовсе не доказываютъ тѣ свидѣтельства, но Перикломъ и Калліасомъ. И точно дѣло не шло о настоящемъ заключеніи мира, рѣшающаго въ окончательной формѣ о владѣніи земель и городовъ, объ имуществѣ, о выполненіи спорныхъ, верховныхъ правъ, о правоспособности взимать дани и о многомъ другомъ, но единственно только о протяженіи демаркаціонной линіи и о простомъ военномъ соглашеніи, долженствующемъ создать не вѣчный, конечный миръ, а перемиріе на неопредѣленное время (modus vivendi).

Положеніе дѣла, изъ котораго вытекало это соглашеніе и которое служитъ—если бы тото требовалось—подтвержденіемъ тѣмъ свидѣтельствамъ, было наглядно слѣдующее: увѣдомленіе о смерти Кимона, хотя временно и скрытое отъ войска на театрѣ войны, преемникомъ его въ командованіи Анаксикритомъ, само собой разумѣется, должно было быть немедленно сообщено аѳинскому правительству. Оно, должно быть, пришло въ Аѳины въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. Весьма естественно, что оно немедленно вызвало у Перикла, у его приверженцевъ надежду на новый фазисъ развитія его эллинской политики, такъ какъ исчезло главнѣйшее къ тому препятствіе, (чего, не медля, онъ долженъ былъ достигать—неожиданнаго сообщенія—не представляло слѣдовательно для него сомнѣнія). Какъ раньше, такъ и потомъ всякая наступательная война противъ персовъ всегда представлялась ему безплодной и опасной потерей аттическихъ и эллинскихъ силъ. И объединить Элладу было, по его мнѣнію, вѣрнѣйшимъ средствомъ разъ навсегда сдѣлать Персію безвредной. Быстро положить предѣлъ борьбѣ съ Персіей и въ будущемъ обратить всю мощь Аѳинъ на національное усиленіе, должно было быть съ этого момента настоятельнѣйшимъ предметомъ его стремленій и дѣйствій со стороны персовъ, новый напоръ аттическихъ силъ на ихъ кипрскія и египетскія провинціи явился въ высшей степени не кстати. Они, во чтобы то ни стало, желали побороть Амиртея и со-

хранить Кипръ и Египетъ. Вѣроятно еще до двойнаго пораженія при Саламинѣ и Киликіи у персидскихъ государственныхъ мужей шевелилась мысль, что ничто лучше не способствовало бы соглашенію отдѣлаться отъ неудобнаго и опаснаго соперничества съ Аѳинами. Нельзя предположить и доказать, чтобы уже въ то время до рѣшенія оружія были сдѣланы попытки къ тому; но послѣ двойнаго пораженія персидскіе намѣстники Артабазъ и Мегабизъ, получили отъ царя Артаксеркса формальное порученіе заключить договоръ съ Греціей. Для переговоровъ они тотчасъ же отправили въ Аѳины посланныхъ, прибывшихъ вѣроятно туда въ половинѣ мая.

Кто же могъ бы опровергать, что существенный интересъ Перикла, если онъ не желалъ отказаться отъ своей жизни, своей политики и отъ себя самаго, заключался въ томъ, чтобы употребить всѣ усилія, дабы привести къ цѣли переговоры. Послѣ же той двойной, блестящей побѣды вполнѣ удовлетворяющей чувству чести, аѳинскій народъ не былъ расположенъ настаивать на продолженіи войны. И такимъ образомъ состоялось соглашеніе, главныя условія котораго, какъ намъ достовѣрнѣйшимъ образомъ ручаются, далеко не возбуждали сомнѣній осторожной критики, но болѣе того вполнѣ соотвѣтствовали положенію дѣла и были для обѣихъ сторонъ одинаково справедливы, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ они не были исключительно почетны для Аѳинъ и черезчуръ постыдны

для Персіи, какъ то желала внушить новѣйшая итеркритика, отыскивающая аргументъ для занятаго отрицательнаго положенія.

Условія эти были по Діодору, т. е. Эфору и по тексту собранія документовъ Кратера, брата царя Антигона Гоната, въ сущности слѣдующія: всѣ эллинскіе города Малой Азіи пользуются автономіей, персидскіе сатрапы или начальники частей могли приближаться къ морю только на три дня ходьбы отъ него, и ни одно персидское военное судно не должно было переходить у Босфора отъ Фазилиса до Кіанійской линіи, аѳиняне же напротивъ не должны были посылать войскъ ни въ одно государство, которымъ управлялъ персидскій царь.

Понятно, что при этомъ въ Аѳинахъ вспомнили требованія, осуждавшія ея и взвѣшанныя уже при жизни Кимона и много лѣтъ назадъ, только съ той разницей, что морскую демаркаціонную линію, въ ущербъ Персіи, отодвинули отъ Хелидонскихъ острововъ еще далѣе на востокъ къ городу Ѳезелису. Насколько континентальная демаркаціонная линія, лежащая паралельно берегамъ Малой Азіи промежуткомъ трехъ дней ходьбы, сравнительно съ прежними требованіями, можетъ считаться расширенной, по краткости извлеченія изъ текста, сомнительна, по меньшей мѣрѣ разстоянія въ 9, самое большое 12 мил. Начиная съ освободительныхъ войнъ, лозунгомъ эллинскихъ городовъ въ Малой Азіи стала „автономія“, имѣющая

на дѣлѣ гораздо менѣе значенія, чѣмъ она, кажется, представлялась мнѣнію толпы, это было столько же извѣстно персидскимъ государственнымъ дѣятелямъ, какъ и аѳинскимъ. Именно автономія тѣхъ городовъ понималась только въ смыслѣ самоуправленія, которой они въ то время фактически уже пользовались, но ни въ смыслѣ освобожденія отъ уплаты дани, не прекращавшейся дотолѣ на перекоръ всѣмъ „освобожденіямъ“ и впередъ фактически не прекратилась, не имѣла надобности быть прекращенной договоромъ. Уплата дани была даже въ интересахъ самихъ малоазійскихъ городовъ, которые должны были, какъ производители, купцы и судовладѣльцы, заботиться состоять съ персами въ добромъ согласіи, чтобы не подвергаться съ ихъ стороны непріятностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ для аѳинскихъ, такъ и для персидскихъ политиковъ само собой разумѣлось, что этотъ параграфъ не уничтожалъ тотъ фактъ, въ силу котораго эллинскіе, мало-азіатскіе города находились именно въ Малой Азіи, т. е. во владѣніяхъ персидскихъ царей. Потому то совсѣмъ не удивительно, что въ послѣдствіи аѳиняне, равно какъ и персы, употребляли это или сходное съ нимъ выраженіе. Точно также, что не мало не удивительно, что и въ послѣдствіи продолжалась уплата дани.

Слѣдовательно, если въ договорѣ убытки персіанъ существенно состояли въ обязательномъ подчиненіи, чтобы въ тѣхъ западнѣйшихъ областяхъ на сушѣ и

на морѣ у нихъ существовала военная демаркаціонная линія, то съ другой стороны пріобрѣтенное ими взамѣнъ, имѣло настолько большую и непосредственную цѣну для нихъ, что и они съ своей стороны имѣли полное право быть удовлетворенными результатами переговоровъ; потому выше приведенный параграфъ, обязывающій аѳинянъ и ихъ союзниковъ воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій во владѣніяхъ персидскаго царя, ограждалъ персовъ на сколько они сами сохранятъ условія договора. А непосредственныя слѣдствія договора отражались видимо тяжелѣе на аѳинянахъ, чѣмъ на персахъ. Эти на главныхъ пунктахъ фактически занимали уже указанную военную позицію, тѣ же согласно договору должны были тотчасъ же очистить Кипръ и Египетъ.

По окончаніи переговоровъ въ Аѳинахъ, сынъ Гиппоника, Калліасъ былъ посланъ въ Сузу главой посольства къ царю Артаксерксу. При этомъ едва ли дѣло еще шло о дальнѣйшихъ переговорахъ, но преимущественно о врученіи аѳинской и о подтвержденіи персидской ратификаціи. Что послѣдняя дѣйствительно была учинена доказывается помимо положительныхъ свидѣтельствъ, какъ фактическое возвращеніе аѳинскихъ флотовъ изъ Кипра и Египта, такъ равно и дальнѣйшимъ фактамъ, что впредь, на долгія времена дѣйствительно наступило мирное положеніе между Греціей и Персіей.—Итакъ относительно внѣшнихъ враговъ Периклъ достигъ покоя и мира.

Теперь дѣло шло о примѣненіи ихъ внутрь страны.

Возобновленіе войны со Спартой не было въ его намѣреніяхъ. Но вѣдь потеряны были уже невозвратные годы! Спарта имѣла досугъ окрѣпнуть и дѣйствительно успѣшно воспользовалась имъ! Если бы послѣдняя рѣшающая борьба стала необходимой между двумя державами, то Периклъ желалъ бы отложить ее до наиболѣе благопріятствующихъ шансовъ. Безплодно кончившаяся борьба изъ за гегемоніи, хотя начатая и продолженная при столь относительно благопріятныхъ условіяхъ, убѣдила его, что ему не слѣдуетъ достигать всего вдругъ. Потому то онъ рѣшился въ будущемъ въ борьбѣ за панэллинское объединеніе, равносильное борьбѣ со Спартой, идти шагъ за шагомъ. Первоначально онъ желалъ мирнымъ путемъ всѣ непринадлежащія къ пелопонесскому или делосскому союзу эллинскія государства привлечь къ послѣднему.

Къ тому же при этомъ, какъ ранѣе, такъ и позже онъ долженъ былъ имѣть въ виду зоркую зависть и враждебное противодѣйствіе Спарты. Но требовалось попытать, чтобы ловкой политикой восторжествовать надъ ней. Нельзя-ли было достигнуть того, что выборъ присоединенія къ одному или другому союзу былъ предоставленъ на усмотрѣніе каждаго? Устроить такимъ образомъ, чтобы отпадала всякая причина къ соперничеству? И если бы несмотря на

все представились столкновенія между двумя державами, разрѣшеніе ихъ предоставлялось бы не военному счастію, не достигали бы объединенія панэллинскаго союза, но весь панэллинскій государственный міръ сливался бы, по крайней мѣрѣ, въ двѣ группы, обязанныя договорами мирно рѣшать свои распри. Периклъ безошибочно разсчитывалъ на то, что народонаселеніе, хотя не во всѣхъ, но далеко въ большинствѣ государствъ, скорѣе предпочитаетъ демократическія Аѳины, чѣмъ аристократическую Спарту, скорѣе делосскую федерацію одинаково способныхъ членовъ, чѣмъ хотя и не строго, но произвольно управляемый пелопонесскій союзъ. Въ концѣ концовъ, смотря по времени и случаю увеличившійся аттическій союзъ могъ поглотить меньшій пелопонесскій. Конечно уже нѣкоторое время Аѳины многократно дѣйствовали противно предвзятому мнѣнію, что якобы они хлопочутъ только о равноправности. Было уже аномаліей то, что, нетолько по образцу Спарты, помимо делосскаго союза посредствомъ завоеваній, въ виду подвластныхъ земель, они присвоили себѣ рядъ государствъ. Но что было еще большей аномаліей, это то, что и отпавшихъ членовъ делосскаго союза, она по окончаніи военной экзекуціи въ наказаніе привела въ то же положеніе подданства. Но первые и большинство этихъ поступковъ, да вѣроятно и всѣ были выполнены подъ давленіемъ обольщенія властно опьяненнаго славой народа подъ вліяніемъ Кимона до 461 г., а съ 457 г. Периклъ

не намѣренъ былъ при всѣхъ обстоятельствахъ поддакать послѣдней, да и дѣйствовать по образцу Кимона.

Подчиненій, подобно Наксосу и Тазосу онъ навѣрное намѣревался избѣгать, такъ какъ они могли устрашать вступить въ аѳинскій союзъ. Подчиненіе подобно Беотіи и другимъ среднегреческимъ государствамъ, которымъ, не смотря на крайнія, насильственныя мѣры, все таки было весьма затруднительно удерживать въ предѣлахъ повиновенія, должно было казаться ему особенно опаснымъ тѣмъ, что оно каждую минуту подвергало опасности мирное положеніе и, кромѣ того, стѣсняло поле дѣйствія мирной пропагандой панэллинской идеи. Въ настоящее время ничего нельзя было измѣнить вдругъ, оно могло быть сдѣлано исподволь и глядя по обстоятельствамъ.

Многократныя препятствія намѣреніямъ Перикла могли проистекать, какъ изъ Спарты, такъ и изъ Аѳинъ и изъ самаго номинально существующаго слiянія партій. Но глава аристократической партіи, преемникъ Кимона, старшій Ѳукидидъ, ни въ какомъ случаѣ не замѣнилъ сего послѣдняго. Хотя Ѳукидидъ былъ гораздо образованнѣе Кимона, истый государственный дѣятель и хорошій ораторъ, но ему не сопутствовали слава героя и глубоко укоренившійся почетъ, чѣмъ въ такой сильной степени обусловливалось вліяніе его противника и даже становилось подъ часъ неотразимымъ.

Итакъ съ этой стороны Периклъ могъ надѣяться хотя и наталкиваться на препятствія, но по крайней мѣрѣ не найти непреодолимой оппозиціи.

Въ это время на крайней границѣ аѳинскихъ владѣній возгорѣлась распря двухъ миніатюрныхъ государствъ, которая на перекоръ всѣмъ разсчетамъ Перикла немедленно вызвала вторую соперническую войну со Спартой. Это наглядно показало, что худшимъ и непріятнѣйшимъ врагомъ великихъ національныхъ стремленій была многочисленность самостоятельныхъ небольшихъ государственныхъ формъ, которыхъ непредвидѣнная мѣстная и обособленная политика слишкомъ легко нарушала и уничтожала всѣ комбинаціи общей политики.

Новая распря была вызвана съ начала 448 г. второй, такъ называемой, священной войной, въ силу которой дельфійцы и фокійцы спорили о правѣ собственности окрестностей дельфійскаго храма. Первые искали и нашли опору въ Спартѣ, вторые въ Аѳинахъ, Спартанцы рѣшились вступиться вооруженной силой за дельфійцевъ, которые были въ накладѣ. По всей вѣроятности Периклъ употребилъ всѣ усилія, чтобы предотвратить общую войну и весьма вѣроятно что онъ совѣтывалъ прибѣгнуть къ третейскому рѣшенію суда. Но Спарта, порядкомъ кичившаяся вновь пріобрѣтенной силой, заключившая пятилѣтнее перемиріе только въ угоду Кимону и горѣвшая желаніемъ повергнуть обратно нѣкогда непризнанныя ею завоеванія

Аѳинъ въ Средней Азіи, настояла на своемъ и послала умиротворяющую армію. Ею дельфійцы были водворены единственными владѣльцами храма. Этимъ черезъ два года съ половиной расторгнуто было пятилѣтнее перемиріе, которое Периклъ всего охотнѣе желалъ бы видѣть продолженнымъ. Честь Аѳинъ требовала не допускать одностороннаго вмѣшательства Спарты, не принимать послушно и коварно повелительнаго и вызывающаго отношенія послѣдней. И это Периклъ не скрылъ ни отъ себя, ни отъ народа. Но и въ настоящую пору онъ старался избѣжать крайняго, непосредственнаго столкновенія со Спартой. Онъ не допустилъ, какъ въ былое время, угрожать линіи отступленія спартанскому войску и не противопоставить ему аѳинскую армію. Болѣе того, только послѣ удаленія лакедемонянъ изъ средней Греціи, онъ удовольствовался вновь избраннымъ полководцемъ стать во главѣ аѳинской интервенціонной арміи и, прійдя на мѣсто, съ своей стороны передалъ дельфійское святилище фокійцамъ. Весьма скоро оказалось, что въ настоящую пору окончательно невозможно было никакое соглашеніе. Неотразимо наступалъ многозначительный кризисъ.

Но напротивъ всякихъ ожиданій вся тяжесть неудачи обрушилась не на Спарту, но на Аѳины. Спарта, согласно своей привычки, старалась посылать въ огонь другихъ впереди себя и оставаться въ заднихъ рядахъ боя, съ успѣхомъ старалась возстано-

вить покоренныя аѳинянами, вслѣдствіе битвы при Оэнофитѣ, земли. Въ Беотіи дѣло дошло до вторженія ссыльныхъ олигарховъ и послѣдствіемъ того было всеобщее возстаніе, къ которому присоединились эмигранты Евбеи и Локриды. Аѳинское войско, которое подъ начальствомъ Толмида подавило первыя попытки возстанія было весьма слабо и вскорѣ увидѣло себя окруженнымъ всеобщимъ пожарищемъ. Его быстро усилили и къ нему присоединились тысячи добровольцевъ— цвѣтъ аттической молодежи. Уповая на свое бывшее счастіе, Толмидъ рѣшился начать бой, несмотря на то, что его боевая сила все еще казалась неудовлетворительной. Помня день при Танагрѣ, Периклъ предупреждалъ и настоятельно совѣтывалъ обождать. Но напрасно! Его предупрежденія оставлены были безъ вниманія; почти съ безумной отвагой начата была битва при Коронеѣ, осенью 447 г. Онъ былъ побѣжденъ и самъ погибъ въ этомъ кровавомъ бою.

Неотразимо развились послѣдствія этого пораженія. Ближайшимъ результатомъ было то, что вся Беотія должна была быть очищенной, а съ этимъ лишались и Локриды и жертвовали Фокидой. Затѣмъ слѣдуя благому примѣру, отпали недовольные союзники: первоначально весной 446 г. Евбея потомъ лѣтомъ даже Мегара, возстаніе которой открыто и успѣшно поддерживалось пелопонесцами, особенно коринѳянами, сикіонцами и эпидаврами.

Вся мощь Аѳинъ оказалась вдругъ, какъ отъ

удара волшебнаго жезла, потрясенной и надломленной. Народъ упалъ духомъ, только Периклъ, пророческое предупрежденіе котораго осталось втунѣ, не лишился свойственнаго ему спокойствія и благоразумія. Только что избранный полководцемъ онъ проявлялъ во время войны всестороннюю и безпримѣрную дѣятельность, чтобы по возможности спасти, вновь возстановить и упрочить то, что еще оставалось; преимущественно же заботясь удержать нерѣшительныхъ союзниковъ и подчинить только что отпавшихъ. Новую опасность, приближавшуюся въ концѣ лѣта въ видѣ огромной пелопонесской арміи, подъ предводительствомъ спартанскаго царя Плистоанакса, онъ несмотря на гнетущее бѣдственное положеніе съумѣлъ предотвратить съ успѣхомъ. Отчасти, какъ говорятъ, это удалось посредствомъ подкупа царя и его совѣтника Клеандрида, отчасти посредствомъ ловкихъ переговоровъ, видимо доказавшихъ безцѣльность насильственнаго наступленія на неприступныя Аѳины, а обѣщанія важныхъ уступокъ выяснили цѣлесообразность мирнаго соглашенія. Еще ему удалось осенью же 446 г. снова покорить Евбею. Не смотря на то, базисъ континентальной мощи и гегемоніи продолжалъ оставаться расшатаннымъ. Не безъ основанія Периклъ склоненъ былъ приписывать бѣдствіе большею частью вызванному сліяніемъ внутреннему безсилію. Поэтому прежде всего рѣшился разъ навсегда отдѣлаться отъ этихъ внутреннихъ цѣпей. Для того, чтобы вообще окрѣпнуть и сосредо-

точиться, онъ согласно съ желаніями все еще упавшаго духомъ большинства, нуждался во внѣшнемъ мирѣ.

И съ этой точки зрѣнія онъ усердно направлялъ переговоры, которые вели со Спартой Калліасъ, Хоресъ и Андокидесъ старшій и еще до конца 446 г. добился заключенія тридцатилѣтняго перемирія. На этотъ разъ несомнѣнно сами Аѳины желали не окончательнаго мира, но перемирія, такъ какъ они понесли большія жертвы. Они отказались отъ своихъ пелопонесскихъ владѣній и завоеваній, именно отъ Трезеи и Ахеи, равно какъ и отъ средне-греческихъ, Мегары включительно.

Въ дѣйствительности же эти уступки были не такъ значительны, какъ казались. Отдавали лишь то, что въ то время фактически потеряли безвозвратно. И большинство потерь, какъ напр. Беотіи, всегда представлялось въ глазахъ Перикла тягостнымъ и опаснымъ. Дѣйствительно Периклъ равно какъ и народъ неохотно согласились выдать Мегару. Помимо того, что выдача послѣдней была совершившимся фактомъ, Спарта безъ сомнѣнія поставила ее рѣшительнымъ условіемъ. Итакъ Аѳины были принуждены согласиться и на это. Съ этихъ поръ начала развиваться вошедшая почти въ поговорку вражда между Аѳинами и Мегарой. Аѳиняне никогда не могли простить этому сосѣднему государству его оскорбительное и злостное отпаденіе. А сознающіе свою вину мегарцы, чтобы успокоить свою совѣсть, подстрекаемые и

поддерживаемые Спартой, все глубже проникались ненавистью къ нимъ. Съ другой стороны съ этихъ поръ Периклъ въ интересахъ своей вышеизложенной политики съумѣлъ блестяще воспользоваться этими уступками, онъ посредствомъ ихъ вынудилъ у спартанцевъ два важныхъ, бывшихъ имъ совсѣмъ не по душѣ и не по вкусу, постановленія. Первое заключалось въ томъ, что всѣмъ греческимъ государствамъ, не состоящимъ въ пелопонесскомъ или делосскомъ союзѣ, предоставляется право свободно присоединяться къ тому или другому, а другое заключалось въ томъ, что въ случаѣ споровъ прибѣгали бы не къ силѣ оружія, но къ рѣшенію третейскаго суда. Этимъ слѣдовательно Периклъ могъ надѣяться мирнымъ способомъ возвратить потерянное и къ нему многое другое. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу отучить эллиновъ отъ легкомысленно начинаемыхъ войнъ, которыми они растерзывали другъ друга, потѣшая тѣмъ злорадствовавшихъ варваровъ.

Такъ какъ тридцатилѣтнее перемиріе повидимому надолго ограждало отъ чрезмѣрныхъ препятствій, Периклъ немедленно приступилъ къ внутреннему уничтоженію сліянія. Антагонизмъ партій снова обострился до такой степени, что дѣлалъ невозможнымъ всякое взаимодѣйствіе. Поэтому при малѣйшемъ поводѣ Периклъ сталъ проводить свои предложенія, вовсе не принимая во вниманіе мнѣній аристократіи. И при каждомъ изъ этихъ поводовъ аристократія съ своей

стороны съ слѣпымъ фанатизмомъ противодѣйствовала величайшимъ и своевременнѣйшимъ предположеніямъ. Даже противъ тѣхъ произведеній искуства, которыя сами собой составляли безсмертную славу дѣятельности Перикла, Ѳукидидъ ратовалъ съ ненавистью, называя ихъ непроизводительною растратою государственной казны.

Столкновенія и взаимныя обвиненія обоихъ партійныхъ элементовъ раздѣлились такимъ образомъ въ теченіи года до невозможности. Казалось, что во имя единства и мира другая, партія должна была въ лицѣ своего представителя сойти съ поприща дѣятельности; и такимъ образомъ въ началѣ 444 г. снова прибѣгли къ общественному мнѣнію, къ послѣдней инстанціи къ разбирательству судомъ остракизма. Исходъ былъ несомнѣненъ, Периклъ остался побѣдителемъ, противникъ его Ѳукидидъ былъ изгнанъ.

Съ тѣхъ поръ Периклъ былъ почти самодержавенъ въ государствѣ; въ теченіи еще болѣе пятнадцати лѣтъ управленіе, за исключеніемъ немногихъ колебаній и перерывовъ, оставалось въ его рукахъ. Исключая катастрофы послѣдняго времени, то были лучшіе годы его жизни и плодотворнѣйшіе въ его дѣятельности.

XX Вмѣстѣ съ вліяніемъ рѣчи онъ пользовался въ ту пору вліяніемъ государственной власти. Изъ года въ годъ его неизмѣнно назначали полководцемъ. Онъ предсѣдательствовалъ и пользовался рѣшающимъ голосомъ въ коллегіумѣ избираемыхъ ежегодно десяти стра-

теговъ. Онъ постоянно пользовался экстроординарными прерогативами власти главнокомандующаго. Въ этомъ санѣ ему принадлежало верховное распоряженіе во время войны и мира, и на сушѣ и на морѣ онъ обязанъ былъ заботиться объ охранѣ страны, набиралъ войско, былъ главой военнаго судопроизводства, пользовался правомъ иниціативы во всѣхъ финансовыхъ, равно какъ юридическихъ, военныхъ вопросахъ и во всемъ, какъ либо къ нему относящемуся. Кромѣ того на немъ прежде всего лежала обязанность направлять внѣшнія дѣла и дипломатическіе переговоры съ другими государствами. И наконецъ, дабы имѣть возможность выполнить всѣ эти задачи онъ пользовался правомъ, какъ созывать такъ равно и распускать народныя собранія, кажущіяся ему опасными. Власть главнокомандующаго усилилась еще у Перикла тѣмъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послѣдовательно избирался на четырехлѣтній постъ управляющаго финансами таміаса или эпимилета. Ѳукидидъ, Плутархъ и Діодоръ нетолько въ общемъ единодушно признаютъ, что съ его постомъ полководца связано было все государственное управленіе, но кромѣ того Діодоръ категорически говоритъ, что онъ въ 465 г. нетолько былъ выбранъ хранителемъ союзной казны, но именно въ 490 г. былъ назначенъ эпимилетомъ. И Плутархъ увѣряетъ; „что въ 444 г. помимо того, что Периклъ былъ властелиномъ арміи и флота, онъ вполнѣ распоряжался и всѣми доходами.

Въ качествѣ эпимилета отъ него исходили высшія отвѣтственныя финансовыя распоряженія съ обязательными періодическими отчетами и съ правомъ инициативы въ приходахъ и расходахъ. Къ этому присоединилось еще то, что Периклъ въ теченіи многихъ лѣтъ занималъ постъ президента или эпистата общественныхъ построекъ, равно какъ и атлотета или устроителя большихъ празднествъ. Кромѣ того, какъ и въ былое время, при случаѣ на него возлагали исключительныя миссіи, равно какъ и заботу о военной готовности и объ укрѣпленіяхъ. Вслѣдствіе этого нельзя сомнѣваться въ исключительной обширности его служебной власти во время его дѣятельности, начиная съ 444 г. Но какимъ образомъ онъ примѣнялъ съ тѣхъ поръ эту всеобъемлющую служебную власть и глубоко укоренившееся могущество личнаго вліянія?

Главная идея Перикла о панэллинскомъ соединеніи повидимому покоилась теперь подъ развалинами перваго опыта къ реализированію его. Заключая тридцатилѣтнее перемиріе, онъ вполнѣ сознательно отнялъ у себя—весьма вѣроятно на всю жизнь, возможность вновь возбудить его посредствомъ войны. Но этимъ перемиріемъ онъ по существу формально достигъ пункта, перваго пункта цѣли своей измѣненной политики. Теперь вопросъ заключался не только въ томъ, на что рѣшатся изолированныя государства, выбирая между Аѳинами и Спартой, но и въ томъ,—что рѣшатся-ли они вообще на какой-либо выборъ, такъ какъ

признанное за ними право свободнаго выбора не включало обязательнаго выбора. Потому-то Периклъ направилъ главное свое вниманіе на то, чтобы умственными привлекательными силами привлечь къ Аѳинамъ множество тѣхъ шумныхъ кометообразныхъ государствъ, чтобы совершать нравственныя побѣды надъ всемъ эллинскимъ міромъ. Но съ другой стороны онъ долженъ былъ быть готовымъ на тотъ случай, когда отдѣльныя предпріятія и обособленныя столкновенія, вызванныя страстью къ интригѣ и упорное стремленіе къ ссорамъ, будутъ въ состояніи нарушить лучшія и самыя мирныя намѣренія. Не смотря на перемиріе, даже старая зависть Спарты и пелопонесцевъ могла вдругъ снова возгорѣться и вызвать войну. На этотъ случай Аѳины должны были быть готовыми снова во время противостать въ рѣшительной борьбѣ съ полной силой и съ увѣренностью на полный успѣхъ; они не хотѣли вызывать этой борьбы, но желали быть готовыми къ ней. Даже извѣстное предчувствіе подсказывало имъ, что несмотря на договоръ и третейскій судъ, они всетаки вѣроятно рано или поздно доживутъ еще до подобнаго насильственнаго кризиса. Итакъ онъ рѣшилъ употребить мирный досугъ нетолько на возбужденіе нравственныхъ симпатій, но и на военныя предосторожности и главнымъ образомъ на сохраненіе и на накопленіе силъ. Первоначально на накопленіе силъ.

Такъ какъ исполненный только національной

идеей и озабоченный только—какъ выражается Плутархъ—„сохранить власть Аѳинъ надъ Греціей“, онъ выступилъ противъ неподатливѣйшаго стремленія къ завоеваніямъ своихъ сограждан, которыхъ обуяло какъ бы головокруженіе“, они страстно мечтали и добивались въ своемъ своевольномъ стремленіи къ могуществу, блеску и величію-владѣнія чужими землями Египта и Сициліи, то Этруріи или Карѳагена. Онъ подавлялъ всѣ эти планы въ принципѣ и фактически дѣлалъ ихъ тщетными. Онъ предоставлялъ чужимъ народамъ самимъ справляться съ своими дѣдѣлами управленіемъ и организаціей! Какъ ранѣе, такъ и въ послѣдствіи онъ признавалъ задачей Аѳинъ невмѣшательство въ чужія дѣла, нераспространенія своего владычества на чужія территоріи, но единственно только организацію Греціи, всѣхъ владѣній греческой націи. Итакъ онъ „укрощалъ“, говоритъ Плутархъ, „увлекающій духъ, подрѣзывалъ безпокойныя крылья, и преимущественно направлялъ могущество на сохраненіе и закрѣпленіе имѣющагося владѣнія, такъ какъ онъ признавалъ уже достаточно важнымъ держать въ границахъ лакедемонянъ и во всемъ противодѣйствовать имъ“.

И именно въ силу того, чтобы въ будущемъ имѣть возможность справляться дома со всѣми случайностями, онъ хлопоталъ о накопленіи силъ, т. е. о развитіи военной готовности наступательной и оборонительной. Для этого онъ завелъ большія ежедневныя плаванія для упражненія флота, въ которыхъ для изученія и упражненія въ мореплаваніи должны были участвовать въ большомъ числѣ граждане, тѣмъ охотнѣе исполнявшіе эту обязанность, что вознаграждались за то, какъ состоящіе на службѣ. Упражняющійся флотъ состоялъ ежегодно изъ шестидесяти судовъ и поѣздка длилась 8 мѣсяцевъ. Затѣмъ Периклъ съ личнымъ живѣйшимъ участіемъ занялся усовершенствованіемъ средствъ военнаго транспортированія и оружіемъ для нападенія. Нетолько его имя тѣсно связано съ изобрѣтеніемъ особыхъ транспортныхъ судовъ для лошадей (hippagr), но онъ слылъ за настоящаго изобрѣтателя желѣзныхъ щипцовъ (manus ferreae), служащихъ для обордажа непріятельскихъ судовъ, равно какъ разрушающихъ крючковъ (harpagones), которыми опрокидывали палисады непріятельскихъ окоповъ, послѣдніе принадлежали вѣроятно къ тѣмъ новоизобрѣтеннымъ машинамъ, примѣненнымъ впервые Перикломъ (въ 440 г.), во время самосской войны, и которымъ удивлялись, какъ чуду. При этомъ, какъ техникъ помогалъ ему знаменитый инженеръ Артемонъ, который съ своей стороны изобрѣлъ такъ называемые тараны и черепахи.

Наконецъ, чтобъ увеличить силу противодѣйствія Аѳинъ, онъ занимался дальнѣйшимъ развитіемъ системы укрѣпленій, присоединивъ третью продольную стѣну, такъ называемую среднюю, между сѣверной стороной стѣны, ведущей къ Пирею и южной—ведущей къ Фалерону.

Обѣ эти внѣшнія линіи стѣнъ были, какъ мы видимъ, окончены въ 456 г.; средняя новая могла быть выполнена только въ сороковыхъ годахъ, потому что Сократъ, которому въ ту пору было едва двѣнадцать лѣтъ, по собственному показанію, участвовалъ въ общинѣ, которой Периклъ предложилъ новую постройку. Распоряжаться ею былъ назначенъ Каликратъ. Приготовительныя стадіи исполненія заняли, повидимому, равно какъ и при постройкѣ прежней стѣны, довольно продолжительное время, потому что комическій поэтъ Кратинъ подсмѣивался надъ новымъ предпріятіемъ: „давно уже словами возводитъ ее Периклъ, но на дѣлѣ она не подвигается“. Стратегическое значеніе этой средней линіи укрѣпленія было двойной окопъ, съ какой бы стороны, съ сѣвера или юга не нападалъ бы непріятель. Она охраняла сообщеніе города съ моремъ и въ томъ случаѣ, если бы одна изъ внѣшнихъ стѣнъ и была пробита врагомъ.

Точно также въ сороковыхъ годахъ Периклъ занимался полной перестройкой портоваго города Пиреи—сооруженіе которой было довѣрено геніальному архитектору Гипподаму изъ Милета. И тутъ само собой разумѣется при группировкѣ и преслѣдуемой цѣли новыхъ построекъ на новомъ планѣ стояли увеличеніе средствъ противодѣйствія, облегченіе снаряженія флота, доставка провіанта и возможность обороны. Но въ то же время, что дѣйствительно и было выполнено, цѣлесообразность должна была соединиться съ благороднѣйшимъ вкусомъ художественно прекраснаго. И такимъ образомъ Пирей составляетъ переходъ къ третьему разряду стремленій.

Начиная съ перемирія третьей главной цѣлью стремленій Перикла мы признали привлеченіе нравственныхъ симпатій цѣлой Греціи. При этомъ онъ со всей энергіей предался созиданію исконно признаннаго имъ существеннѣйшаго нравственнаго условія для успѣха его основнаго національнаго стремленія и для котораго онъ трудился даже въ самое бурное время, именно: интеллектуальнаго и художественнаго подъема Аѳинъ, какъ предполагаемой будущей столицы всего эллинскаго міра. И въ этомъ, какъ во всей своей дальнѣйшей дѣятельности, онъ нашелъ усерднѣйшаго союзника въ своей второй супругѣ Аспазіи.

13. ПЕРИКЛЪ И АСПАЗІЯ.

По общему признанію замѣчательно скромный образъ жизни, строгость нравовъ и домашнія добродѣтели были отличительными чертами величайшаго государственнаго дѣятеля Аѳинъ въ теченіи всей его жизни. Плутархъ говоритъ, что онъ ходилъ только по двумъ направленіямъ: на площадь и въ совѣтъ—присутственныя мѣста. Неутомимо трудясь на пользу государства, онъ до сорока-лѣтняго возраста былъ не женатъ и внѣ своего дома устранялся отъ всѣхъ удо-

вольствій и развлеченій. Онъ принципіально отказывался отъ приглашеній на пиршества, исходящихъ даже отъ его друзей и родныхъ. Въ теченіи всего продолжительнаго управленія государствомъ онъ единственный разъ сдѣлалъ исключеніе для свадьбы своего двоюрднаго брата Еврилтолема, оставаясь однако тамъ только до начала попойки. Причина заключалась въ томъ, чтобы по возможности избѣжать проявленій разнузданной веселости, отъ которой легко могли пострадать достоинство и значеніе его общественнаго положенія. Въ домашнемъ уединеніи онъ неустанно предавался изученію наукъ и государственныхъ нуждъ, готовился къ государственнымъ дѣламъ и къ своимъ рѣчамъ, или занимался проэктами произведеній искуствъ, назначенныхъ для украшенія Аѳинъ. Онъ отказывался отъ авторской дѣятельности. Какъ кажется, по смерти его, кромѣ проэктовъ законовъ, которые онъ собирался еще настоятельно провести, не нашли ничего письменнаго. Этому нисколько не противорѣчитъ то, что позже вращалось нѣсколько написанныхъ рѣчей Перикла, существовавшихъ еще при Цицеронѣ. Периклъ безъ сомнѣнія изготовлялъ для своихъ рѣчей массу краткихъ письменныхъ черновыхъ проэктовъ, которые легко могли перейти къ посторонним лицамъ и слѣдовательно нѣкоторыя изъ его рѣчей были переписаны или воспроизведены по воспоминаніямъ слушателей. Въ такомъ случаѣ, что весьма трудно допустить, пришлось бы отрицать всякое со-

держаніе въ Перикловскихъ рѣчахъ у Ѳукидида и всякую тѣнь ихъ истины.

Чтобы имѣть полную возможность отдаться всецѣло наукамъ и своимъ великимъ государственнымъ цѣлямъ, Периклъ предоставилъ управленіе своимъ имуществомъ и домашнимъ хозяйствомъ своимъ вѣрнымъ и съ рѣдкой любовью преданнымъ ему слугамъ, преимущественно старому и строгому управляющему Евангелу, съ большой бережливостью завѣдывавшему имѣніемъ своего господина. Для упрощенія управленія, произведенія земель продавались цѣликомъ, а домашнія потребности пріобрѣтались на рынкѣ. По заявленію Плутарха, безкорыстный Периклъ не заботился объ увеличеніи своего состоянія, желая только нерушествомъ не растерять имѣвшагося. Поэтому ежедневный расходъ въ его домѣ былъ строго урегулированъ, не было хвастовни избыткомъ, расходъ согласовался съ приходомъ. Излишекъ употреблялся на то, чтобы втихомолку помочь иному нуждающемуся бѣдняку и преимущественно небогатымъ друзьямъ, подобно Анаксагору. И такимъ образомъ о немъ не могли сказать, что онъ растратилъ или хоть на драхму увеличилъ наслѣдственное состояніе.

Не любя шумныхъ сборищъ, Периклъ однако охотно отдыхалъ отъ своихъ общественныхъ трудовъ въ укромномъ домашнемъ быту, въ кругу семьи, друзей и сотрудниковъ въ дѣлѣ созиданія величія Аѳинъ. Тутъ въ этихъ маленькихъ кружкахъ, получали на-

чало тысячи созидательныхъ идей и плановъ. И при этомъ многозначительной и имѣющей важныя послѣдствія случайностью было то, что высокій умъ Перикла столкнулся съ однороднымъ по полету мысли умомъ Аспазіи и тѣсно соединился съ нимъ для однородныхъ стремленій.

Но до полнаго ихъ соединенія жизнь обоихъ должна была пройти долгими, полными приключеній, извивами. Первое супружество Перикла, къ которому онъ наконецъ позволилъ себя уговорить въ 453 г., было заключено по разсчету съ близкой родственницей изъ фамильныхъ видовъ и безъ сомнѣнія по настоянію родственниковъ обѣихъ сторонъ. Жена его уже была за мужемъ за знаменитымъ евпатридомъ Гиппоникомъ, сыномъ бывшаго много разъ посланникомъ Калліаса, отъ котораго у нея родился сынъ, вызвавшій впослѣдствіи столько толковъ, расточительный Калліасъ. Разведенная съ Гиппоникомъ и выйдя замужъ за Перикла, у нея повидимому въ теченіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ родились два сына: Ксантипъ и затѣмъ Паралъ.

Бракъ однако былъ настолько несчастливъ, что они наконецъ съ обоюднаго согласія были разведены около 449 г. Дѣти остались у отца; дважды разведенная женщина тотчасъ снова вступила въ бракъ съ третьимъ. Периклъ, повидимому только что познакомившійся съ Аспазіей, сошелся съ ней ближе и искренне привязался къ ней. Несмотря на то, что она была чужестранка, онъ весной 445 г., вскорѣ послѣ заключенія перемирія, предложилъ ей свое состояніе и руку. Отъ этого брака на слѣдующій годъ у него родился еще третій сынъ—Периклъ, названный младшимъ.

Уже съ 447 г. въ его домѣ жилъ сирота и питомецъ его Алкивіадъ. Отецъ послѣдняго Клиніасъ погибъ въ битвѣ при Коронеѣ, мать приходилась Периклу двоюродной сестрой и въ силу родства онъ былъ назначенъ опекуномъ сына ея. Слѣдовательно Алкивіадъ вмѣстѣ съ сыновьями Перикла былъ отчасти воспитанъ Аспазіей. Аспазія изъ Милета, дочь Аксіоха, видимо благороднаго происхожденія, прекрасная собой и полная ума была одной изъ замѣчательнѣйшихъ личностей своего пола. Ко всей привлекательности красоты и любезности въ ней присоединялись замѣчательнѣйшія качества умственнаго стремленія высокодаровитыхъ мужчинъ. Воспріимчивая къ ученіямъ философіи и государственной мудрости, воодушевлявшаяся всемъ великимъ, благороднымъ и прекраснымъ она была Сафо мыслящаго ума, женскій цвѣтъ эллинской философіи. Съ своей родины она привезла уже въ Аѳины сокровища іонической философіи и оплодотворила ихъ здѣсь умственнымъ общеніемъ съ аттическими философами и государственными дѣятелями, саморазмышленіемъ и разработываніемъ она дошла до проявленія личной творческой силы. Сократъ, какъ мы ближе разсмотримъ далѣе былъ дѣй-

ствительно въ полномъ смыслѣ ея ученикомъ въ философіи и къ тому же на почвѣ методической доказательности.

Но картина ея жизни многократно искажена была даже грубѣе, чѣмъ картина жизни Перикла. Источниками этихъ отчасти шутливыхъ, отчасти злонамѣренныхъ систематическихъ искаженій были во первыхъ поэты комики, преимущественно Кратинъ, Евполисъ, Гермиппъ и Аристофанъ. Съ другой стороны принципіально исключенные съ ея порога и за это мстившіе ей наговорами развратники. Въ третьихъ политическіе противники Перикла и женскій персоналъ ихъ лагеря, подобно тщеславной и завистливой Эльпиникѣ. И наконецъ враждебно настроенные родственники, какъ Калліасъ, пасынокъ Перикла и Ксантипъ, легкомысленный сынъ его отъ перваго брака признававшій бережливость и строгость отца за скряжничество и за недостатокъ привязанности къ нему и обвинявшій въ томъ мачиху. Едвали найдется что-либо позорящее ее, что не исходило бы изъ этого источника, хотя этимъ сплѣтнямъ рѣдко и даже никогда не придавали значенія въ то время. Самыя рѣзкія клеветы можно приписать тремъ періодамъ и онѣ при ближайшемъ изслѣдованіи лишены всякой нравственной и исторической правдоподобности. Во первыхъ ее обзывали „паллаке“ или „порне“ т. е. конкубиной, но именно только въ насмѣшку, основываясь на томъ, что Аспазія была *иностранка* и поэтому дѣйствительно по аттическому закону, утвержденному самимъ Перикломъ, ея бракъ съ нимъ если не въ нравственномъ, то въ государственномъ отношеніи могъ быть сопоставленъ съ конкубинатомъ. Во вторыхъ о ней говорили, что она устраиваетъ своему супругу „случаи къ сношенію съ свободнорожденными женщинами“. Но это обвиненіе признано судомъ присяжныхъ ложнымъ. Въ третьихъ ее вѣроятно упрекали, что ея служанки, обученныя по обычаю того времени игрѣ на флейтѣ, были нескромныя женщины. Но помимо того, что этотъ доводъ основанъ на вполнѣ подозрительныхъ доказательствахъ, при томъ осмѣлившихся заявиться только послѣ смерти Аспазіи—кто когда либо во всемъ мірѣ признавалъ господъ отвѣтственными за степень нравственности ихъ слугъ!

Напротивъ по даннымъ всей литературы древности выясняется фактъ, что Аспазія ни при жизни ея, ни въ ближайшихъ послѣдующихъ четырехъ столѣтіяхъ никогда не обозначалась „гетерой“. Болѣе того первоначальный текстъ преданія остававшійся въ теченіи этого долгаго времени неизмѣннымъ, слѣдующій: „Аспазія изъ Милета была софистрія, учительницей ораторскаго искуства и позже супругой Перикла“, Только по прошествіи пяти столѣтій, послѣ вѣка Перикла, т. е. въ первомъ столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія легкомысленные и неспособные отнестись критически писатели изъ вышеозначенныхъ трехъ родовъ клеветы современниковъ, пришли къ ни на чемъ

необоснованному заключенію, что: Аспазія должно быть была гетерой, сверхъ того содержательницей барделли и можетъ быть сводной. И немедленно въ грязныхъ сенсаціонныхъ сочиненіяхъ „о гетерахъ“ или „о наслажденіяхъ“ произвольно и лживо стали развивать эту тему, такъ что къ преданію древняго истиннаго текста привили плодотворную вѣтвь лжи.

Хотя древній истинный текстъ преданія сохранялся долго до самаго византійскаго времени, но рядомъ съ нимъ новыя искаженія брали все большій перевѣсъ. Выходило, что на основаніи недоразумѣній, неправильныхъ изложеній и путаницы или изъ стремленія къ скандалу, ложь все прибавлялась. Именно гетеризмъ младшей Аспазіи, конкубины Кира, подалъ поводъ къ удивительнѣйшимъ смѣшиваніямъ той съ Перикловской Аспазіей и въ ущербъ послѣдней.

До чего избытокъ и достовѣрность, сплѣтенныхъ только пять столѣтій спустя клеветъ, способны были обольстить и опутать послѣдующіе умы, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что въ теченіи цѣлыхъ столѣтій и по нынѣшній день, литература всѣхъ націй за немногими исключеніями, придерживалась сочиненнаго понятія о гетеризмѣ Аспазіи. Даже подобный изслѣдователь, какъ Гротъ не задумался назвать ее „кокеткой и безъ обиняковъ причислилъ ее къ „гетерамъ“. Онкенъ допускаетъ даже возможность, что она содержала „общественный гаремъ продажныхъ женщинъ“. И Курціусъ повидимому весьма озабоченный

о вѣрномъ опредѣленіи Аспазіи, не можетъ отказаться отъ того, чтобы по примѣру Плутарха не сравнить ее съ Таргеліей т. е. съ общественной гетерой.

А между тѣмъ, не принимая уже во вниманіе многое другое, намъ неизвѣстенъ ни *единый истинный фактъ*, который могъ бы служить доказательствомъ безнравственности поступковъ Аспазіи. Напротивъ, какъ позже выясняется изъ ближайшаго изслѣдованія, многочисленные факты заставляютъ отчасти предполагать, отчасти прямо удостовѣряютъ нравственность и достоинство ея поведенія.

Уважаемыя и именитыя гражданки, которыя по обычаямъ Аттики, ни въ какомъ случаѣ не смѣли бы переступить порогъ гетеры, супруги значительныхъ дѣятелей нетолько имѣли сношеніе съ ней и ея домомъ, но почерпали въ ея обществѣ удовольствіе, наученіе, добродѣтель и мудрость.

Вела ли женщина жизнь гетеры или нѣтъ, при общеизвѣстной своеобразности жизненнаго строя, было извѣстно каждому въ Аѳинахъ. Въ этомъ отношеніи невозможны были никакое заблужденіе общественнаго мнѣнія, никакой успѣхъ къ лжи. Слѣдовательно, если, несмотря на страсть къ поруганію враговъ Аспазіи, послѣдняя на основаніи этого мѣрила имѣющейся литературы никогда не обозначалась гетерой, то это служитъ доказательствомъ, что это опредѣленіе не примѣнялось къ ней только потому, что она дѣйствительно не была гетерой.

Къ тому же Аспазія упоминается почти постоянно съ прибавленіемъ „дочери Аксіоха", что съ одной стороны доказываетъ ея принадлежность къ знатному роду, а съ другой, что она не принадлежала къ числу гетеръ, такъ какъ прибавленіе имени отца не было принято для женщинъ низшаго круга, а для гетеръ и подавно.

Не какой либо предразсудокъ, но только результатъ нѣсколько разъ повтореннаго и исчерпаннаго изученія источниковъ, привелъ меня къ излагаемому тутъ убѣжденію. Допустивъ даже, что представленіе объ общепринятомъ изображеніи Аспазіи было существенно истинное, такъ и тогда еще оно могло быть, если не совсѣмъ оправдано, то имѣющимъ право на снисхожденіе во имя нравовъ времени и народа; преимущественно культа Афродиты, которому эллины были преданы, какъ бѣдственному учрежденію, равно какъ примѣси восточныхъ понятій, распространившихся изъ Азіи въ Грецію, относительно общественнаго положенія женскаго пола къ мужскому. Но дѣло идетъ не объ оправданіи приписываемаго, не о взвѣшиваніи того, было ли или нѣтъ извѣстное, нравственно допустимо по времени и обстоятельствамъ, но только о достиженіи истины въ вопросѣ, гдѣ правда и гдѣ ложь. И на перекоръ всему въ результатѣ получается то, что общепринятое представленіе преданія всецѣло подложное. Происхожденію этого подлога посвящено ниже отдѣльное разъясненіе. Дѣйствительно

мы не знаемъ навѣрное, что привело Аспазію изъ Милета въ Аѳины, были ли то семейныя обстоятельства или собственное неудержимое побужденіе. Точно также неизвѣстно, переселилась ли она съ отцомъ, съ матерью или съ другими родными, или безъ нихъ. Но нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы отецъ ея Аксіохъ не былъ въ числѣ многихъ тысячъ поселившихся въ Аѳинахъ иностранцевъ или метиковъ и что она не жила тамъ въ родномъ домѣ. Рѣдкое имя Аксіоха играетъ видную роль въ Аѳинахъ и въ родословной записи Алкивіада. Хотя я не рѣшаюсь еще олицетворить въ одномъ лицѣ отца Аспазіи и младшаго сына старшаго Алкивіада, несмотря на то, что онъ по возрасту легко могъ быть ея отцомъ, а по рожденію и правамъ гражданства могъ быть милезійцемъ, такъ какъ во время Клисѳена старшій Алкивіадъ находился въ ссылкѣ, но во всякомъ случаѣ было весьма возможнымъ, что отецъ Аспазіи принадлежалъ къ аѳинскому роду, который во время бывшихъ гражданскихъ войнъ переселился въ Милетъ и въ болѣе спокойное время снова возвратился туда обратно. Если онъ пользовался правомъ гражданства въ Милетѣ, если его мать была милетинка и жена также, то само собой разумѣется, что въ Аѳинахъ по законамъ Перикла онъ былъ лишенный правъ гражданства иностранецъ, равно какъ и его дѣти могли вступать только въ незаконный бракъ съ аѳинянами. Ничто однако не препятствуетъ тому пред-

положенію, что ему самому подобно сыну дочери, Периклу младшему, не было даровано право гражданства. Но равносильно, предприняла ли Аспазія переселеніе въ сопровожденіи своего отца или другихъ родственниковъ, во всякомъ случаѣ ясно, что не чувственность побуждала ее переселиться изъ Милета въ Аѳины, потому что чувственность именно въ то время гораздо больше процвѣтала на покинутой ею родинѣ, гдѣ Таргелія, приписываемый ей образецъ, прошла столь блестящее поприще кокетки. Аѳины могли привлекать только честолюбіе ея ума, побужденіе отторгнувшее іоническаго философа Анаксагора и постоянно загонявшее даровитѣйшіе іоническіе умы на берега Аттики. То подстрекающее сознаніе, что Аѳины были уже въ дѣйствительности фокусомъ исторической и умственной жизни Эллады, подобно тому какъ Сафо привлекали геніи поэзіи, точно такъ Аспазію влекло къ мыслящимъ и испытующимъ умамъ націи. Между Аѳинами и Милетомъ происходилъ особенно оживленный умственный взаимный обмѣнъ. Зародыши аттической философіи были первоначально оплодотворены іонической философіей. Самые выдающіеся представители натуръ-философіи Ѳалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, всѣ по очередно процвѣтали въ Милетѣ. На этихъ образцахъ выработался по преимуществу умъ Анаксагора изъ Клазомены. Около того же времени когда послѣдній покинулъ свою іоническую родину, чтобы софистомъ т. е. учителемъ

мудрости основать новую систему и новую школу, въ Милетѣ родилась Аспазія. Подобно ему она выросла въ ученіяхъ іонической натуръ-философіи, къ которой повидимому влекла ея ранняя наклонность къ мышленію и которая всетаки невполнѣ удовлетворяла ее самостоятельное мудрствованіе. Съ напряженіемъ слѣдила она по всей вѣроятности за развитіемъ новой системы разума, устно проповѣдуемой въ Аѳинахъ ея соотечественникомъ Анаксагоромъ и съ жадностью читала его надѣлавшее много шуму произведеніе „о природѣ“. Извѣстность его и успѣхъ его ученія вѣроятно впервые вызвали въ ней страстное желаніе отправиться въ Аѳины и направила ея воодушевленіе на одинаковую съ нимъ дѣятельность. Ее влекло выступить на ряду съ нимъ софистріей, ~~ученицей~~ учительницей и провозвѣстницей мудрости. Толпы милетянъ ежегодно направлялись въ Аѳины и многіе поселялись навсегда. Около 450 г., когда Аспазіи было отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ, по побужденію Перикла въ Аѳины былъ вызванъ знаменитый соотечественникъ ея архитекторъ и строитель городовъ Гипподомъ, для того чтобы, какъ мы уже видѣли, взять на себя нововозводимыя постройки въ Пиреи. Вскорѣ послѣ того онъ съ своей супругой и еще юнымъ сыномъ Архептолемомъ окончательно покинулъ Милетъ и переселился въ Аѳины. Постройки Пирея производились отъ 448 г. до 444 г. По всей вѣроятности Аспазія была близко знакома съ Гипподамомъ, такъ какъ по-

мимо того, что жизнь обоихъ протекла до тѣхъ поръ въ одномъ и томъ же городѣ, Гипподамъ былъ также ученикомъ іонической натуръ-философіи, тоже былъ софистомъ, основывающимъ свою теорію постройки городовъ на ученіи о мудрости, на своеобразной соціалъ-философской системѣ. Время переселенія Гипподама состоялось около 450—448 г. въ ту самую пору, когда страстное стремленіе Аспазіи отправиться въ Аѳины было выполнено. Вполнѣ вѣроятно, что Аспазія съ отцомъ или одна сообща съ Гипподамомъ и его женой предприняла путешествіе въ Аѳины. Но какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что въ нихъ обоихъ она нашла опору въ Аѳинахъ. Позже чрезъ посредство Гипподама она лично познакомилась съ своимъ клазоменійскимъ соотечественникомъ и тотъ въ свою очередь познакомилъ ее съ своимъ младшимъ ученикомъ Сократомъ и съ старшимъ Перикломъ. Въ 444 г. Аспазіи было отъ 23—27 лѣтъ, Гипподаму 32 года, его женѣ 27 лѣтъ, Анаксагору 52 года, Сократу 20 лѣтъ, Периклу 45 лѣтъ. Всякій, кто встрѣчается съ Аспазіей, былъ очарованъ виртуозностью ея ума или покрайней мѣрѣ былъ увлеченъ имъ. Она неизбѣжно стала душой философскаго кружка всѣхъ „друзей мудрости", въ которомъ участвовали старые и молодые умы, зрѣлые и стремящіеся къ знанію мужчины и женщины. Въ этомъ кругу она основала своеобразный свободный способъ философскаго поученія въ формѣ діалога или

разговора, который и перенялъ отъ нея Сократъ, а отъ него Платонъ съ послѣдователями. Несомнѣнный фактъ, что въ Аѳинахъ Аспазія постоянно вращалась среди корифеевъ науки и власти подобно Анаксагору, Сократу, Периклу и ихъ друзей и кромѣ того нетолько съ одними мужчинами, но и по точному выраженію и съ супругой Гипподама и по всей вѣроятности съ женой аѳинскаго полководца Менита. Предпочтеніе отдавалось этому роду избраннѣйшаго умственнаго общенія и до самой смерти было присуще Аспазіи. Послѣ смерти Перикла ближайшіе ея знакомые были Сократъ и достигшій уже зрѣлаго возраста историкъ Ксенофонтъ и его супруга.

Въ виду подобныхъ фактовъ, кто могъ искать въ ней Лаису или Фрину, или только желать сравнивать ее съ Діаной Пуатье, Ментенонъ или Нинонъ? Скорѣе ее можно сопоставить съ Сталь или Доландъ. Какъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, такъ и въ нравственномъ она стояла неизмѣримо выше знаменитѣйшихъ женщинъ древней Греціи и безспорно выше своей благородной аттической современницы Эльпиники, сестры Кимона. Безспорно, что Аспазія принесла въ Аѳины болѣе свободное обращеніе и болѣе свободный іоническій тонъ. Привыкшая къ правамъ своей родины къ безъискуственному обращенію обоихъ половъ въ обществѣ и въ Аѳинахъ, въ противоположность болѣе строгимъ аѳинскимъ обычаямъ, требовавшимъ, чтобъ женщина возможно болѣе устранялась

отъ общества мужчинъ, она не стѣснялась открыто и свободно вращаться среди нихъ. Но, какъ уже замѣчено, нигдѣ въ ея поступкахъ не встрѣчается и признака стремленія къ безнравственности, чувственнымъ удовольствіямъ. Болѣе того, по свидѣтельству безпристрастныхъ и непреложныхъ источниковъ у философовъ и у государственныхъ дѣятелей, у поэтовъ и художниковъ, бесѣда съ ней возбуждала умственные импульсы, идеи; утонченность, остроуміе и вкусъ придавали пикантность ея бесѣдѣ. По описаніямъ Сократа и его друга и ученика Эхинея она именно отличалась: сильнымъ умомъ, глубокимъ знаніемъ общественныхъ дѣлъ, тонкимъ политическимъ тактомъ, быстрой сообразительности и необыкновенной вѣрностью сужденія. Сократъ обязанъ ей преимущественно тѣмъ, что сталъ великимъ философомъ, какъ мы его почитаемъ и по нынѣ. Фактъ этотъ подтверждается множествомъ свидѣтельствъ.

Самъ Платонъ называетъ ее своей наставницей и прибавляетъ, что онъ подобно Периклу и многимъ другимъ обязанъ ей возбужденіемъ въ немъ умственной дѣятельности и къ тому же развитіемъ ораторскаго искуства; тѣмъ болѣе что, такъ называемый сократовскій методъ философствованія, былъ собственно всегда примѣняемымъ методомъ Аспазіи, который многими годами моложе ея Сократъ заимствовалъ именно у нея. Само собой разумѣется, что Сократъ, познакомившись съ Аспазіей, когда ему было девятнадцать лѣтъ, не былъ еще женатъ,—его бракъ съ Ксантипой состоялся только нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя. Умный и полный жизни юноша повидимому отдалъ очаровательной философствующей милетинкѣ не только восторгъ, но и сердечную привязанность и потому вполнѣ можно вѣрить, когда Гермезіанакъ, жившій послѣ 350 г. до Р. Х., въ третьей книгѣ своихъ элегій говоритъ: „какой огонь зажгла гнѣвная Киприда въ мудромъ Сократѣ! Каждый разъ, идя для поученія въ домъ Аспазіи, Сократъ изъ глубины души изгонялъ мелкія заботы и безконечно углублялся въ перипитіи бесѣды“. Но ихъ сношенія не омрачились и тѣнью непристойнаго, одно только злоязычіе осмѣлилось подозрѣвать и искажать ихъ. Отношенія эти были именно чистѣйшая духовная связь, или, какъ позже можно выразиться, союзъ платонической любви. Въ бесѣдѣ съ Аспазіей Сократъ искалъ и находилъ высшее наслажденіе, она придавала всей его жизни и стремленіямъ мѣрило, направленіе и цѣль. Фактически же она вліяла на него, какъ на ученика и потому онъ вполнѣ сердечно и съ полнымъ правомъ могъ называть ее своей наставницей, которой онъ стремился подражать въ проницательности ума и въ оборотливости рѣчи, въ примѣненіи діалектическаго метода и въ вполнѣ искусномъ владѣніи діалогомъ. Слѣдовательно ей онъ безспорно былъ обязанъ если не всемъ, то наибольшимъ. Она дѣйствительно помогала ему стать тѣмъ, чѣмъ былъ. И за это на устахъ и

въ сердцѣ онъ всегда сохранялъ благодарность къ ней. Безспорно то, что когда нѣсколько лѣтъ спустя въ 445 г. Аспазія стала супругой Перикла, все существо Сократа затуманилось. Не смотря па то, что при его юности и положеніи, ему едва-ли приходило на умъ стать супругомъ Аспазіи, но у него должно было проявиться ощущеніе, что якобы у него отняли право на владѣніе; и хотя онъ не въ силахъ былъ устоять, чтобы не продолжать сношеній съ Аспазіей и по возможности часто посѣщать собранія въ домѣ Перикла, но отъ послѣдняго его отталкивало чувство отчужденности, въ которомъ видимо проглядывала горькая смѣсь зависти и ревности. Поэтому то въ его сужденіи и выраженіяхъ столько жесткаго, насмѣшливаго и ироническаго, сколько весьма возможно не присуще было его характеру.

Вслѣдствіе этого отчасти отъ него и чрезъ него у всей его школы наперекоръ всякаго признанія великаго значенія Перикла выросло поразительное отвращеніе къ государственнымъ дѣятелямъ и ораторству. Послѣднее представлялось ему почти однозначущимъ съ все болѣе вырождающейся софистикой и потому столь же опасныхъ для развитія государства, какъ софистика для развитія философіи. Къ тому же замужество Аспазіи повліяло на него и другимъ образомъ, оно невольно продлило его холостую жизнь и было причиной насмѣшливо-тупой покорности, съ которой онъ впослѣдствіи относился, какъ къ бремени,

къ своему супружеству. О философскомъ методѣ Аспазіи сохранился одинъ интересный образчикъ несомнѣнно доказывающій сходство ея метода съ послѣдующимъ сократовскимъ и слѣдовательно ставитъ вопросъ о первенствѣ внѣ сомнѣнія.

Методъ основывается на почвѣ доказательствъ посредствомъ аналогіи и индукціи. По запискамъ Эхинея, Сократъ самъ разсказываетъ, какъ однажды Аспазія бесѣдовала съ супругой Ксенофонта и съ самимъ Ксенофонтомъ слѣдующимъ образомъ: „Скажи мнѣ жена Ксенофонта“, обратилась къ ней Аспазія „если твоя сосѣдка имѣетъ лучшее золото чѣмъ ты, которое ты желала бы имѣть, ея или свое?“ „Ея“, отвѣчала та...—„А если она владѣетъ платьемъ и другими женскими украшеніями большей цѣнности, чѣмъ твои, желала бы ты имѣть ея или свои“?—„Конечно ея“, отвѣчала та.—„Ну“, продолжала Аспазія,—„если она имѣетъ лучшаго мужа, чѣмъ ты, желала ли бы ты имѣть своего мужа или ея“?—Тутъ женщина покраснѣла. Тогда Аспазія обратилась съ разговоромъ къ самому Ксенофонту: „Скажи, пожалуйста, если у твоего сосѣда имѣется лучшая лошадь, чѣмъ у тебя, которую лошадь ты желалъ бы лучше имѣть“?—„Его“, отвѣчалъ онъ.—„А если его участокъ земли лучше твоего, который изъ двухъ участковъ ты желалъ бы лучше имѣть“?—„Конечно лучшій“—возразилъ онъ.—„А если онъ имѣетъ жену лучше твоей, которая изъ обѣихъ была бы для тебя пріятнѣе“?—

Тутъ и Ксенофонъ остановился и молчалъ. Тогда Аспазія обратилась къ обоимъ: „такъ какъ каждый изъ васъ не отвѣчалъ мнѣ именно только на то, на что собственно я желала отвѣта, то я скажу вамъ, что вы думаете оба: ты жена, желаешь наилучшаго мужа, а ты, Ксенофонъ, желаешь обладать избраннѣйшей изъ женщинъ. Слѣдовательно, если вы не можете придти къ заключенію, что на свѣтѣ нѣтъ наилучшаго мужа и избраннѣйшей жены, то однако навѣрное вы признаете предпочтительнѣе себѣ быть супругомъ возможно лучшей женщины, а ей принадлежать возможно лучшему супругу". Подобной формой разговора, прибавляетъ къ своему переводу Цицеронъ, часто пользовался и Сократъ. Что касается критика Квинтиліона по поводу этого разговора, то она была бы здѣсь неумѣстна и не затрогиваетъ сути нашей рѣчи. Впрочемъ онъ точно также называетъ методъ Аспазіи „сократовскимъ". И въ другихъ сообщеніяхъ мы узнаемъ, что относительно брака Аспазія имѣла и выражала прекрасныя понятія. Она охотно распространялась о томъ, какъ устраиваются и разстраиваются браки, какимъ способомъ женщина можетъ быть воспитана доброй женой, матерью и хозяйкой, какъ супружеское счастье зависитъ отъ того, насколько мужчина съумѣетъ поднять ее до уровня своего развитія", и многое въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ въ „достопримѣчательностяхъ" Сократа Ксенофонъ говоритъ: когда Критобулъ обратился къ Сократу, прося подыскать ему друзей и слѣдовательно отозваться о немъ съ лучшей стороны, послѣдній отвѣчалъ: когда то Аспазія говорила мнѣ, что свахи отлично способствуютъ устройству удачныхъ браковъ, если въ своихъ похвалахъ они не далеко отступаютъ отъ истины, лишь только онѣ преувеличивали или лгали, то своей ложью причиняли только несчастіе, вслѣдствіе чего оба обманутыхъ супруга начинали ненавидѣть другъ друга и виновницу ихъ брака". При этомъ Сократъ прибавилъ: „я раздѣляю съ ней это убѣжденіе и думаю потому, Критобулъ, что также не имѣю ничего сказать, въ твою похвалу, что не было бы согласно съ истиной".

Въ сочиненіи Ксенофона о домашнемъ хозяйствѣ Критобулъ и Сократъ обсуждаютъ вопросъ, насколько домохозяйка способствуетъ процвѣтанію или упадку домашняго хозяйства, въ какой мѣрѣ оно зависитъ отъ поведенія и наставленія самаго мужчины и какимъ образомъ молодая неопытная мало видавшая и слышавшая женщина должна быть воспитана хорошей хозяйкой самимъ мужемъ. Сократъ приводитъ массу замѣчаній на этотъ предметъ и доказываетъ, что женщина: „если она дѣльная хозяйка, способствуетъ домашнему счастью столько же, какъ и мужчина. И при этомъ настоятельно указывалъ на разговоръ съ Аспазіей, которая „гораздо лучше его умѣетъ говорить обо всемъ этомъ".

Намъ неизвѣстно, когда и какъ Периклъ позна-

комился съ Аспазіей, но насколько велика была его привязанность къ ней, можно уже видѣть изъ того, что онъ вѣроятно послѣ тяжкой борьбы все-таки не стѣснился жениться на чужестранкѣ, тѣмъ болѣе, что для этого шага ему пришлось преодолѣть много личныхъ и посторонныхъ предразсудковъ. Прежде всего онъ пошелъ наперекоръ личнаго гордаго предразсудка о значеніи полнаго права гражданства, изъ котораго вытекалъ его глубоко уязвляющій и нарушающій многочисленные интересы законъ о правахъ гражданства. Затѣмъ онъ долженъ былъ бороться съ предразсудкомъ всѣхъ аѳинскихъ матронъ, не признававшихъ брака съ иностранкой и тѣмъ болѣе іониненкой. Кромѣ того онъ долженъ былъ порвать связь съ своимъ твореніемъ, съ тѣмъ строгимъ закономъ о правѣ гражданства, въ силѣ котораго онъ самъ былъ виновникомъ, что въ настоящее время законное дѣйствіе послѣдняго ставило его бракъ съ Аспазіей на степень конкубината, а всякаго потомка отъ этого брака приравнивалъ къ бостарду. Впрочемъ если съ точки зрѣнія аттическихъ матронъ, іонійскихъ женщинъ упрекали въ излишней свободѣ обращенія относительно мужчинъ, то во всякомъ случаѣ бракъ, заключенный послѣ близкаго знакомства обѣихъ сторонъ и воспослѣдовавшая затѣмъ сердечная привязанность, равно какъ и основанный на свободномъ выборѣ, былъ предпочтителенъ бракамъ по разсчету, которые заключались въ Аѳинахъ съ общаго совѣта дядюшекъ и тетушекъ безъ того, чтобы обѣ стороны знали другъ друга ближе, не говоря уже о любви ихъ другъ къ другу,—поэтому и имѣлся такой избытокъ несчастныхъ супружествъ въ Аѳинахъ.

Периклъ жилъ съ Аспазіей въ неизмѣнно счастливомъ супружествѣ, ихъ взаимныя отношенія одухотворялись искренней и неизмѣнно равной нѣжностью. Говорятъ онъ никогда не выходилъ изъ дому и не возвращался безъ того, чтобы не привѣтствовать ее поцѣлуемъ. Потому то домъ его былъ и оставался для него укромнымъ уголкомъ, который онъ предпочиталъ всѣмъ играмъ и всѣмъ собраніямъ внѣ его. На него самого, на его политику, всенародныя рѣчи, художественные идеалы и планы, Аспазія имѣла хотя и не преобладающее, но значительное образовательное вліяніе, во всемъ она была его совѣтницей.

По неизсѣкаемому богатству своего ума, своихъ познаній и талантовъ она оставалась постоянно душой небольшаго остроумнаго кружка, соединявшаго въ ту пору избранныхъ аттическаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ она раздѣляла съ Перикломъ всюду распространяющееся значеніе, придаваемое ему всемогуществомъ его политическаго положенія. Не мудрено, что въ силу всѣхъ этихъ причинъ она привлекала на себя взоры, полные зависти, что на нее глядѣли съ недоброжелательствомъ и безмѣрно о ней злословили. Она, которую лучшіе воспѣвали за нравственную мудрость, какъ возвышенную краснорѣчивую мыслитель-

ницу, съ другой стороны озлобленными противниками или легкомысленными злоязычниками признавалась конкубиной.

Не мудрено, что именно поэты комедій воспользовались этимъ матеріаломъ, думая возбудить интересъ публики тѣмъ, что позволяли себѣ двусмысленные намеки и выходки относительно Аспазіи. Они походили на авторовъ нынѣшнихъ шутокъ и на юмористическія каррикатурныя изданія, привиллегированныхъ насмѣшниковъ и умниковъ, какъ бы избранныхъ изображать боговъ и людей въ смѣшномъ образѣ. Тѣ, которые неустанно выставляли на посмѣяніе Сократа и Перикла, не могли стѣсняться изображать Аспазію въ каррикатурѣ. Къ тому же имъ было извѣстно, что каждая попадавшая въ Аспазію стрѣла одинаково уязвляла ея супруга и слѣдовательно уже поэтому одному давала возможность и поводъ торжествовать врагамъ его.

Нечего было бы даже удивляться и тому, что въ ту пору уже отношенія Сократа къ Аспазіи злостно выставляли безнравственной интригой или же старались инсинуировать въ томъ смыслѣ, якобы она давала ему уроки въ искуствѣ любить и внушать любовь. Но и это толкованіе появляется въ литературѣ только нѣсколько вѣковъ спустя и именно на основаніи наглядно ложнаго, приписываемаго ей грязнаго стихотворенія.

Несмотря на свое могущество Периклъ не въ

силахъ былъ защищать, какъ себя и своихъ друзей, такъ равно и свою жену, отъ частныхъ поруганій или своевольной клеветы писателей комедій. Въ то время слово и письмо были вполнѣ свободны въ Аѳинахъ, иронизирующія остроты даже въ томъ случаѣ, когда онѣ переходили на почву злобной ругани, считались настолько малозаслуживающими осужденія и признавались неизмѣнными и какъ бы само собой разумѣющимся принципомъ, что насмѣшка надъ извѣстными лицами допустима даже на сценѣ и съ обозначеніемъ ихъ именъ. Едва-ли существовалъ признающій этотъ принципъ законъ, но уже достаточно было укоренившагося обычая, чтобы онъ казался неприкосновеннымъ.

Итакъ Периклъ принужденъ былъ спокойно допускать, что комики изображали его „величайшимъ тираномъ", что по поводу длинной формы его головы они осмѣивали его, какъ „голову морской луковицы", какъ „сборникъ головъ" и „матеромъ головъ", какъ „Зевса защитника и покровителя иностранцевъ" и какъ „тирана, которому вручено могущество, миръ, достояніе и счастье всѣхъ" и который среди неотложныхъ дѣлъ сидитъ и изъ своихъ одинадцати спящихъ головъ производитъ только шумную сумятицу",

Точно также онъ долженъ былъ мириться и выносить, что они, опираясь на юридическую несостоятельность его брака, глумились надъ его сыномъ Перикломъ, какъ надъ бостардомъ, и что Аспазія не-

только сравнивалась ими съ Герой, Омфалой-Эленой и Деянирой, но просто осмѣивалась конкубиной. И на этомъ еще неостанавливались.

Безспорно, что Периклъ былъ преисполненъ строгихъ нравственныхъ принциповъ. Когда онъ въ 440 г. вмѣстѣ съ поэтомъ Софокломъ, тогда впервые избранный полководцемъ, отправился въ морское плаваніе и Софоклъ восхвалялъ красоту присутствовавшаго мальчика—тогда порицая его, онъ высказалъ слѣдующее: „полководецъ обязанъ содержать въ чистотѣ нетолько руки, но и глаза“. А между тѣмъ самъ Периклъ съ 446 г., даже весьма возможно, что съ 454 г. непрерывно состоялъ на посту полководца. Присущая ему глубокая серьезность отвращалась отъ фривольныхъ разговоровъ, почему онъ такъ охотно и принципіально избѣгалъ пиршествъ съ ихъ обычной распущенностью. Вездѣ и всюду онъ преимущественно соблюдалъ нравственное приличіе самъ и требовалъ, чтобы и другіе придерживались того же. По своей природѣ онъ не могъ любить и жениться на дурной женщинѣ, на гетерѣ. Современники, въ противоположность многимъ другимъ, никогда не обвиняли его въ противоестественныхъ побужденіяхъ и въ любви къ гетерамъ. Они старались добраться до него другимъ способомъ: ему приписывали обольщеніе свободно рожденныхъ женщинъ. Передъ судилищемъ, падкимъ на понопеніе зависти, безсовѣстной ненависти и предъ любящей сплѣтни и легковѣрной глупостью,

ничто не свято. Ихъ не заставляютъ молчать и не удерживаютъ ни выводы критики, ни признаніе судовъ. И въ тѣ времена противники старались превзойти другъ друга, чтобы выставить Перикла и всѣхъ близкихъ ему подозрительными и принизить его. Вмѣсто того, чтобы съ теченіемъ времени исчезнуть клеветамъ, онѣ напротивъ все болѣе разростались. Тогда острили, то надъ Аспазіей, то надъ тѣмъ, что Фидій съ своей постройкой сводитъ Перикла съ благородными женщинами. Послѣднему приписывали будто онъ былъ въ связи съ женой своего друга полководца Менипа; а еще ранѣе съ сестрой Кимона Эльпиникой, что будто даже на немъ лежалъ грѣхъ кровосмѣшенія относительно жены его сына Ксантипоса—обвиненіе которое, если оно не исходитъ отъ Стезимброта или Тазоса, то по крайней мѣрѣ распространено имъ позднѣе. Такимъ то способомъ шесть столѣтій спустя могло составиться нелѣпое удостовѣреніе Атенея, что Периклъ „всецѣло преданъ былъ любовнымъ похожденіямъ“. Древнее истинное преданіе, представителями котораго были Антисѳенъ и Эхиней говоритъ только о любви его къ Аспазіи, объ искренности и неизмѣнной продолжительности этой привязанности до конца дней его.

Впрочемъ всѣ тѣ низкія словоизверженія достаточно уже осуждены Плутархомъ, хотя онъ самъ увлекался по временамъ не подлежащими критикѣ предположеніями, онъ называлъ ихъ желанными выдум-

ками для комиковъ, сквернословящихъ затѣмъ на эту тему“, намекая на источникъ Перимамна, которому какъ повѣренному Перикла приписывали: что онъ посылаетъ павлиновъ женщинамъ, пользующимся расположеніемъ его. „Но“, говоритъ Плутархъ, — „что можетъ удивлять насъ въ людяхъ, принадлежащихъ къ цеху насмѣшниковъ и въ роли злостныхъ противъ лучшихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ жертвоприносящихъ завистливому плебсу, своимъ злоязычіемъ: если даже Стезинбротъ не стѣснился выставить басню о кровосмѣшеніи Перикла съ его невѣсткой? Такимъ образомъ изслѣдователю весьма затруднительно добраться вездѣ до истины. Для потомства: факты заслонены временемъ, такъ какъ современная исторія происшествій искажала истину въ силу зависти, ненависти, партійности или мести“.

14. Запрещеніе личнаго осмѣянія въ комедіяхъ.

Могутъ спросить, какимъ образомъ на сценѣ могли быть терпимы безмѣрныя поношенія, распространяемыя при жизни Перикла Кратиномъ, Телеклендомъ и Гермитіомъ, потому что Евполитъ выступилъ только въ послѣднемъ году его жизни противъ могущественѣйшихъ и значительнѣйшихъ лицъ. Умѣли же и въ ту пору другіе писатели комедій, какъ Кратъ и Ферекратъ, сами ставить себѣ мѣрило и воздерживаться отъ злобной насмѣшки надъ извѣстными лицами. Если, какъ мы видѣли, подобный способъ насмѣшки надъ личностью покоился на обычаѣ, на фактическомъ примѣненіи, тогда почему же вседержавный народъ, столь ревностно охранявшій свою честь и не допускавшій ни малѣйшаго нарушенія ея, „самъ не положилъ предѣлъ этимъ нарушеніямъ, будь то постановленіями или выраженіемъ неодобренія“? Предполагать у народа подобное настроеніе, значило бы незнать характера народа. Въ цѣломъ онъ все-таки былъ легкомысленъ по природѣ, ему всегда было въ пору потѣшаться на счетъ другаго, да къ тому же онъ положительно требовалъ подобнаго развлеченія, хотя не имѣлъ и не получалъ вражды противъ осмѣиваемыхъ лицъ. И потому тѣ насмѣшки пользовались ярымъ одобреніемъ и славой, между тѣмъ какъ тѣ, которые не издѣвались подобно Кратину и Ферекрату, оставались въ тѣни нейтралитета.

„Надсмѣиваться и надругаться надъ народомъ въ комедіяхъ“, по увѣренію одного свидѣтельства того времени, аѳиняне не допускали, но если кто желалъ надругаться надъ единичнымъ гражданиномъ, то это они разрѣшали въ виду того, что осмѣиваемый, по большей части, не принадлежалъ собственно къ народу и къ большинству, но былъ богачъ, знатный или могущественный. Изъ класса бѣдняковъ только немногіе осмѣиваются въ комедіяхъ и тѣ только за ихъ чванство или за стремленіе быть или стать выше другихъ изъ народа, такъ что и въ этомъ случаѣ, когда насмѣшкѣ подвергались подобные люди, они

также не сердились". Слѣдовательно, если народъ не былъ подходящимъ стимуломъ, способнымъ противостать клеветамъ со сцены, почему же самъ Периклъ, сознавая свою правоту, равно какъ и чистоту Аспазіи и своихъ друзей и какъ естественный ихъ защитникъ, не положилъ предѣла слишкомъ смѣлому отношенію къ нимъ?

Признавать это возможнымъ, значило бы познать истиннаго характера лицъ, относительно безусловной свободы слова, даже если оно примѣнялось къ брани, тогдашнія Аѳины стояли на той же ступени, какъ нынѣшняя республика Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. И подобно тому, какъ многіе президенты послѣдней, не смотря на благороднѣйшій характеръ, подвергались безстыднымъ клеветамъ и ругательствамъ, разсчитывая на справедливость исторіи не предпринимали ничего для своей защиты, точно также и Периклъ никогда ни на минуту не подумалъ бороться противъ поруганія и клеветы инымъ оружіемъ, какъ только презрѣніемъ, по праву ожидая, что потомство не станетъ мѣрить и окрашивать его и образы близкихъ ему по насмѣшкамъ въ комедіяхъ.

Помимо того затрудненіе провести границу между свободой и безстыдствомъ слова казалось налагало обязанность лучше уже мириться съ нахальствомъ изъ уваженія къ свободѣ, дабы не подавать малѣйшаго повода къ нарушенію и умаленію ея. Подобно тому, какъ самъ Периклъ отличался предъ народомъ прямодушіемъ, точно также онъ допускалъ не стѣсняться и съ нимъ, когда дѣло шло о его личности и положеніи, даже въ такомъ случаѣ, когда свободное слово переходило завсегда соблюдаемыя имъ границы приличія и истины; и трудно сказать, что болѣе приличествовало ему, его-ли прямодушіе или спокойное отношеніе къ нахальству другихъ. Именно въ то время, когда Периклъ былъ на высшей степени своего могущества и могъ всего достигнуть, сдѣлано было большое усиліе, чтобы разъ навсегда запретить насмѣшки въ комедіяхъ и этимъ подавить свободу комедіи. Но эта попытка исходила не отъ него, но съ совершенно другой стороны, именно со стороны религіозной реакціи или ортодоксальной партіи жрецовъ; и она съ намѣреніемъ была сдѣлана именно въ отсутствіе Перикла, во время самосскаго похода въ 440 г., потому что, будь Периклъ на лицо, онъ настолько же не позволилъ бы затрогивать свободу комедіи, насколько самъ оберегалъ ея неприкосновенность.

Имѣющаяся партія ортодоксальныхъ жрецовъ, ихъ дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и происшествія, уже упомянутыя нами и которыя мы впредь приведемъ, къ несчастію вполнѣ игнорированы даже такими историками, какъ Гротъ. Эту область ясно освѣтилъ филологъ Теодоръ Беркъ.

Религіозное просвѣщеніе въ кругахъ Анаксагора и Перикла постепенно все болѣе распространялось въ образованныхъ кругахъ аѳинскаго народа. Именно

поэтому и комедія овладѣла имъ, чтобы ироніей надъ устарѣлой ортодоксальностью смѣшить и потѣшать просвѣщенную часть публики. Правовѣрная партія жрецовъ, признающая своимъ правомъ противодѣйствовать просвѣщенію и вѣрованію разума, возмущалась этимъ отношеніемъ комедіи и рѣшилась бороться противъ нея. Во главѣ ея стояли два уважаемыхъ жреца и предвѣщателя: Лампонъ и Діопеисъ.

Предлогомъ послужили два новыхъ, рѣзкихъ нападеній сочинителя комедій Кратина; въ своихъ „Өракіанкахъ“ онъ глумился надъ суевѣріемъ жрецовъ, а въ своихъ „Драпетидахъ“ надъ самимъ жрецомъ Лампономъ. Тогда мѣра переполнилась; по настоянію обѣихъ главъ партіи Антимоха, народной общинѣ было предложено уничтоженіе доселѣ признаннаго принципа, т. е. требовали запрещенія личнаго осмѣянія въ комедіи. Такъ какъ приверженцы ортодоксальной партіи жрецовъ проникли далеко, какъ въ принципіально консервативный кругъ, равно какъ и въ невѣжественную суевѣрную народную массу, то этому шагу посчастливилось и запрещеніе относительно комедіи было постановлено, потому что, хотя ортодоксальная часть народонаселенія одинаково съ просвѣщенными желала потѣшаться политическими насмѣшками, въ религіозномъ отношеніи она слѣдовала вліянію и лозунгу жрецовъ. Въ первый разъ слѣдовательно религіозная реакція смѣло подняла голову и тотчасъ одержала побѣду. Съ этимъ, должно замѣтить,

началась та линія развитія, которая истекая изъ ортодоксальной нетерпимости, позже привела къ паденію Анаксагора и другихъ философовъ и достойнымъ сожалѣнія плодомъ которой оказался смертный приговоръ Сократа.

Возвратясь въ 439 г. изъ своего похода, Периклъ не расположенъ былъ признавать эти событія, но рѣшился возвратить свободу комедіи и вмѣстѣ уничтожить побѣду партіи жрецовъ. Но онъ съ большой осторожностью подготовлялъ къ своимъ воззрѣніямъ настроеніе народа. Только въ 437 г. онъ открыто выступилъ противъ запрещенія насмѣшекъ въ комедіи и дѣйствительно ему удалось достигнуть желаемаго. Важнѣйшимъ политическимъ послѣдствіемъ этого было возрастающее разъединеніе между нимъ и ортодоксальной партіей жрецовъ. Но столько же достопримѣчательно было другое послѣдствіе, уничтоживъ въ недалекомъ времени всѣ преграды для комедій, онъ тѣмъ именно сдѣлалъ возможнымъ блестящее проявленіе Аристофана и вмѣстѣ легкомысленную иронію послѣдняго надъ собой и Аспазіей. Вышеозначенное указываетъ на положительно высокій образъ мысли самого Перикла, что онъ въ интересахъ безграничной свободы и умственной культуры вновь раскрылъ врата для насмѣшки, изліянія которой, по необходимости, болѣе всего изливались на немъ, какъ на самой выдающейся личности Аөинъ. Но Периклъ не обращалъ на то вниманія. Отъ нападокъ ораторской и

комической свободы, онъ находилъ вознагражденіе въ непоколебимомъ уваженіи тѣснаго кружка всѣхъ лучшихъ своихъ друзей, въ кругу общества своего дома и преимущественно въ своей неустанной, усиленной и благодатной дѣятельности. И вотъ мы послѣдуемъ за нимъ въ тѣсные кружки его ближайшихъ знакомыхъ и въ обширную его дѣятельность.

15. Общественный кругъ Перикла и Аспазіи.

Остроумные кружки, группировавшіеся вокругъ Перикла и Аспазіи и фокусомъ которыхъ были собственно они, преслѣдовали въ своихъ бесѣдахъ преимущественно три главныхъ высокихъ цѣли или, лучше сказать, эти цѣли преобладали въ разговорахъ, служили предметомъ и содержаніемъ ихъ. То были: во первыхъ облагороженіе демократіи въ политической жизни, затѣмъ очищеніе посредствомъ философіи, религіознаго и наконецъ эстетическо-литературное и художественное образованіе. Къ тѣснѣйшему кругу друзей принадлежали преимущественно философы— Анаксагоръ, Зенонъ, Протагоръ и Сократъ.

Съ своимъ учителемъ Анаксагоромъ, Периклъ неизмѣнно былъ искренно друженъ. Повидимому онъ сходился съ нимъ чаще, чѣмъ съ кѣмъ либо, съ нимъ онъ совѣтывался обо всемъ и даже о государственныхъ дѣлахъ. Взамѣнъ того Периклъ помогалъ ему во всѣхъ матеріальныхъ нуждахъ, потому что Анаксагоръ, хотя и принадлежалъ къ знатному и бога-

тому роду, бросилъ домъ и имущество для того, чтобы, не заботясь о земныхъ благахъ, жить только для воодушевляющаго его побужденія къ изслѣдованіямъ. Периклъ былъ обязанъ ему своимъ направленіемъ. Философія Анаксагора проникла въ его плоть, теорію его онъ примѣнялъ на практикѣ. Подобно тому, какъ Анаксагоръ своимъ ученіемъ называлъ разумъ, духъ созидателемъ космоса, основой всякой истины и всего прекраснаго, точно также Периклъ поставилъ себѣ нѣкоторымъ образомъ въ обязанность стать духовнымъ устроителемъ политическаго космоса, аттическаго государства и возрости до основателя всего высокаго и прекраснаго въ эллинскомъ мірѣ. По всей вѣроятности, онъ не лишенъ былъ гордаго самосознанія, что всѣ его цѣли были вполнѣ безкорыстнаго, нравственнаго и эстетическаго свойства, не эгоистичны и благородны. Что въ смыслѣ религіознаго просвѣщенія Анаксагоръ сильно вліялъ на Перикла, что онъ остерегъ его отъ многихъ суевѣрій того времени, фактъ несомнѣнный. Мнѣнія, которыя въ этомъ отношеніи отстаивалъ Анаксагоръ и въ силу которыхъ онъ возбуждалъ неудовольствіе ортодоксальной партіи жрецовъ и за которыя, какъ мы увидимъ далѣе, былъ преслѣдуемъ до самой смерти, близко сходны были съ тѣми мнѣніями, за отстаиваніе которыхъ потомъ точно также страдалъ Гамигей и за которыя Кеплеръ и Коперникъ подвергались гоненію духовенства. Подобно своему ученику, Анаксагоръ былъ всегда серьезенъ.

„Никогда“, значится у Эліана, „не видали, чтобы онъ смѣялся или даже улыбнулся“.

О бывшемъ сношеніи Перикла съ элеатскимъ философомъ Зенономъ мы уже говорили. Этому мастеру въ діалектикѣ онъ обязанъ былъ тѣмъ искуствомъ, которымъ столь безповоротно былъ побѣжденъ Перикломъ противникъ его Ѳукидидъ старшій. Близкія отношенія съ Зенономъ продолжались вѣроятно и далѣе — это между прочимъ подтверждаетъ фактъ, что послѣдній всегда усерднѣйшимъ образомъ принималъ сторону перваго. Если манера держать себя съ достоинствомъ и глубокая серьезность осуждались въ Периклѣ, какъ жеманство и надменность, то Зенонъ предлагалъ, чтобы и порицатели въ свою очередь жеманились подобнымъ же образомъ, такъ какъ уже внѣшній видъ благороднаго человѣка незамѣтно внушаетъ любовь и хорошую привычку. О личныхъ отношеніяхъ Перикла съ Протогоромъ, которому при заключеніи перемирія едвали примѣрно было 35 лѣтъ, доказано намъ различнымъ образомъ. Оба охотно и съ оживленіемъ спорили о философскихъ вопросахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ близость распространялась и на семейныя дѣла и заботы; судя по Платону, Протогоръ былъ также назначенъ Перикломъ учителемъ его двухъ старшихъ сыновей. Дальнѣйшей связью между ними была искренняя дружба перваго съ сверстникомъ его Эврипидомъ. Многимъ не нравился методъ диспута Протогора, потому что онъ слишкомъ увлекается кажущимися вѣроятіями и тѣмъ способствовалъ вырожденію софистики. Но его ученіе по самой сути своей вращалось въ томъ же образѣ мышленія, какъ и у Анаксагора. Онъ также не признавалъ въ ортодоксальномъ, божественномъ вѣрованіи факта соотвѣтствующаго философскому мышленію. И по всей вѣроятности онъ уже въ ту пору въ общественныхъ бесѣдахъ открыто высказывалъ сомнѣнія въ существованіи греческихъ боговъ, что впослѣдствіи повредило ему, когда онъ обстоятельнѣе изложилъ имъ въ отдѣльномъ сочиненіи. Протогору принадлежитъ истинно глубокомысленныя изрѣченія, какъ напр. мудрое изрѣченіе: „человѣкъ есть мѣрило всего“, такъ не мудро осмѣянное позже Платономъ, что желательно бы было усумниться въ авторѣ Теэтета. Если въ 443 г. Протогору было поручено разработать основные законы для новой колоніи Ѳуріи, то это могло только произойти по настоянію Перикла и тѣмъ снова доказывало бы близкое отношеніе къ нему, равно какъ и его участіе въ основаніи самой Ѳуріи.

Въ то время, когда было заключено перемиріе, Сократъ достигъ 23-лѣтняго возраста, слѣдовательно перваго разцвѣта возмужалости. Съ тѣхъ поръ, и безъ сомнѣнія неизмѣнно, онъ какъ гражданинъ поддерживалъ своимъ голосомъ въ народныхъ собраніяхъ политику Перикла, но образъ его мыслей и ощущеній вызывался, какъ намъ не требуется больше разъяснять, не столько сдержаннымъ Перикломъ, сколько

живымъ и привѣтливымъ обращеніемъ Аспазіи. Безъ сомнѣнія онъ былъ усердный посѣтитель ихъ дома. Его изображаютъ однимъ изъ любезнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ собесѣдниковъ. Преисполненный милыхъ шутокъ онъ въ то же время то и дѣло приправлялъ разговоръ своей постепенно все развивающейся болѣе чѣмъ горькой иронiей. Въ силу ея онъ представлялъ интересную противоположность Периклу, который, съ своей стороны, безъ малѣйшаго поползновенія къ юмору сохранялъ однако въ дружескомъ кругу именно серьезностью своихъ рѣчей наибольшее вліяніе.

Другую категорію знакомыхъ составляли государственные и парламентскіе сотоварищи партіи Перикла. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, въ прежнее время причислялся Эфіалтъ, равно какъ Демонисъ изъ Оза, его помощникъ въ соціальныхъ реформахъ, которыя онъ при своемъ преклонномъ возрастѣ пережилъ не многимъ. Позже къ нимъ принадлежалъ Метіохъ, точно также помогавшій ему преимущественно въ соціальныхъ вопросахъ, въ особенности относительно призрѣнія бѣдныхъ, но и въ дѣлахъ военнаго сообщенія. Затѣмъ Харинъ, которому онъ нѣсколько разъ поручалъ проводить въ народномъ собраніи принятыя положенія, именно: декретъ противъ Мегары. Наконецъ Меннипъ—полководецъ, которымъ онъ пользовался какъ совѣтникомъ и помощникомъ въ чисто военныхъ вопросахъ и котораго мы встрѣчаемъ въ домѣ Перикла вмѣстѣ съ его супругой. Отношеніе оратора Анти-

фона къ Периклу, кажется, не было близкимъ, какъ знакомаго. Напротивъ Лизій, равно какъ и его отецъ, кажется, были очень близки съ нимъ, если они родились въ 458 г. и не переселились въ Ѳурію въ 430 г.

Весьма трудно узнать, насколько современные историки причастны были тогдашнимъ кругамъ знакомыхъ Перикла. Что Геродотъ, во время своего пребыванія въ Аѳинахъ, не былъ исключенъ изъ нихъ, весьма вѣроятно. Въ пользу этого говоритъ необычайное поклоненіе, выказываемое Периклу въ его сочиненіяхъ и кажется, что развивая родословную Алкмеонидовъ, онъ какъ бы дѣлаетъ это для того, чтобы въ заключеніе привѣтствовать Перикла высшимъ и удивительнѣйшимъ продуктомъ этого поколѣнія, величайшимъ человѣкомъ столѣтія, равно какъ желаннымъ благодѣтелемъ Греціи. Кромѣ того онъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ столь близкимъ съ Перикломъ—Софокломъ. И въ то время, когда Периклъ въ первой половинѣ 443 г. на мѣстѣ распавшейся Сибарисы подъ техническимъ руководствомъ знаменитаго архитектора Гипподама приступилъ къ основанію грандіозной колоніи Ѳуріи, къ нему примкнулъ и Геродотъ съ такимъ воодушевленіемъ, ясно выказывающимъ, что онъ интересовался имъ не только какъ новымъ жилищемъ, но для поддержанія плановъ и произведеній своего могущественнаго современника.

Никто изъ читателей Ѳукидида вѣроятно никог-

да не сомнѣвался, что историкъ лично и хорошо зналъ Перикла; вопросъ только въ томъ—достаточно ли вѣрны были эти свѣдѣнія для познанія личности Перикла, встрѣчая и слыша его только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступалъ на общественномъ поприщѣ, и не требовалось-ли для этого непосредственнаго сношенія съ нимъ. Но эти сношенія, чтобы дать требуемый результатъ, должны были быть не случайныя встрѣчи на улицѣ или въ служебныхъ мѣстахъ, но должны были происходить въ домѣ самого Перикла. И историку, хотя и бездоказательно приписывали извѣстные аристократическіе предразсудки; но во первыхъ онъ былъ въ политикѣ несравненно болѣе мягкой и способной къ образованію натурой, чѣмъ Өукидидъ старшій и потому не былъ подобно тому полонъ враждебности; напротивъ вполнѣ признавалъ и уважалъ Перикла. А съ другой стороны, не смотря на все, Периклъ всетаки оставался преимущественно аристократической натурой. Его демократическая политика реформъ имѣла во многомъ консервативный оттѣнокъ, который при нѣкоторой безпристрастности могла привлекать даже противника демократіи. И кромѣ того, какъ мы увидимъ далѣе доказанный фактъ, что Периклъ, не задумываясь принималъ у себя даже представителей партій несогласныхъ съ нимъ направленій до тѣхъ поръ, пока они не выступали противъ него открыто и враждебно. Пользовался ли тѣмъ Өукидидъ, мы не беремся рѣшить въ оконча-

тельной формѣ. Но въ пользу этого говоритъ еще во первыхъ сообщеніе, что подобно Периклу, онъ былъ ученикомъ Анаксагора, а во вторыхъ тотъ фактъ, что немедленно по достиженіи имъ способнаго къ командованію возраста, 30 лѣтъ, онъ избранъ былъ полководцемъ и видѣлъ его въ 440 г. на этомъ посту въ самосской войнѣ. О старшемъ, сосланномъ Өукидидѣ не могло быть и рѣчи. Постъ же полководца въ то время достижимъ былъ только съ согласія Перикла.

Третій выдающійся историкъ, впослѣдствіи полководецъ Ксенофонъ въ ту пору былъ въ юношескихъ годахъ. Конечно, это не мѣшало ему бывать въ домѣ Перикла, гдѣ въ сыновьяхъ его и въ Алкивіадѣ онъ находилъ почти однолѣтнихъ товарищей. Но если какъ мы уже видѣли, онъ вмѣстѣ съ своей женой знакомъ былъ съ Аспазіей, то это естественно могло происходить только послѣ смерти Перикла. Во всякомъ случаѣ всѣ три историка побуждались къ своимъ литературнымъ произведеніямъ непосредственной и видимой для нихъ дѣятельностью Перикла, грандіозными всесторонними собратіями, созданными мощной личностью.

Изъ представителей поэзіи самая блестящая звѣзда драматической поэзіи—Софоклъ, былъ въ тѣснѣйшей связи съ Перикломъ. Въ началѣ тридцатилѣтняго перемирія, 53-хъ лѣтъ отъ роду онъ пользовался уже большой славой поэта, апогея которой онъ только что достигъ своей Антигоной, въ признаніе чего избранъ былъ полководцемъ и въ 440 г. вмѣ-

стѣ съ Перикломъ распоряжался нескончаемой войной противъ Самоса. Не смотря на то, что Софоклу въ ту пору было около шестидесяти лѣтъ, онъ все еще былъ пріятнымъ и любезнымъ; между тѣмъ какъ онъ былъ необыкновенно неповоротливъ во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось дѣйствовать на практикѣ.

Точно также нельзя сомнѣваться въ близкомъ знакомствѣ Перикла съ Эврипидомъ, которому при заключеніи перемирія было 35 лѣтъ, потому что и онъ, какъ и Периклъ, былъ ученикомъ Анаксагора; онъ раздѣлялъ мысли обоихъ, былъ по виду серьезенъ, даже угрюмъ. Первый драматическій успѣхъ праздновался имъ въ 441 г. Самый трагическій изъ всѣхъ трагическихъ поэтовъ онъ по ощущеніямъ былъ мягче и повидимому гуманнѣе своего старшаго товарища по искуству—Софокла. Эврипидъ считался горячимъ приверженцемъ женщинъ, но врагомъ гетеръ.

Повидимому ближе всего къ общественному кругу Перикла стояли носители образовательныхъ искуствъ. Именно: Фидій (род. около 487 г.) подобно Анаксагору былъ закадычнымъ другомъ Перикла и къ тому же повѣренный и совѣтникъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся искуства; мы позже увидимъ ихъ отношенія, освѣщенныя замѣчательнымъ образомъ. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что, во время процвѣтанія украшеній Аѳинъ, Периклъ и Фидій видѣлись ежедневно, для обсужденія дѣлъ и въ обществѣ. И къ нимъ вѣроятно присоединялись остальные, выдающіеся

представители художества искуства: Иктинъ, Каликратъ, Мнезиклъ и другіе, можетъ быть даже, не смотря на свою дружбу съ умершимъ Кимономъ, Полигнотъ. Точно также знаменитѣйшіе музыканты, учители Перикла—Дамонъ и Пиѳоклендъ и еще геніальный строитель городовъ, соотечественникъ Аспазіи, главный представитель физики и архитектуры, который именно въ ту пору выстроилъ, по всѣмъ правиламъ искуства и красоты, торговый городъ Пирей.

Можно догадываться, хотя и не удостовѣрять, что великій астрономъ Метонъ, сдѣлавшій въ то время, видимо подъ покровительствомъ Перикла, исчисленіе и опредѣлившій названный его именемъ 19-ти лѣтній циклъ календаря, и что великій врачъ Гиппократъ, который неоднократно и особенно во время такъ называемой чумы находился въ Аѳинахъ, бывали въ домѣ Перикла. Вполнѣ достовѣрно, что Периклъ водилъ дружбу съ значительными промышленниками, среди которыхъ торговецъ живностью Пириламнъ причисляется къ его искреннимъ друзьямъ. И въ этомъ случаѣ, наперекоръ фривольнымъ выдумкамъ комиковъ, ихъ связываетъ пониманіе и участіе къ великимъ цѣлямъ, которыми занимались въ домѣ Перикла. Другой представитель индустріи Лизиклъ, овцеводъ и торговецъ овцами, позже предводитель народа, какъ кажется уже въ ту пору, хотя еще безъ притязаній, посѣщалъ домъ Перикла. Фактически доказано, что Периклъ допускалъ въ свой домъ рѣши-

тельно противоположные элементы до тѣхъ поръ, пока изложеніе противнаго мнѣнія въ обществѣ не преображалось въ открытую и публичную враждебность. Къ этой категоріи принадлежалъ жрецъ Лампонъ, который въ началѣ для достиженія своихъ цѣлей, для ортодоксальнаго направленія народа видимо признавалъ лучшимъ средствомъ идти объ руку съ демократіей и присоединиться къ столь популярному Периклу. Поэтому послѣдній, во время вопроса объ основаніи колоніи Ѳуріи, не задумываясь, предоставилъ ему иниціативу. Только три года спустя, когда Лампонъ, пользуясь отсутствіемъ Перикла для проведенія ограниченія свободы комедіи, между ними воспослѣдовалъ разрывъ, въ силу котораго Лампонъ постепенно высказался завзятымъ передовымъ борцомъ ортодоксіи и противникомъ Перикла. Повидимому онъ и ранѣе, обмѣниваясь въ бесѣдахъ религіозными мнѣніями, охотно состязался съ Анаксагоромъ и именно поэтому наиболѣе враждовалъ къ нимъ.

Итакъ домъ Перикла и Аспазіи былъ средоточіемъ всѣхъ умственныхъ и художественныхъ стремленій Аѳинъ. Здѣсь вообще собирались корифеи философіи и науки, избранные поэты, архитекторы, скульпторы, живописцы и музыканты. Здѣсь, какъ выражаетъ Виландъ, „государственные люди отдыхали на лонѣ музъ и грацій". Здѣсь философы почерпали новыя побужденія для развитія своихъ системъ и своихъ методовъ. Здѣсь художники, какъ Фидій,

находили случай воодушевляться всѣмъ благороднымъ и прекраснымъ, высшими идеалами искуства и своими собственными созданіями. Здѣсь поэты, какъ Софоклъ и Эврипидъ, исполнялись мыслей и мотивовъ, доставлявшихъ ихъ произведеніямъ или основаніе, или дальнѣйшее развитіе и окончательную отдѣлку. А ораторы въ теченіе оживленнаго и остроумнаго разговора находили способъ придавать высшій почетъ своей рѣчи.

Тутъ было мѣсто сборища остроумныхъ умовъ и лучшаго общества Аѳинъ; вращаться тамъ составляло цѣль честолюбія, котораго многіе стремились достигнуть, но немногіе проникали. Онъ былъ въ то время умственнымъ средоточіемъ древности. Такъ какъ изъ этого дома исходили зажигающія искры геніальности, всѣ импульсы ума, всѣ лучи искуства, не только прославившіе Аѳины, но и по сіе время оплодотворившіе весь міръ. Оттуда произросъ тотъ цвѣтокъ прекраснаго, который возвысилъ мѣстную культуру Эллады и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще культуру человѣчества въ древности до ея апогея.

16. Нравственное, умственное и художественное возвышеніе Аѳинъ.

Послѣ заключенія перемирія въ 446 г., въ особенности со времени ссылки Ѳукидида старшаго въ 444 г., мы видимъ, что Периклъ задался цѣлью возвысить Аѳины въ интеллектуальномъ и художественномъ отно-

шеніи, за которымъ, по мнѣнію грековъ, неизбѣжно должно было слѣдовать и нравственный ихъ подъемъ. Уже съ 464—456 г. началось процвѣтаніе художествъ и наукъ, а съ 456—444 г. они получили большое значеніе и стали болѣе распространяться. Проявлялось это постояннымъ накопленіемъ и увеличившимся взаимодѣйствіемъ высокихъ умственныхъ и художественныхъ силъ. Но собственно процвѣтаніе вѣка Перикла обнимало промежутокъ времени отъ 444 г. до начала пелопонесской войны. Время это было кульминаціоннымъ пунктомъ взаимодѣйствія созидающихъ силъ и ихъ соревнованія. Подобно тому, какъ на аттической почвѣ Зенонъ, Анаксагоръ и Сократъ шли объ руку и обмѣнивались своими идеями, точно также во главѣ толпы многочисленныхъ художниковъ прославились герои скульптуры, архитектуры и живописи. Если Сократъ и его школа, т. е. цвѣтъ греческой философіи были истинными произведеніями вѣка Перикла, то цвѣтъ историковъ, какъ Геродотъ, Ѳукидитъ и Ксенофонъ точно также обязаны своимъ происхожденіемъ этой возбуждающей эпохѣ. Точно также и цвѣтъ драматической поэзіи олицетворенный преимущественно въ лицѣ Софокла получилъ развитіе вслѣдствіе широкаго полета управленія Перикла. На ряду съ Эсхиломъ Софоклъ выступилъ съ 468 г., Эврипидъ даже съ 455 г. Вѣкъ Перикла обозначаетъ переходъ отъ Эсхиловской трагедіи къ Софокловской и Эврипидовской. Въ то время, когда закатывалась звѣзда Эсхила и на горизонтѣ всходила звѣзда Эврипида, въ 468 г. Эсхилъ поставилъ свою: „семь противъ Ѳивъ“, десять лѣтъ спустя свою „Орестію“, и по истеченіи еще двухъ лѣтъ въ 456 г. съ его смертію угасло и его искуство. Въ 468 г. юный Софоклъ впервые отпраздновалъ побѣду на сценѣ и съ тѣхъ поръ, затемняя бывшую звѣзду или лучше сказать превосходя ее блескомъ, онъ развился въ прекраснѣйшій многоцвѣтный метеоръ поэзіи. Между тѣмъ какъ, несмотря на свою умѣренность, Эсхилъ былъ чуждъ и далекъ отъ Перикла, отношеніе къ нему Софокла было равноправно и полноправно дружеское; съ юношеской преданностью и уваженіемъ не приминулъ присоединиться къ нему и Эврипидъ. По всей вѣроятности со стороны Перикла оба пользовались поощреніями. Подобно тому, какъ вѣкъ Перикла былъ вѣкомъ процвѣтанія древней комедіи, точно также онъ позже возвысилъ великолѣпное процвѣтаніе эпоса. Въ то время когда Геродотъ въ прозѣ писалъ исторію освободительныхъ войнъ противъ персовъ, Херилай изъ Самоса прославился большой героической поэмой, которая по всей Элладѣ и преимущественно въ восхищенныхъ Аѳинахъ вызвала восторгъ и удивленіе.

Въ тѣ времена философія составляла суть всѣхъ наукъ. Не смотря на это отдѣльные предметы, какъ астрономія, медицина и юриспруденція, выдвинулись сильно и самостоятельно. Между тѣмъ какъ первая признавала своими корифеями Метона и Гиппократа,

послѣдняя въ силу Перикловскихъ реформъ возрасла въ необходимую науку и стала достояніемъ народа. Многочисленные суды присяжныхъ съ публичнымъ и гласнымъ судопроизводствомъ подстрекали къ развитію языковѣдѣнія и краснорѣчія. Ораторъ Антифонъ былъ первой звѣздою судебнаго краснорѣчія и вскорѣ за нимъ соревновательно послѣдовали многіе другіе; ораторы и софисты были еще въ то время почетными именованіями, потому что носители ихъ дѣлали честь этому опредѣленію. Сократъ тоже былъ софистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова и ни въ какомъ случаѣ не долженъ обсуждаться по *„облакамъ"* Аристофана или по впечатлѣніямъ, вызваннымъ содержащимися въ нихъ остротами. Во всѣхъ областяхъ аттической умственной жизни, всѣ науки и художества безъ исключенія одновременно, какъ по волшебству, вызвали необыкновенно мощное проявленіе умовъ и талантовъ. Но область прекрасныхъ искуствъ неизмѣнно вызываетъ къ себѣ наше вниманіе, потому что на алтарѣ искуства всегда возгаралось священно чистое пламя, горѣвшее долго спустя послѣ того, какъ Аѳины превратились въ развалины и которое не угаснетъ до скончанія вѣка. Корифеи прекрасныхъ искуствъ, подъ руководствомъ и на ряду съ которыми трудилось множество знаменитыхъ мастеровъ, были по архитектурѣ: Фидій, Иктинъ, Коликратъ, Мнезиклъ, Кореnъ, Металенъ, Ксеноклъ, Миронъ, Попиклъ; по живописи: Полигнотъ, Миконъ, Никій, Цевкисъ, Паненъ, Агафархъ, Тимагоръ и Аполлодоръ. Подъ ихъ руководствомъ и по ихъ произведеніямъ въ теченіи вѣка Перикла искуство получило своеобразный характеръ. Стремились точно подражать природѣ въ ея тончайшемъ и чистѣйшемъ разработываніи возвышеннаго и достойнаго величія красоты, свободы и жизненности. Искуство на аттической почвѣ эмансипировалось отъ властвовавшаго на востокѣ авторитета и типа. Подобно тому, какъ посредствомъ оживляющаго народнаго принципа государство освободилось изъ цѣпей старовѣковой аристократической косности и тѣмъ достигло гармоніи свободы и законченности, точно также и искуство покинуло неестественныя формы, обычные схематическіе виды и придало оцѣненному типу легкую разнообразную жизненность и преобразило въ высшую гармонію художественную законченность и свободу. Въ архитектурѣ не только съумѣли въ совершенствѣ выполнить и слить во едино оба аттическихъ строительныхъ способа—іоническій и дорическій, но изобрѣли художественный законъ утолщенія, примѣненный съ волшебнымъ дѣйствіемъ на практикѣ, къ которому мы еще возвратимся. Въ скульптурѣ свободно стала примѣняться волнистая линія, принадлежащая ей въ силу закона красоты, вполнѣ оставили прямолинейные рисунки восточнаго египетско-ассирійскаго и древняго этнскаго мѣстнаго типа. Искуства порождаютъ сами себя, одно исходитъ отъ другого. Этотъ процессъ произведенія создалъ многозначитель-

нѣйшія преобразованія. Архитектура прародительница изящныхъ искуствъ въ такой степени эмансипировала свою дщерь, скульптуру къ полной свободной самостоятельности, что она для своего существованія не нуждалась больше состоять въ связи съ зданіями или быть въ зависимости отъ нихъ. Младшая дочь архитектуры—живопись въ главнѣйшемъ оставалась въ зависимости отъ нея. Цвѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ полихромія составляли декоративный элементъ строеній и находящихся тамъ скульптурныхъ произведеній. Живопись не примѣнялась преимущественно для украшенія потолковъ и стѣнъ, по цѣлямъ и средствамъ она была еще ограничена. Успѣхи, сдѣланные живописцемъ Агафархомъ въ примѣненіи перспективъ и живописцемъ Аполлодоромъ относительно свѣта и тѣней; невозможно ближе опредѣлить въ настоящее время.

Эти самые корифеи подъ отважнымъ руководствомъ Перикла и помощью своихъ воодушевленныхъ послѣдователей, вызвали грандіозное процвѣтаніе искуства съ 444—431 г. Процвѣтаніе это, соотвѣтствующее панэллинскимъ стремленіямъ Перикла подняло собственно мѣстную культуру Аѳинъ до національной культуры всей Эллады. Посредствомъ ея Аѳины должны были пріобрѣсти высшее нравственное значеніе въ Греціи, сдѣлаться столицей всей націи, средоточіемъ греческой умственной и духовной жизни и подняться какъ до высшаго представителя политической свободы, такъ равно до блестящаго образца

вкуса въ области прекраснаго. Свои идеи въ этомъ смыслѣ Периклъ изложилъ отчасти въ своей знаменитой надгробной рѣчи послѣ перваго похода пелопонесской войны. По настоянію Перикла главнымъ распорядителемъ всѣхъ общественныхъ построекъ и художественныхъ предпріятій въ Аттикѣ было поручено Фидію, такъ что величайшіе художники, которымъ довѣрено было спеціальное выполненіе единичныхъ произведеній, находились подъ его началомъ. Но собственно душой всего художественнаго предпріятія былъ самъ Периклъ, только онъ представлялъ на усмотрѣніе народа всѣ планы будущихъ знаменитыхъ произведеній искуства своего времени и достигалъ ихъ утвержденія. Онъ, какъ избранный эпистатъ и предсѣдатель общественныхъ сооруженій, болѣе всѣхъ заботился о благополучномъ и быстромъ успѣхѣ произведеній и о поддержкѣ энергіи и благосостояніи художниковъ и даже ихъ учениковъ. Когда однажды одинъ изъ прилежнѣйшихъ художниковъ при постройкѣ пропилей, оступившись упалъ съ высоты и признанный врачами безнадежнымъ лежалъ безъ движенія, огорченный и сочувствующій ему Периклъ день и ночь обдумывалъ леченіе и, какъ говорятъ, ему дѣйствительно удалось помочь больному. Былъ ли тутъ замѣшанъ сонъ, обстоятельство побочное. Но въ память этого событія самъ Периклъ поставилъ на Акрополисъ мѣдную статую исцѣляющей Аѳины.

Если мы желаемъ получить, хотя малое понятіе

объ этой достопримѣчательной художественной эпохѣ, то мы должны наглядно воспроизвести картину Аѳинъ того времени.

17. Процвѣтаніе искуствъ въ Аѳинахъ и ихъ вліяніе.

Истоки Киферона обусловливаютъ свойство полуострова Аттики, образующаго къ югу заостренный треугольникъ, поверхность котораго представляетъ площадь въ 40 квад. миль. Среди знаменитыхъ своимъ мраморомъ и медомъ возвышенностей Пентеликона и Гиммета у рѣчки Илисса находились Аѳины съ своимъ Акрополемъ, на востокѣ простиралась мараѳонская равнина, на западѣ до гаваней длиною въ нѣмецкую милю аѳинская. Собственно городъ по Платону „имѣлъ больше мили въ окружности. Въ Аѳинахъ насчитывали 10,000 домовъ и 180,000 жителей, тогда какъ во всей области находилось ½ милліона душъ.

Перенесемся же въ ближайшее время до начала пелопонесской войны и направимъ путь въ Аѳины, подобно иностранцамъ того времени, ежедневно сухимъ путемъ и моремъ стекавшихся въ Аѳины. Пробыть тамъ недѣлю, даже одинъ день во времена процвѣтанія Перикла, признавалось всѣми греками наслажденіемъ, воспоминаніе о которомъ сохранялось на всю жизнь. Вполнѣ цѣльное впечатлѣніе получалъ путешественникъ, причаливающій къ одной изъ гаваней. Здѣсь прежде всего представлялся случай осмотрѣть порты Пирей, Мунихію и Фалеръ, окруженные крайними колѣнами продольныхъ стѣнъ. Они преимущественно были богаты корабельными верфями, доками, арсеналами и хлѣбными магазинами, которые по всей вѣроятности были воздвигнуты по настоянію Перикла.

На нихъ однихъ истрачено не менѣе 1000 талантовъ или полтора милліона рублей. Особенно заманчива была длинная галлерея, украшеніе берега, изъ пяти большихъ колоннадъ, часть которыхъ составляла Стоа Алфитополисъ, происходившая вѣроятно отъ Перикла. На ряду съ ними стояло нѣсколько театровъ, преимущественно посвященныхъ отдыху и наслажденію матросскаго народонаселенія. Наконецъ, построенная Перикломъ, грандіозная галлерея для склада зерна въ Пирей.

Ко всему присоединилось еще необыкновенно дѣятельное движеніе знакомаго съ мореплаваніемъ промысловаго народонаселенія, оживлявшаго преимущественно главный портъ Пирей! Послѣдній съ своими новыми прекрасными, искусно проложенными Гипподамомъ линіями улицъ безъ сомнѣнія производилъ на каждаго посѣтителя столь же благотворное, какъ и возбуждающее впечатлѣніе. Затѣмъ прогулка или поѣздка верхомъ или въ экипажѣ среди замѣчательныхъ, соединяющихъ гавани съ Аѳинами стѣнъ укрѣпленія! Между многочисленными частными домами и общественными площадями тутъ на большой дорогѣ глав-

наго сообщенія двигалась живая толпа пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, съ одной стороны къ гаванямъ, а съ другой обратно къ городу, къ площади и къ возвышающемуся вдали Акрополису. Тамъ можно было видѣть многочисленныхъ носильщиковъ съ тяжестями, здѣсь телѣги, запряженныя лошадьми или ослами, увозили разнообразный товаръ, овощи и фрукты. Во время постройки видѣлись цѣлые ряды возовъ и вьючныхъ животныхъ, нагруженныхъ разнороднымъ строительнымъ матеріаломъ. Тамъ вѣроятно можно было найти случай полюбоваться извѣстнымъ всему свѣту старымъ отслужившимъ осломъ, который, не смотря на выслуженную отъ государства пенсію, ежедневно по собственному желанію добровольцемъ сопровождаетъ своихъ товарищей. Наконецъ чрезъ полтора часа ходьбы, пройдя холмъ Арей, достигали базарной площади Керамейка. Она была физіологическимъ центромъ Аѳинъ, мѣстомъ сборищъ общественнаго сношенія, артеріей аѳинской жизни, сердцемъ Аттики. Здѣсь чужестранецъ могъ также надѣяться встрѣтить и поглядѣть на основателя величія Аѳинъ, на самого Перикла, ежедневно направляющагося на базарную площадь. На западной сторонѣ площади помѣщались прежде всего большія общественныя зданія: совѣтъ и метроонъ съ государственнымъ архивомъ, храмъ Аполлона Патрооса, царская и двѣнадцати боговъ галлереи. Напротивъ на восточной сторонѣ площади тянулась Стоа Полкиле. На самомъ

рынкѣ глазъ привлекали длинные ряды плетеныхъ лавокъ и столы мѣнялъ или трапецитовъ. Рынокъ былъ въ то время финансовой, меркантильной и политической биржей. Здѣсь устанавливался курсъ и ажіотажъ монеты. Если тутъ не понижались и не повышались спекулятивныя бумаги, какъ на нашей теперешней биржѣ, то однакожъ на рынкѣ Аѳинъ былъ наплывъ путешественниковъ и монетъ изо всѣхъ странъ Греціи, изъ разныхъ другихъ государствъ, изъ всего цивилизованнаго міра, а такъ какъ по большой части деньги можно было пристроить только у мѣнялъ, то слѣдовательно они подвергались разнороднымъ колебаніямъ курса.

Наибольшее движеніе проявлялось утромъ, тогда рынокъ былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ классовъ, не только мромышленниковъ и торговцевъ, но и политическихъ, художественныхъ и научныхъ общественныхъ дѣятелей. Тутъ происходило движеніе, подобно бульварной жизни большихъ городовъ. Прекрасные виды и окрестности, увѣренность встрѣтить друзей и знакомыхъ, возможность найти и получить всевозможное, направляло къ рынку тысячи мѣстныхъ жителей и иностранцевъ. Здѣсь могли быть удовлетворены всякая прихоть и комфортъ моднаго свѣта, равно какъ и всякая потребность серьезной и практической жизни. Кругомъ очаровательныя мѣста манили къ прогулкѣ. Всюду религіозная и сердечная потребности находили храмы и алтари. Для любознательности или

для желающихъ поучиться всюду представлялись разнороднѣйшіе объекты, глазу любителей искусствъ наслажденія художественными произведеніями: статуи, картины и архитектурныя украшенія. Отъ солнечныхъ лучей гуляющіе одиноко или группами, шутники и философствующіе находили убѣжище въ тѣнистыхъ аллеяхъ, аркадахъ и галлереяхъ или могли удобно растянуться на скамьѣ. Рынокъ представлялъ не только внутренній и внѣшній обзоръ общественныхъ зданій, но въ то же время тамъ открывался видъ на нѣкоторые пункты города, отсюда легко было гуляя добраться къ нимъ. Южнѣе дальше всѣхъ возвышался холмъ Пниксъ, историческая арена аѳинской народной общины, съ своей полукруглой постройкой съ высѣченными въ скалѣ ораторскими подмостками. Рядомъ виднѣлась такъ называемая астрономическая обсерваторія Метона т. е. Геліотропіонъ, воздвигнутая имъ съ разрѣшенія правительства для провѣрки своего новаго календаря. Ближе къ рынку въ юго-западномъ направленіи высился холмъ стародревняго ареопага съ храмомъ Эринніевъ, между тѣмъ, какъ съ юго-востока магически манятъ Акрополь, который преображался въ грандіознѣйшій и богатый всемъ прекраснѣйшимъ храмъ и музеумъ искуства всего міра. Прежде чѣмъ подняться къ произведеніямъ крѣпости, мы ранѣе еще взглянемъ на художественныя произведенія, расположенныя на восточной сторонѣ рынка. Особенно внушителенъ былъ здѣсь

Тезеіонъ—святыня, гдѣ покоились предполагаемые останки прародителя аттическихъ героевъ Тезея, привезенные Кимономъ съ острова Скироса. Постройка была предпринята имъ въ 468 г., но окончена лишь послѣ его возвращенія изъ ссылки въ 457 г. Но долѣе всего слѣдовало остановиться въ Стоа Панкиле или галлереи картинъ, выстроенной Пейсіанаксомъ, зятемъ Кимона и украшенный Полигнотомъ, прекрасной, относившейся къ троянской войнѣ, картиной. Стоа эта стала мало по малу историческимъ національнымъ музеемъ, картинной галлереей, изображавшей греческую и къ тому же аттическую исторію отъ борьбы Тезея съ Амазонками до мараѳонской битвы и до битвы Аѳинъ со Спартой.

Наконецъ мы стоимъ у подножія Акрополиса передъ великолѣпными террасами, ведущими къ пропилеямъ и на вершину. Гора доступна только здѣсь на западной сторонѣ, длина ея отъ востока къ западу 1150 фут., наибольшая ширина 500 фут. Подъемъ образовался на нагорной плоскости, которая не имѣла однако ступеней во всю ширину. Роскошныя лѣстницы занимали только ея обѣ стороны, между тѣмъ эстетическое чувство аѳинянъ возмущалось бы видомъ процессіи, поднимающейся качаясь по ступенямъ.

На верху пришельца принимали пятивратныя пропилеи изъ пентелийскаго мрамора, съ двумя флигелями и галлереей. Въ теченіи пяти лѣтъ отъ 437—

432 г. и были возведены подъ спеціальнымъ руководствомъ Мнезикла. Длина фронта главнаго корпуса имѣла 68 фут. длины и со своими двумя флигелями гостепріимно распростиралась предъ пришельцемъ. Въ правомъ флигелѣ или сѣверномъ находилась галлерея картинъ Полкиле или пинакотекъ; а прекрасная обширная галлерея съ своимъ замѣчательнымъ потолкомъ представляла отдыхъ и успокоеніе. Тутъ приготовлялись къ обзору священныхъ мѣстъ и статуй украшавшихъ плато Акрополя.

Прежде всего на высшей платформѣ 300 фут. пропилей, отстраняя все на задній планъ, удивленные взоры посѣтителя привлекали удивительно легкое съ множествомъ колоннъ изъ бѣлаго пентелійскаго мрамора зданіе Партенона, предназначенное для большихъ панаѳенейскихъ національныхъ празднествъ и для храненія сокровища. Оно было выстроено въ теченіи десяти лѣтъ отъ 448 до 438 г. подъ спеціальнымъ руководствомъ Иктина, на ряду съ которымъ называютъ и Каликрата и Карпіона. Въ то же время Фидій украсилъ его великолѣпной скульптурой. Высота его была 65 фут., фронтъ тянулся на 101 фут., вглубь у порога оно имѣло 227½ фут., по фронту насчитывали 8 колоннъ, съ боковъ по 17-ти.

До 1687 г. нашаго лѣтосчисленія оно было почти въ цѣлости, въ означенномъ же году оно было значительно повреждено венеціанской бомбой, а въ 1801 г. непростительнымъ образомъ ограблено лордомъ Эльгиномъ. Включая капитель вышина колоннъ партенона 34¼ фут. Главное украшеніе составляли оба всемірно извѣстныхъ фронтона вышиной отъ 11—12 фут. со своими колоссальными, выполненными Фидіемъ и его учениками, статуями. Далѣе 92 картины 4 фут. вышиной и въ болѣе строгомъ стилѣ и наконецъ картины на фризахъ 3½ фут. вышины, идущія вокругъ внѣшней стѣны кельи и изображавшія праздничныя шествія панаѳенянъ. Всюду блескъ красокъ и позолоты, живопись украшала стѣны и потолки. Въ глубинѣ находилась знаменитая колоссальная статуя Аѳины, сооруженная Фидіемъ изъ слоновой кости и золота вышиной въ 47 фут. Цѣнность употребленнаго на нее золота опредѣлялась по показанію Ѳукидида въ 40, по Филохору въ 44 золотыхъ таланта, т. е. 744,000 или 851,000 руб. Общее впечатлѣніе, невольно поражавшее посѣтителя партенона, было какъ бы волшебно-очаровывающимъ. Не только изумлялись, но приходили въ восторгъ при видѣ восточныхъ ассирійскихъ и египетскихъ колоссовъ. Даже массивное, преображенное въ истинно благородное и прекрасное, явилось здѣсь грандіознымъ и легкимъ. И все вмѣстѣ взятое въ общемъ идеальномъ сочетаніи сливалось въ своеобразную индивидуальность. Впечатлѣніе получалось не подавляющее, а напротивъ окрыляло зрителя жизненною легкостью, оно дѣйствовало не сцѣпленіемъ представленныхъ или нагроможденныхъ другъ на друга звеньевъ, а цѣль-

нымъ сліяніемъ во едино всѣхъ частей. И на чемъ основывалось это впечатлѣніе? Во первыхъ на миловидности колоннъ, которыя расширяясь получаютъ какъ бы юный видъ, на красотѣ декораціи, на уменьшеніи діаметра колоннъ и разстояніи между колоннами въ верхнихъ группахъ колоннъ Пронаоса и Постикума, чѣмъ достигается оживленное и благотворное дѣйствіе. Затѣмъ преимущественно на двухъ весьма достопримѣчательныхъ фактахъ. Одинъ состоялъ въ томъ, что всѣ большія горизонтальныя линіи, начиная отъ ступеней до балокъ, направлялись не съ прямолинейной натянутостью, но съ слегка выдающимся изгибомъ. На узкой сторонѣ изгибъ былъ относительно круче, чѣмъ на продольной, у ступеней тоже сильнѣй, чѣмъ у балокъ. Высота искривленія, считая на длину въ 100 фут., имѣетъ для длинной стороны 0,156, для балокъ узкой стороны 0,171 и для длинной стороны 0,135. Въ силу этого мягкаго, многократно оттѣненнаго расширѣнія горизонтальной линіи, храму придали жизненность, поэтическій оттѣнокъ и слѣдовательно въ этомъ направленіи достигли высшаго идеала красоты. Посредствомъ втораго достопримѣчательнаго факта получалось впечатлѣніе общей гармоніи и слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ достигался высшій идеалъ и въ этомъ другомъ направленіи. Дѣло состояло въ томъ, что вертикальныя линіи слегка изгибаются внутрь, такимъ образомъ, что цѣлое получаетъ пирамидальный оттѣнокъ. Наклонъ этотъ внутрь—

стремленіе отклоняться къ корпусу зданія оказывается въ положеніи колоннъ равно какъ и у балокъ внѣшнихъ большихъ площадей, между тѣмъ какъ напротивъ небольшихъ плоскостей, какъ вставныхъ звеньевъ, для оживляющаго разнообразія придавали нѣкоторую самостоятельность, именно противоположной обращенной внутрь. Здѣсь точно также, какъ и въ Партенонѣ, примѣнили направленное къ верху утолщеніе, которое принципіально не примѣнялось у подножія портиковъ, такъ какъ по срединѣ они пересѣкались проложеннымъ путемъ, но за то оно снова появлялось у большихъ линій балокъ и именно въ точномъ соотношеніи къ балкамъ узкой стороны или фронту Партенона. Такимъ способомъ, посредствомъ тончайшаго эстетическаго разсчета законовъ перспективы, достигалось полное жизненности впечатлѣніе цѣлаго архитектурнаго произведенія. Успѣхъ оказывался поразительный. Въ древности уже много разъ старались подражать пропилеямъ Партенона, но всѣ подражанія далеко уступали оригиналу.

Нужно замѣтить, что изобрѣтеніе утолщенія вверху относится ко второй половинѣ шестаго вѣка, но этотъ своеобразный законъ красоты развился и и распространился только во время Перикла. Онъ былъ Пизистратомъ при постройкѣ, оконченнаго однако гораздо позже, олимпійскаго Зевса, затѣмъ примѣнился къ Пероптеральному храму въ Слеетѣ и къ храму Посейдона въ Пестумѣ. Позже онъ снова былъ

преданъ забвенію. Къ сѣверу отъ Партенона возвышалось позднѣе зданіе Эрехтеіона, начатое въ 429 г. оконченное въ 409 г. Проэктъ же его былъ вполнѣ унаслѣдованъ отъ Перикла народомъ, такъ какъ къ возведенію его приступили тотчасъ послѣ смерти послѣдняго. Оно было двойной святыней, соединяющей храмы Аѳины, Поліоса и Посейдона Эрехтея. Тамъ хранились священнѣйшія реликвіи мѣстнаго культа, какъ-то: священно масличное дерево Аѳины, священный соленый колодецъ, священное старо-древнее деревянное изображеніе *(хоапоп)* Паллады и многое другое. Вмѣсто колоннъ въ южной галлереѣ поставлены были каріатиды, изображавшія аттическихъ дѣвъ въ панаѳинскомъ праздничномъ нарядѣ.

Между пропилеями и Партенономъ возвышалась колоссальная мѣдная статуя Паллады Промаха, точно также выполненная Фидіемъ и настолько выдающаяся надъ всѣми строеніями крѣпости, что шлемъ и конецъ копья виднѣлись съ моря изъ Суніона. Кромѣ того Акрополь вмѣщалъ множество статуй и памятниковъ. Фидій одинъ изготовилъ для укрѣпленія четыре статуи Аѳины, исключая выше названныхъ еще 2 бронзовыхъ. Итакъ съ великолѣпнѣйшими произведеніями архитектуры соединялись прелестнѣйшія украшенія скульптурнаго искуства.

Какой избытокъ генія и таланта требовалось для того, чтобы создать всю эту роскошь! Дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ были Сократъ и его школа для философіи, Софоклъ для драматической поэзіи, тѣмъ былъ Фидій для скульптуры, Иктинъ для архитектуры, Полигнотъ для живописи и Периклъ для всего цѣлаго. Въ теченіи вѣка Перикла слава искуства въ Аѳинахъ неисчерпывалась еще великолѣпіемъ Акрополя. Ихъ еще прославляли находящіеся среди самаго города новый театръ и Одеонъ. На югѣ отъ Акрополя въ концѣ треножной улицы возвышался каменный театръ Діонисія, славившійся еще и позже какъ прекраснѣйшій театръ всего міра. Постройка его въ единичныхъ частяхъ длилась весьма долго и подвергалась большимъ перерывамъ. Она началась уже около 500 г., но въ верхнихъ частяхъ окончена только нѣкоторое время спустя послѣ смерти Перикла, именно во время Ликурга отъ 334—328. Долгое время театръ этотъ былъ образцовымъ. Вообще постройка театровъ исходила изъ Аѳинъ, но однако же быстро распространилась на всю Грецію.

Въ 418 г. славой первенства красоты и гармоніи пользовался Эпидаврическій Поликлета. На востокѣ отъ Акрополя и театра Діонисія, одной изъ интереснѣйшихъ построекъ, возникшихъ благодаря Периклу, былъ Одеонъ, выстроенный вѣроятно въ 443 г., потому что намекая на судъ остракизма въ 444 г., Кратинъ подсмѣивался въ своихъ Ѳракіянкахъ: „вотъ обойдя подводный камень остракизма идетъ Юпитеръ, морская голова Периклъ, на его черепѣ высоко поднимается Одеонъ“.

То былъ закрытый театръ, какъ говорятъ, построенный по образцу персидской царской палатки съ круглой остроконечной крышей, составленной изъ мачтъ и парусныхъ шестовъ персидскихъ судовъ. Какъ кажется въ немъ все было приспособлено къ акустикѣ, потому что во имя панаѳенейскихъ празднествъ Одеонъ предназначался для всемірныхъ соревнованій музъ. Мѣста для зрителей возвышались амфитеатромъ и украшались многими колоннами и предназначались для 3000 человѣкъ. Самъ Периклъ назначилъ программу перваго музыкальнаго празднества въ честь панаѳинянъ и при исполненіи фигурировалъ въ роли судьи, для приговора премій. То былъ инструментальный и вокальный концертъ, участвовали духовые и струнные инструменты, соревнованіе устраивалось для флейты, цитры или лютни и для пѣнія. Съ тѣхъ поръ Перикловскій Одеонъ служилъ для исполненія всѣхъ музыкальныхъ празднествъ и сталъ образцомъ для всѣхъ построекъ для подобныхъ цѣлей. Слѣдовательно прирожденная склонность Перикла и особенное знаніе, усвоенное имъ подъ руководствомъ геніальныхъ его учителей Дамона и Плооклеида обогатило насъ изобрѣтеніемъ музыкальныхъ помѣщеній.

Здѣсь мы остановимся, такъ какъ мы не задались собственно описаніемъ Аѳинъ и ихъ окрестностей. Что касается послѣднихъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что Периклъ одинаково обращалъ вниманіе, какъ на академію, такъ и на ликсіонъ. Гимназія эта,

расположенная на сѣверо-востокѣ Аѳинъ, гдѣ вскорѣ училъ Платонъ, съ своими прекрасными садами, платанами и масличными плантаціями, съ фонтанами и дорожками съ многочисленными святилищами, алтарями и статуями, была уже покровительствуема и Кимономъ. Гимназія въ Ликеонѣ на югѣ-востокѣ отъ города, позже мѣсто ученія Аристотеля, окруженная тѣнистыми дубравами, была построена самимъ Перикломъ, т. е. по его инціативѣ и подъ его руководствомъ.

Остальныя части Аттики онъ также украсилъ постройками и произведеніями искуства, имъ вѣроятно начатъ храмъ Немезиды въ Рамнусѣ. Но внѣ Аѳинъ главнымъ его произведеніемъ былъ знаменитый Елевзинскій храмъ, посвященный Деметрѣ и ея мистеріямъ. Эта постройка была необыкновенно великолѣпная и обширная, съ внутренними и внѣшними пропилеями по образцу аѳинской.

Подъ верховнымъ руководствомъ Иктина, она была начата Кэребосомъ и послѣ его смерти продолжалась Метагеномъ, куполъ со сводами окончилъ Ксеноклъ.

Аттическое искуство распространилось вскорѣ на всю Грецію. Восхищались его произведеніями, старались подражать ему, такъ что и въ другихъ мѣстахъ возникли достойныя и грандіозныя художественныя произведенія въ Аргосѣ и Филаліи, въ Тегеѣ и Нимеѣ, въ Іоніи и въ Сициліи.

Всѣ эти не аттическія произведенія искуства

блескомъ и величіемъ превзошелъ храмъ Зевса въ Олимпіи, оконченный въ 435 г. и преимущественно обязанный своей славой статуѣ Зевса работы Фидія. Эта колоссальная, оконченная великимъ мастеромъ въ 444 г., статуя была не смотря на сидячее положеніе 40 ф. вышиною, постаментъ въ 12 ф. Посредствомъ вѣрно разсчитанной перспективы олимпійскій Зевсъ казался еще выше чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Говорили, что если бы ему вздумалось встать онъ раздробилъ бы крышу храма. Обнаженныя части были у него изъ золота, каждый золотой локонъ вѣсилъ 6 минъ т. е. цѣнился въ 200 луидоровъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ многоцвѣтный изъ разнородныхъ металловъ скипетръ, въ другой башню побѣды, сдѣланную также изъ слоновой кости и золота. Золотая одежда была украшена цвѣтами, тронъ, составленный изъ слоновой кости, золота и эбеноваго дерева и каменьевъ, былъ богато украшенъ статуями, рельефами и живописью, скамья у его ногъ и постаментъ были такіе же. Олимпійскій Зевсъ слылъ чудомъ искуства, самымъ мастерскимъ изъ всѣхъ произведеній Фидія, предѣломъ полета пластики, кульминаціоннымъ культомъ ея. Выраженіе лица было идеальное и задумчивое, то былъ всесильный, правящій, всюду побѣждающій богъ, милостиво внимающій человѣческимъ молитвамъ. Мастеру говорятъ мерещились стихи Илліады I, 528: „такъ говорилъ и повелъ смуглыми бровями Кроніонъ“

„И переполненные амброзіи кудри короля наклонились впередъ“
„Съ безсмертнаго главы; вздрогнули главы Олимпа“.

Впечатлѣніе было таково, что казалось богъ стоитъ живой предъ вами, такъ что при видѣ его забывались заботы и горе и что тотъ считался несчастнымъ, кто умиралъ не лицезрѣвъ его. Взглянуть на него было въ теченіи столѣтій цѣль всѣхъ богомольцевъ и еще во время императора Юліана художники стремились туда. Перенесенный позже въ Константинополь во дворецъ Лаузосъ, затѣмъ въ царствованіе Льва I въ 476 г. послѣ Р. X. онъ былъ уничтоженъ во время пожара, въ томъ самомъ году, когда былъ похороненъ Римъ и вмѣстѣ съ нимъ античный міръ. Въ моментъ, когда классическій міръ передалъ продолженіе исторіи христіанско-германскому, тогда превратился въ развалины и пепелъ высшій пластическій продуктъ классическаго міра.

Во времена Перикла грандіозный подъемъ процвѣтанія искуства вызвалъ разностороннія, разнородныя послѣдствія. Мы упоминали только нѣкоторыя.

Въ Олимпіи, гдѣ Фидій праздновалъ свой высшій тріумфъ, впервые вѣроятно сотоварищемъ его Клеотомомъ по всѣмъ правиламъ искуства выработана была форма предѣла Гипподрома. Съ другой стороны Димокритъ изобрѣлъ или развилъ постройку сводовъ и предпринялъ въ 453 г. вмѣстѣ съ Анаксагоромъ изслѣдованіе перспективы въ театрѣ. Вообще искуство

оставило философское направленіе къ изслѣдованіямъ. Ученіе пропорціи и гармоніи главнымъ образомъ выразилось въ Каноны Поликлета, который всю науку своего искуства „законъ соотвѣтствія въ организмѣ“ развилъ въ образцовую теорію. Около 440 г. съ обоюднымъ различіемъ дорическаго и іоническаго порядка колоннъ развился коринѳскій капитель съ своими болѣе свободными и богатыми вегетабельными формами, какъ говорятъ, изобрѣтенный Калимахомъ. Наконецъ, какъ мы достаточно видѣли, во время Перикла разработалось Гипподамомъ строительное искусство городовъ. Подобно Пирею въ Ѳуріи, какъ ранѣе въ Родосѣ, устроены были училища по всѣмъ правиламъ искуства. При этомъ главной задачей признавалась симметрія и, гдѣ представлялась возможность, возведеніе амфитеатральныхъ построекъ. Съ Гипподамомъ теоретически состязался великій астрономъ и гидравликъ Метонъ.

Повсемѣстно распространенное среди современниковъ восхищеніе аттическимъ процвѣтаніемъ искуствъ простиралось и далѣе въ теченіи послѣдующихъ столѣтій, вплоть до позднѣйшаго потомства. Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ вѣка Перикла, Изократъ въ своей рѣчи сказалъ: „Периклъ настолько украсилъ городъ храмами и произведеніями искуствъ, что и теперь еще посѣтители признаютъ его достойнымъ преобладанія не только надъ эллинами, но и надъ другими народами. Тѣ, которые относятся съ распо-

ложеніемъ къ Аѳинамъ открыто признаютъ, что городомъ могутъ называться одни Аѳины, всѣ же другіе города сравнительно съ ними деревни и что они по праву называются столицей Эллады“. По истинѣ Аѳины были пріятнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ мѣстомъ пребыванія, такъ какъ они были оплотомъ искуствъ, мѣстопребываніемъ міровой мудрости и ораторскаго искуства. „Пирей“, говоритъ онъ, „былъ кладомъ всей Эллады, гдѣ можно было все пріобрѣсти и все устроить“. Афины предоставляли наибольшія замѣчательныя зрѣлища, разнообразнѣйшія собранія и состязанія, не только въ быстротѣ и силѣ, но и въ рѣчахъ и въ умственномъ творчествѣ“. Этимъ объясняется, „такой огромный наплывъ туда посѣтителей“, ибо Аѳины составляютъ „для пріѣзжаго непрерывный рядъ празднествъ“. Мы уже приводили, какъ примѣрно столѣтіе спустя послѣ Перикла, Демосѳенъ утверждалъ, что „произведенія и искуства того вѣка столь великолѣпны и грандіозны, что *ни одному потомку не представляется возможности превзойти ихъ*“. Во второмъ еще столѣтіи послѣ Р. Х. Павзаній описываетъ впечатлѣнія, вызванныя въ немъ въ Аѳинахъ произведеніями искуства временъ Перикла и по мѣрѣ возможности онъ старается воспроизвести передъ читателями многочисленныя дѣянія этой заслуживающей удивленія творческой силы. Но преимущественно достопримѣчательно высказанное шесть съ половиной столѣтій спустя мнѣніе Плутарха. Онъ говоритъ: „когда

явились на свѣтъ всюду сіяющія своимъ величіемъ и неподражаемой красотой въ своихъ очертаніяхъ произведенія, тогда въ состязаніи мастеровъ превзойти другъ друга превосходствомъ своихъ произведеній и искуствъ, величайшимъ чудомъ считалать быстрота. Между тѣмъ какъ предполагали, что для окончанія иного произведенія едва хватитъ теченіе нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, они въ эпоху процвѣтанія были окончены въ теченіи одного государственнаго управленія. И не смотря на это, когда живописецъ Агаѳархъ хвастался своей способностью быстро и легко изготовлять картины, Изевкисъ отвѣчалъ ему: „у меня оно идетъ тихо".

Дѣйствительно легкость и проворство въ произведеніи не служатъ порукой устойчивости содержанія и совершенства красоты созданнаго, между тѣмъ какъ время, употребленное на прилежаніе въ производимомъ, вознаграждается долголѣтіемъ созданнаго; тѣмъ удивительнѣе своею прочностью столь быстро изготовленныя во времена Перикла произведенія. По изящности все преимущественно поражало зрѣлостью, пожизненной прелестью красоты оно по сію пору юно и ново. Въ нихъ живетъ первобытная свѣжая жизнь, сохраняющая ихъ нетронутыми временемъ, точно эти произведенія преисполнены вѣчнымъ дыханіемъ весны и никогда не старѣющейся душой". Но созданіе всѣхъ этихъ художественныхъ произведеній имѣло большое вліяніе на самую государственную жизнь. Въ Аттикѣ

необыкновенно увеличилась промысловая дѣятельность. Плутархъ сообщаетъ, что помимо процвѣтанія архитектуры, ваянія и живописи вмѣстѣ съ ними сильно развились промыслы: каменоломовъ и кузнецовъ, вышивальщиковъ и рѣзчиковъ и не менѣе, ихъ рѣзчиковъ владѣльцевъ торговыхъ судовъ, матросовъ, кормчихъ, на сушѣ: извозчиковъ, содержателей лошадей и извоза, дорожныхъ мастеровъ и рудокоповъ. Каждый мастеръ имѣлъ свою роту подмастерьевъ и чернорабочихъ, такъ что давая работу рукамъ каждаго, вызывая всевозможныя потребности, они станутъ источникомъ пріобрѣтенія для всего города, который такимъ образомъ одновременно питается и украшается. Кромѣ того эти блестящія украшенія служили развитіемъ художественнаго пониманія всего аттическаго народа и подъемомъ у всѣхъ его членовъ патріотическаго самосознанія. Должно же было у каждаго шевельнуться чувство самого гордаго удовлетворенія при видѣ восторга, который неминуемо, помимо воли выражала Аѳинамъ вся Эллада! И не могли ли этотъ громадный успѣхъ подъема аттическаго искуства и общій восторгъ всей Греціи приблизить вѣроятность, что посредствомъ этого нравственнаго перевѣса Аѳины всетаки когда-либо достигнутъ политическаго руководства всей Эллады!

Въ Аѳинахъ и окрестностяхъ ихъ всѣ постройки Перикла оцѣнены Леакомъ въ 3,000 талантовъ или $4^1/_2$ мил. рублей. Но оцѣнка эта не смотря на то,

что въ то время деньги имѣли необыкновенную цѣнность, была черезчуръ низкая. Постройка пропилей съ ихъ разнообразными и грандіозными аксессуарами, по компетентному заявленію Геліодора, написавшаго объ Акрополѣ сочиненіе въ 15 книгъ, стоила не менѣе 2012 талантовъ, т. е. 3.018,000 руб. Затѣмъ помимо постройки срединной стѣны на цѣнимыя сооруженія: Партенона, Одеона, построекъ Пирея—исключая судовыхъ домовъ, которые по всей вѣроятности построены были ранѣе и сами по себѣ стоили 1000 талантовъ, еще продолжающагося возведенія деонисовскаго театра, ликеона, храма въ Елевзисѣ, въ Рамнусѣ и въ Суніонѣ. По моему общій расходъ периклoвскихъ построекъ и произведеній искуствъ съ 448 г. равнялся 6,300 талантамъ или приблизительно $9^1/_2$ мил. руб.—сумма, которая считая на нынѣшнія деньги увеличилась бы въ 3 или 4 раза. Исключая постройки судовыхъ домовъ, я не принимаю во вниманіе періодъ съ 448 г.—преимущественно постройки обѣихъ продольныхъ стѣнъ, расходъ на которую считаютъ истраченными 500 тал., но по всей вѣроятности покрывался ни одними только государственными средствами.

Какъ не громадны были эти расходы, но между ними и доходами Аѳинъ не было ни малѣйшаго несоотвѣтствія. По Ксенофону годовой налогъ союзный и мѣстный до пелопонесской войны составляли не менѣе 1000 талантовъ. Изъ нихъ 60 т. возросло отъ дани

или мотрикулярныхъ взносовъ союзниковъ, которой въ 476 г. насчитывали только 460 т. Увеличеніе долговъ не только было слѣдствіемъ переименованія союзниковъ въ платящихъ контрибуцію подданныхъ и свободнаго выкупа отъ непосредственнаго выполненія воинской повинности, но съ 445 г. происходило также отъ союзной дани, поступающей конечно въ союзную казну, которая вслѣдствіе прибавленія тѣхъ конвенцій все болѣе и болѣе получала значеніе государственной казны. Во время перенесенія въ Аѳины въ 460 г. союзная казна состояла не изъ 8,000 талантовъ какъ то, на основаніи доказаннаго недоразумѣнія, говоритъ Діодоръ, но въ ней не было и 1,800 тал., какъ основываясь на ложномъ исчисленіи, думаютъ Бекъ и др. Сосчитавъ бывшіе ранѣе, равно какъ и позднѣйшіе доходы и расходы, она примѣрно, какъ мы уже указывали выше, должна была состоять изъ 3200 т. Съ тѣхъ поръ до 438 г. она возрасла до 9700 т. Это была высшая норма, которой она когда либо достигала, потому что въ теченіи слѣдующихъ шести лѣтъ въ силу экстроординарныхъ расходовъ на пропилеи и на другія одновременныя сооруженія, равно какъ по случаю войны съ Потидеей при неудовлетворительности текущихъ расходовъ и вслѣдствіе постоянныхъ издержекъ въ количествѣ 3,700 т. она уменьшилась до 600 т. Остальные 400 т., означенные Ксенофономъ годовымъ доходомъ Аѳинъ, представляли собственно поземельный или государственный до-

ходъ Аттики. Онъ образовался изъ платежей гаваней, изъ доходовъ, доставляемыхъ серебряными рудниками, изъ получаемыхъ за государственныя владѣнія арендныхъ платежей, изъ судебныхъ и штрафныхъ денегъ и многаго подобнаго. Строгое и разсчетливое управленіе Перикла вѣроятно съумѣло и относительно годоваго бюджета этого исключительнаго аттическаго государственного дохода достигнуть значительнаго перевѣса надъ ординарными расходами. Остатокъ безъ сомнѣнія тотчасъ же употреблялся на сооруженія или, какъ экономическія суммы, переходилъ въ слѣдующую роспись.

Если признать ежегодный государственный избытокъ среднимъ числомъ въ 100 тал., на что мы имѣемъ кажется право, и къ чему вынуждаютъ вычисленія, то тогда съ одной стороны отъ 461—449 г. изъ государственныхъ средствъ на сооруженія могло быть истрачено 1,300 тал., т. е. по меньшей мѣрѣ 260 т. *ниже* требованія. А съ другой стороны на сооруженія отъ 448—432 г. требовалось около 1,700 тал., т. е. 4,600 т. меньше необходимаго. Слѣдовательно послѣдняя сумма должна была быть пополняема отчасти изъ текущихъ союзныхъ доходовъ тѣхъ годовъ, отчасти же займами изъ союзной казны. Все говоритъ въ пользу того, что Периклъ не ранѣе 445 г., когда происходила его значительнѣйшая борьба съ Ѳукидидомъ старшимъ, предложилъ народу утвердить увеличеніе строительныхъ суммъ изъ

союзныхъ денегъ. Далѣе, что онъ до окончанія Парѳенона въ 438 г. довольствовался умѣренной прибавкой около 100 тал. изъ текущихъ союзныхъ доходовъ и что только съ начала дорогой постройки пропилей въ 437 г. и въ виду не внесенныхъ еще остальныхъ платежей за Парѳенонъ, онъ истребовалъ непосредственной прибавки изъ союзной казны. Извѣстно, что въ то время и позже Перикла многократно упрекали въ томъ, что на украшеніе Аѳинъ онъ издерживалъ деньги союзниковъ. Противъ этихъ упрековъ Периклъ съ успѣхомъ защищался въ своихъ всенародныхъ рѣчахъ. Онъ старался доказать, что Аѳины по праву совсѣмъ не обязаны давать отчетъ въ расходованіи денегъ *обложеннымъ налогами* союзникамъ, такъ какъ эти деньги уплачивались имъ взамѣнъ того, чтобы союзъ т. е. Аѳины защищали ихъ отъ всѣхъ враговъ. Слѣдовательно деньги принадлежатъ не дающему, получающему, пользующемуся за нихъ защитою, но получающему, если онъ выполняетъ то, за что ихъ получаетъ. Такимъ образомъ достаточно вооружась для войны, допустимо и похвально употреблять избытокъ на увеличеніе „земнаго благосостоянія“ и для „вѣчной славы“. Однако эти причины не были бы достаточны для оправданія если бы, какъ мы увидимъ ближе, не наступило полное разложеніе первоначальныхъ основаній делосскаго союза. **Во** всякомъ случаѣ не могутъ доказывать, что финансовое управленіе Перикла было невыгоднымъ

или расточительнымъ. Конечно, въ этомъ его упрекали его личные и политическіе недруги. И конечно позже ихъ примѣру слѣдовали упрямые философы и государственные дѣятели преимущественно извѣстный руководитель Аѳинъ отъ 317—307 г. Деметрій изъ Фелерона, сильно порицавшій всѣ расходы на постройку театровъ, галлерей и храмовъ и въ особенности сожалѣлъ „о множествѣ денегъ“, выброшенныхъ Перикломъ на пропилеи. Скорѣе должно признаться, что все, что истрачено на подобныя цѣли, не могло найти болѣе образцоваго примѣненія и что Периклъ съ сравнительно малымъ создалъ весьма великое и по истинѣ вѣчное. Итакъ Периклъ достигъ предѣла этически высокаго и эстетически прекраснаго. Онъ въ совершенствѣ олицетворилъ нравственное и художественное возвышеніе Аѳинъ, третій изъ своихъ второстепенныхъ проэктовъ. Но въ какомъ положеніи находилась побуждавшая его ко всему основная мысль? Въ ту пору она казалась погибшей.

18. Увяданіе панэллинской союзной идеи.

По мѣрѣ того, какъ совершалось вышеозначенное развитіе искуства, Периклъ дѣйствительно усматривалъ, что надежда на приведеніе въ исполненіе его основной національной идеи неожиданно начала исчезать. Условіе, поставленное при заключеніи тридцатилѣтняго перемирія и на которое онъ возлагалъ столько надеждъ, хотя и выполнялось, но результатъ не

соотвѣтствовалъ тѣмъ ожиданіямъ. Партикуляризмъ независимыхъ и именно наибольшихъ государствъ не желалъ ничего знать о делосскомъ союзѣ, только небольшія государства опасались присоединяться къ нему. По старой привязанности и Платея тотчасъ же снова присоединилась; но остальная Беотія оставалась въ сторонѣ, хотя сама страдала отъ разрозненности и разногласій внутри себя. „Беотійцы“, говоритъ Периклъ, „похожи на каменные дубы, которые сами уничтожаютъ себя и точно такъ поступаютъ и беотійцы“. Въ цѣломъ, верховенство Аѳинъ распростиралось въ ту пору примѣрно на 300 государствъ и городовъ. Быстро возсіявшій блескъ Аѳинъ несомнѣнно внушалъ удивленіе, но за этимъ не слѣдовали глубокой, готовой къ жертвамъ преданности. Какъ ни странно, но въ силу вызванной зависти они вмѣсто нравственныхъ побѣдъ скорѣе имѣли слѣдствіемъ нравственныя потери. Ихъ начали слѣпо ненавидѣть за то, что было слишкомъ велико для пониманія. Такимъ образомъ Аѳины оттолкнули многихъ именно въ то время, когда думали привлечь.

Къ этому присоединился тотъ фактъ, что дѣйствительно вновь проснулась старая зависть Спарты и пелопонесскаго союза и снова стремилась злостными инсинуаціями и подстрекательствами подорвать привязанность старыхъ союзниковъ Аѳинъ. Тѣ, которые почти не имѣли возможности порвать съ союзомъ, наперерывъ торопились ослабить свои союзныя обяза-

тельства. Вскорѣ дѣло дошло до того, что большинство, согласно конвенціи, болѣе не поставляло войскъ и кораблей и взамѣнъ охотнѣе уплачивало увеличенные по спискамъ взносы. Первыя событія подобнаго рода совершались во времена Кимона и по его настоянію; что Периклъ уже съ 460 г. хлопоталъ объ увеличеніи ихъ, не доказано и сомнительно. Несомнѣнно однако же, что съ 445 г. по причинѣ тогдашняго возстанія и стремленій къ отпаденію, равно какъ и по всевозрастающему недостатку денегъ, въ интересахъ его было овладѣть, какъ военной силой, такъ и финансами. Но до начала самосской войны онъ видимо еще колебался. Аѳинскій же народъ всегда имѣлъ достаточно тщеславія, чтобы во всякое время споспѣшествовать новой системѣ. А между тѣмъ такимъ образомъ наперекоръ федераціонному принципу, союзники должны были все болѣе превращаться въ охраняемыхъ и даже спуститься до подданныхъ, лишенныхъ воли, съ другой стороны было неизбѣжно что отвращеніе отъ поставокъ натурой должно было перейти на платежъ податей, отъ которыхъ какъ и отъ тѣхъ стрѣмились отдѣлаться вскорѣ. Низведеніе равноправныхъ союзниковъ въ зависимыхъ, обязанныхъ платить налогъ охраняемыхъ, и приниженіе отпавшихъ членовъ союза въ аттическихъ подданныхъ, что также относится къ политикѣ и иниціативѣ Кимона, не опредѣлили впрочемъ единственно обоихъ способовъ измѣненія и извращенія союза. Такъ какъ третій моментъ

нарушенія первоначальныхъ основъ его, дѣйствительно вызванъ былъ перенесеніемъ Перикломъ союзной казны въ Аѳины. Однако это ни въ какомъ случаѣ само по себѣ не положило начала видоизмѣненію, но какъ преимущественно должно было и могло служить развитію союза! Самосъ, выдающійся членъ союза, безъ протеста примирился съ этимъ! Свершилось при всестороннемъ одобреніи всѣхъ союзниковъ и въ 4⁵⁴/₅₃ г. санкціонированное новымъ союзнымъ постановленіемъ формальное перенесеніе охраны союза съ делосскаго Аполлона на аттическую крѣпостную башню Аѳину! И до 445 г. нигдѣ не проявилось и слѣда видимаго или заслуживающаго вниманія раскаянія.

Но разъ перенесенная казна по необходимости должна была имѣть слѣдствіемъ перемѣщеніе въ Аѳины союзныхъ собраній и тѣмъ легче что, въ силу постояннаго права предсѣдательствованія и приведенія въ исполненіе рѣшеній собранія, они получили еще больше вліянія. Кромѣ того съ тѣхъ поръ, не смотря на оставленный коллегіумъ эллинотаміевъ или „эллинохранителей сокровища", въ сущности союзное управленіе финансами стало аѳинскимъ и контроль надъ нимъ со стороны союза, хотя и можно было вполнѣ довѣрять лично Периклу, со временемъ къ огорченію участниковъ становился просто невозможнымъ.

Между тѣмъ какъ первоначально дѣло шло объ общемъ веденіи войны противъ персовъ, теперь въ сущности контигенты и налоги союзниковъ были во

всякое время и для всякаго предпріятія въ полномъ распоряженіи Аѳинъ, если только предпринятое признавалось ими служащимъ интересамъ всеобщей безопасности, а это дѣйствительно могло повести къ злоупотребленіямъ. Къ этому присоединилось еще, что Спарта завидуя тому, что она не пользовалась военной казной и вслѣдствіе этого всегда въ военное время попадала въ денежныя затрудненія, въ особенности между 445 и 440 г., она, по мѣрѣ силъ, подзадоривала союзниковъ Аѳинъ съ тою цѣлью, чтобы усилить ихъ раскаяніе въ перенесеніи делосскаго сокровища. Вызванное возмущеніе она намѣревалась примѣнить къ ослабленію или при удобномъ случаѣ къ разрыву делосскаго союза.

И такимъ образомъ дѣйствительно у союзниковъ Аѳинъ все болѣе и болѣе развивалось недовѣріе, зависть и неудовольствіе. Они были и притворялись озабоченными способомъ примѣненія налоговъ, которыми — такъ жаловались — распоряжаются самостоятельно Афины. Они слышали, что многіе аѳиняне и между ими наивліятельнѣйшіе признають употребленіе налоговъ на другія цѣли вполнѣ дозволенными. А когда Периклъ дѣйствительно предложилъ и достигъ выдачи изъ нея дополнительной суммы на сооруженія, то изъ этого вѣроятно заключили, что годовыя ссуды изъ нея гораздо значительнѣе показанныхъ оффиціально. Неудовольствіе обѣихъ сторонъ перешло въ формальную ненависть. Аѳины дѣлались не популярны у увеличившагося числа своихъ союзниковъ. Ничтожныя превышенія Аѳинъ, вызванныя напоромъ обстоятельствъ увеличивали оппозицію и тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ меньше было причинъ опасаться прежняго общаго врага персовъ. Отъ тайнаго неудовольствія пришли къ явной оппозиціи. Болѣе смѣлые воздержались отъ посылки выговоренныхъ соглашеніемъ налоговъ или контингентовъ воиновъ и судовъ. Законная экзекуторская строгость Аѳинъ вызвала затѣмъ раздраженіе. Но между тѣмъ только самые смѣлые угрожали просто отдѣлиться отъ союза. Итакъ уже въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ, по заключеніи тридцатилѣтняго перемирія, Периклъ вынесъ рядъ грустныхъ политическихъ опытовъ, по необходимости все болѣе подрывающихъ федераціонный принципъ. Замѣчательно, что корень его дѣятельности началъ вымирать именно въ то самое время, когда внѣшне она наиболѣе процвѣтала. Страстное желаніе видѣть всю Грецію соединенной подъ однимъ общимъ фидеративнымъ знаменемъ, видимо ему самому все болѣе и болѣе представлялось неисполнимой иллюзіей.

Ближайшимъ послѣдствіемъ его грустныхъ опытовъ было вѣроятно разочарованіе и неудовольствіе. Его лучшія намѣренія порицались высокомѣрно, ихъ злостно искажали и упорно препятствовали имъ! Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ несомнѣнно было извѣстная примѣсь жестокости въ его политическихъ пріемахъ, которые поселили горечь въ отношеніяхъ аѳинянъ и

ихъ союзниковъ. То былъ истинно трагическій поворотъ, когда Периклъ, видя безуспѣшность своихъ стараній распространить на всю Грецію делосскую конфедерацію подъ предводительствомъ Аѳинъ, въ своемъ недовольствѣ на то, что инстинктивно позволилъ себѣ приняться за болѣе тѣсную централизацію ограниченнаго союза. Казалось, что онъ ранѣе, всегда желавшій завербовать государства гуманностью, отчаявшись въ томъ, казалось строгостью хотѣлъ по крайней мѣрѣ тѣснѣе связать то, что было уже разъ завоевано. Отношеніе старыхъ союзниковъ способствовало тому. Своею оппозиціей, своимъ недовѣріемъ, своей вызванной собственной завистью и завистью другихъ непокорностью, онъ былъ вынужденъ къ всего болѣе жестокимъ воззрѣніямъ, все болѣе рѣзкимъ мѣропріятіямъ. По мѣрѣ того, насколько въ делосскомъ союзѣ вскрытнѣе и открытѣе начинало проявляться отклоненіе отъ центра въ такой же мѣрѣ федеративное стремленіе Перикла измѣнялось въ унитарное; насколько, казалось, союзъ желалъ распасться, настолько же Аѳины стремились въ видѣ имущества подбирать осколки.

Главнымъ моментомъ этого поворота послужило извѣстное возстаніе Самоса въ 440 г. Самосская военная сила была первая послѣ Аѳинъ. Въ случаѣ удачи возстанія, морское владычество и съ тѣмъ вмѣстѣ гегемонія Аѳинъ были бы нетолько въ опасности, но и уничтожены. Периклъ никогда не былъ поклонникомъ насильственнаго демократизированія союзниковъ,

никогда не покушался на вмѣшательство или нарушеніе ихъ внутренней политики. Въ противоположность аристократической Спарты, онъ преимущественно слѣдовалъ политики предоставлять свободу естественному теченію. Точно также и въ Самосѣ Аѳины не препятствовали тому, что у кормила стояло аристократическое правительство. Въ 441 г. онъ затѣялъ все болѣе развивающійся споръ съ Милетомъ о владѣніи Пріепа и вмѣсто того, чтобы, какъ полагалось, обратиться къ посредничеству союза, онъ въ 440 г. взялся сначала за оружіе, чтобы самостоятельно напасть войной на Милетъ. Милетъ же обратился за помощью къ Аѳинамъ, подать ее было обязательно для Перикла и для народа. Для того не требовалось заступничества Аспазіи, которой пристрастный историкъ, Дурисъ самосскій, приписалъ всю вину происхожденія этой войны. Подобно Милету демократическая партія въ самомъ Самосѣ также призывала вмѣшательство Аѳинъ. Не смотря на это Периклъ, охотно избѣгнувшій бы крайняго, не нарушилъ хода союзнаго постановленія, третейскій судъ долженъ былъ умиротворить весь споръ. Но подъ вліяніемъ страстей и по антипатіи къ Аѳинамъ, власть имѣющіе въ Самосѣ коротко отказались признать обязательность рѣшенія третейскаго суда; и только тогда съ 40 судами, подъ предводительствомъ Перикла, приступили къ вооруженному вмѣшательству. Подобнаго оборота вещей видимо не ожидали самосцы, за-

стигнутые врасплохъ и неподготовленные они не могли долго сопротивляться. Понятно, что слѣдствіемъ этого было установленіе демократическаго правительства, далѣе взятіе заложниковъ и водвореніе аѳинскаго гарнизона. Переворотъ совершился въ нѣсколько дней и экзекуціонный флотъ возвратился въ Аѳины. При этомъ случаѣ Периклъ блестяще доказалъ свою неподкупность, отвергнувъ всѣ денежныя предложенія самосскихъ олигарховъ и ихъ друга, персидскаго намѣстника Сарды, Пизуэна. Но едва лишь возвратился аѳинскій флотъ, какъ теперь, безъ сомнѣнія, съ поддержкой народныхъ массъ, съ остервененіемъ возстала самосская аристократія. Открыто всюду заявляя о положеніи отъ союза, она увлекла также возстать Византію и обратилась за помощью съ одной стороны къ Персіи, съ другой стороны къ Спартѣ и ея союзникамъ. Не смотря однако на двухсмысленный образъ дѣйствія Пизуэна, Персія не желала нарушить договора 449 г., которымъ она была довольна и не смотря на тревожные, противные слухи, соблюдала нейтралитетъ. Хотя въ Спартѣ большая партія высказалась въ пользу оказанія существенной помощи возстанію и за открытый разрывъ съ Аѳинами, но однако же Коринѳъ способствовалъ тому, что рѣшеніе оказалось отрицательное, ссылавшееся на законность тридцатилѣтняго перемирія, на естественное право каждаго союза наказывать непокорныхъ членовъ.

Возстаніе, предоставленное собственнымъ силамъ,

скоро было подавлено, какъ въ Самосѣ, такъ и въ Византіи, но все-таки только послѣ долгой борьбы, потому что Самосъ, употребивъ крайнія усилія, собралъ всѣ силы. Отправившись въ походъ въ іюнѣ съ триремами и 8 полководцами во главѣ, Периклъ, для выполненія задачи, долженъ былъ то и дѣло вызывать новыя и значительныя подкрѣпленія. Въ цѣломъ постепенно въ три пріема къ нему присоединилось еще 100 аѳинскихъ судовъ, но изъ Хіоса и Лесбоса сначала 25, а потомъ 30, такъ что общая цифра равнялась 215 судамъ. Въ началѣ, не смотря на морскую побѣду при Трагіи, по недостаточности и разсѣянности аѳинскихъ военныхъ силъ, успѣхъ былъ колеблющійся. Но наконецъ, послѣ девяти-мѣсячной осады, въ половинѣ 439 г., самосцы должны были сдаться на капитуляцію на условіяхъ полнаго подчиненія Аѳинамъ. Ихъ принудили выдать свои суда, снести укрѣпленія и уплатить въ извѣстные сроки военную контрибуцію. Около того же времени покорена была и Византія. Возвратившись на празднество въ память умершихъ въ предмѣстіи Корамеикѣ, Периклъ, избранный ораторомъ празднества, сказалъ свою знаменитую надгробную рѣчь въ память павшихъ воиновъ въ войнѣ съ Самосомъ. Впечатлѣніе, произведенное ею было столь сильно, что онъ въ благодарность за то былъ вполнѣ увѣнчанъ. Къ несчастію рѣчь эта не сохранилась, но Стизенбротъ изъ Ѳазоса и Аристотель сохранили намъ нѣсколько мыслей ея.

Выражаясь объ отечествѣ, оплакивающемъ тяжелыя потери, онъ говоритъ: „государство, потерявшее на войнѣ цвѣтъ своего юношества уподобляется году, лишенному весны. И сожалѣя о павшихъ и восхваляя ихъ, онъ выразилъ: „умершіе, подобно богамъ, безсмертны. Сихъ послѣднихъ мы хотя и не видимъ въ лицо, но приносимыя имъ почести и благодать, въ свою очередь ниспосылаемая ими, доказываютъ намъ ихъ безсмертіе. Тоже происходитъ и съ умершими за отечество“.

Въ фактическомъ и оффиціальномъ нейтралитетѣ того времени Персіи нельзя было сомнѣваться, хотя Ѳукидидъ неточно говоритъ о „возвращеніи Перикла“ изъ рекогносцировки въ Карію, не присовокупляя при этомъ, что онъ нигдѣ не нашелъ персидскаго флота, которымъ пугали слухи. Частное двусмысленное положеніе, занятое Пизуэномъ въ Сардахъ, не вызывало оскорбленія, тѣмъ болѣе разрыва договора 449 г. Трудно добиться, протестовалъ ли Периклъ противъ такого поведенія персидскаго намѣстника, или призналъ лучшимъ не замѣтить его. Не смотря однако на подчиненія Самоса главенству Аѳинъ, онъ всетаки позже сталъ олигархическимъ. По крайней мѣрѣ, напугали легко возстающихъ союзниковъ. Понятно, что въ панэллинскіе разсчеты Перикла никогда не входило столь принципіально противодѣйствующее настроеніе. Послѣдній опытъ вполнѣ разрушилъ вѣрованіе въ предупредительное и готовое на жертвы общее согласное стремленіе. Глубоко разстроенный онъ рѣшилъ болѣе чѣмъ когда-либо всѣми мѣрами противодѣйствовать и предупреждать каждую грозящую распаденіемъ могущества Аѳинъ, опасность. И съ тѣхъ поръ онъ началъ самъ трудиться надъ тѣмъ, чтобы Аѳины изъ руководящаго союзнаго представителя все рѣшительнѣе превращались бы въ владыку группы подвластныхъ и принадлежащихъ имъ государствъ, потому что въ немъ постепенно развилось убѣжденіе, что подобный конгломератъ способныхъ къ ежеминутнымъ возстаніямъ небольшихъ союзниковъ не можетъ быть направляемъ рѣшеніями союзнаго собранія, но скорѣе приказаніями центральной власти, т. е. Аѳинъ. Или другими словами ему казалось, что для союза возможна была только одна форма, которую предлагалъ уже Ѳалесъ и вѣрно также Геродотъ. По ихъ мнѣнію: передовой пунктъ долженъ былъ быть властвующимъ, а прилежащіе города зависимыми звеньями его. Первыми послѣдствіями были усиленіе массоваго преобразованія союзныхъ земель въ платящихъ дань вассальныхъ, затѣмъ полное уничтоженіе все уменьшающагося числа членовъ союзнаго собранія, или низведеніе на неимѣющую значенія формальность, наконецъ договорное обязательство для зависящихъ, равно и для приведенныхъ въ подданство искать своихъ правъ не въ союзномъ третейскомъ судѣ, но въ обычныхъ аѳинскихъ судахъ.

Но въ результатѣ оказывалось, что при началѣ

пелопонесской войны, только три союзника пользовались самостоятельностью и ничтожнымъ, совѣщательнымъ правомъ, то были Хіосъ, Метилена и Миѳимна. Съ этимъ разложеніемъ основъ делосскаго союза, понятіе Перикла относительно союзной казны стало тверже и интенсивнѣе. Теперь въ немъ укоренилось убѣжденіе, что, давая охраняемымъ государствамъ то, за что они платятъ дань, Аѳины въ такомъ случаѣ пользуются правомъ свободно распоряжаться союзными деньгами, что они не обязаны отчетомъ, охраняемымъ и подданнымъ войскъ и судовъ. Положеніе дѣла было таково, что если кто-либо получаетъ за свои услуги вознагражденіе и плату, то несомнѣнно пользуется правомъ употреблять это вознагражденіе и плату по усмотрѣнію. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы обвинять Аѳины, должны быть благодарны, что мудрымъ распоряженіемъ и военными приготовленіями они умѣютъ столько скопить и не разбрасывать накопленнаго на пустыя дѣла, но употреблять его во славу всей Греціи. По окончаніи Самосской войны и въ особенности съ 437 г. этимъ объясняется все болѣе широкое требованіе и употребленіе Перикломъ союзныхъ денегъ на аттическія, художественныя сооруженія. Главнѣйшимъ средствомъ сохранить вліяніе на союзниковъ въ подчиненныхъ и охраняемыхъ были, такъ называемыя, клерухіи. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны онѣ служили уменьшеніемъ пауперизма или для того, чтобы надѣлить земельной собственностью

бѣднѣйшихъ аттическихъ гражданъ, съ другой стороны во всѣхъ частяхъ греческаго міра онѣ создавали точки опоры аѳинскому вліянію и могуществу.

Такимъ способомъ во времена Перикла въ ѳракійскомъ Херсосѣ и поселено было 1000 аттическихъ гражданъ, въ Наксосѣ 500, въ Андросѣ 250, въ Синопѣ 600 и другіе на Лемносѣ, Имбросѣ, Скиросѣ и Евбеѣ. Кромѣ того не переставали заботиться объ основаніи самой колонизаціи. Исключая Ѳуріи, основанной по предложенію жреца Лампона и при выдающемся участіи Протагора и Геродота, въ 437 г. основанъ былъ также столь знаменитый впослѣдствіи Амфиполисъ.

19. Вліяніе на внутреннія дѣла, сдавленіе противной партіи.

Неблагопріятный ходъ союзныхъ дѣлъ не могъ не отразиться двоякимъ образомъ на внутреннія дѣла Аѳинъ.

Во первыхъ неудовольствіе Перикла изъ за гибели его основной идеи отчасти невольно отразилось на воспринятіе и отношенія его къ внутреннимъ дѣламъ. Съ другой стороны распри союза дали поддержку и прирость внутренней оппозиціи.

Между тѣмъ какъ радикальная партія съ Клеономъ во главѣ, основываясь на узаконеніи, ставила все большія требованія, Периклъ, удерживая умѣренно демократическую точку зрѣнія, принялъ строго от-

рицательное положеніе. Напримѣръ Клеонъ льстилъ народу тѣмъ, что: необходимо удвоить или утроить содержаніе судей, равно какъ и членовъ великаго совѣта, да и всѣ участники народнаго собранія должны были получать вознагражденіе. Периклъ открыто воспротивился тому. Сопротивленіемъ для злостныхъ обвиненій вновь воспользовались его противники добиваясь его паденія или, по крайней мѣрѣ умаленія его популярности. Они обвиняли его, что онъ уклоняется отъ желаній народа, принимаетъ королевскій тонъ, желаетъ навязаться тираномъ, что его приверженцы походили на новыхъ пизистратидовъ.—Съ радикальными демагогами, стремившимися, подобно Клеону, инсинуироваться народу посредствомъ лести, тотчасъ же связала свои интересы и жаждавшая возврата хорошаго и все еще надѣявшаяся на лучшіе дни аристократія. Если тѣ, по меньшей мѣрѣ бранили Перикла коснымъ, то послѣдніе ранѣе и позже признавали его совратителемъ народа. Главой аристократической партіи съ 434 г. былъ, по удостовѣренію Сатира, старшій Ѳукидидъ. Въ означенномъ году окончился срокъ его ссылки. Тотчасъ же по возвращеніи онъ снова принялъ, относительно Перикла, враждебное направленіе. Съ тѣхъ поръ на Перикла сыпалась пестрая смѣсь просто противорѣчащихъ другъ другу обвиненій. Его упрекали въ гордости и нахальствѣ, высокомѣріи и въ пренебреженіи къ другимъ; сравнительно съ нимъ обращеніе Кимона было

ложно и задушевно; говорили, что его серьезность— простое жеманство и надменность. Осаждали также его изилированіе, потому что истинная добродѣтель выигрываетъ, чѣмъ ближе разглядываютъ ее. „Усиленно бранили его строительныя предпріятія, неустанно повторяли урокъ, что онъ растрачиваетъ государственные доходы и имущества союза; что народъ лишился довѣрія“ и пользуется дурной славой съ тѣхъ поръ, какъ союзная казна перенесена изъ Делоса въ Аѳины. Далѣе теперь съ наслажденіемъ бросали грязью нравственныхъ инсинуацій противъ него и Аспазіи, противъ Фидія и другихъ приверженцевъ его. Теперь съ ворохомъ вымысловъ его упрекали за тайную денежную сдѣлку съ спартанскими вождями, учиненную имъ съ изволенія народа въ 446 г. Особенно аристократы жаловались на него, что онъ пренебрегаетъ знатными родами и демократизировалъ народъ выдачей вознагражденія деньгами на представленія и земельными надѣлами, такъ какъ этимъ превращаютъ трезвость и трудолюбіе въ невоздержанность и расточительность. Кромѣ того съ обоихъ сторонъ неизмѣнно возвращались къ упреку о его самодержавныхъ стремленіяхъ.

Не смотря на все это, политическія партіи аристократовъ радикаловъ не могли бы повредить ему, потому что каждая сама по себѣ была слишкомъ слаба и полна недовѣрія къ другой. Но тутъ съ 437 г. противъ него постепенно стала проявлять себя

третья партія, партія религіозной реакціи, вердиктъ которой противъ насмѣшекъ въ комедіяхъ онъ когда то уничтожилъ. Ортодоксальная партія смѣло противостала новшеству разумнаго познанія, находившаго своихъ представителей въ кругу Перикла и Аспазіи, въ Протогорѣ, Анаксагорѣ и Сократѣ. Замѣчательно что религіозная, реакціонная партія должна была, не смотря на ихъ противоположность соединить обѣ крайнія государственныя партіи аристократіи и демагогіи. Религіозное направленіе начало скрещиваться съ политической, разлагала ее и преобразовала въ новый партійный конгломератъ.. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пошатнувшееся положеніе Перикла объясняется отчасти именно тѣмъ, что конфликтъ его и приверженцевъ его съ религіозной, реакціонной партіей все болѣе и болѣе усиливался. Между тѣмъ какъ радикалы, подобно Клеону и сотоварищамъ его, были на столько умны, чтобы съ своей стороны не затрогивать ее, даже ухаживать за нея и этимъ способомъ неизмѣнно съ себялюбивой цѣлью пользоваться ею противъ Перикла и его друзей. Приверженцамъ ортодоксіи кололо глаза не политическое направленіе Перикла, но просвѣтительное. Демагоги же наоборотъ боролись съ нимъ, не какъ съ просвѣщающей, но какъ съ политической партіей. По своей слабости Клеонъ и сотоварищи его признали выгоднымъ не отвергать соединенія съ ортодоксіей, пустившей корни среди черни, равно какъ и среди аристократіи и поэтому рѣ-

шились выказывать притворную симпатію религіозной реакціонной партіи. Впредь іерархическія интриги оживили гетеріи радикаловъ и аристократіи и получили новый импульсъ и дѣятельность. Не смотря на полное различіе исходныхъ точекъ, остріе у обоихъ изъ нихъ обратилось на могущественное положеніе Перикла. Въ глазахъ аристократовъ кружки Перикла, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніяхъ одинаково признавались кликой вредныхъ новаторовъ. Радикалы же напротивъ ненавидѣли ихъ, какъ противниковъ и помощниковъ реакціи, между тѣмъ какъ партія жрецовъ, съ своей стороны, преимущесвенно нападала на нихъ, какъ на еретиковъ и безбожниковъ. Начала образовываться коалиція трехъ противныхъ партій, рано или поздно катастрофа казалась неизбѣжной. Въ то время, какъ общественный горизонтъ дѣлался мрачнымъ въ ущербъ Периклу, и въ семьѣ его проявилось болѣзненное несчастіе, указанные выше испорченность и враждебность старшаго сына его Ксантипа; въ ранней юности имъ овладѣло порочное направленіе. Бережливость и упорядоченность отцовскаго дома, противорѣчившія его неряшливымъ наклонностямъ, развили въ немъ неудовольствіе, возросшее до озлобленія и до ненависти. Будучи самъ расточительнымъ отъ природы, онъ женился на молодой женщинѣ, съ своей стороны также любившей большую роскошь. Дошло до того, что онъ буквально обманывалъ своего отца, надувалъ его, дѣлалъ

тайно отъ него займы. Периклъ былъ неумолимъ, отказалъ заимодавцу и даже началъ процессъ съ нимъ. Съ этихъ то поръ Ксантипъ сталъ открыто и враждебно оговаривать отца и выступилъ клеветникомъ противъ него и своей мачихи. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ источникомъ многихъ возникшихъ клеветъ. Итакъ домашнее горе для Перикла соединилось съ неудачей его въ общественной дѣятельности. Но первое уравновѣшивало еще его домашнее счастіе, а послѣднее— гордое самосознаніе.

20. Подготовленіе и начало пелопонесской войны; катастрофа и гибель Перикла.

При такихъ обстоятельствахъ подготовлялась пелопонесская и третья война изъ-за преобладанія. Побуждающей причиной къ ней естественно была не прекращающаяся зависть и соперничество Спарты и Аѳинъ. Поводомъ послужила начавшаяся въ 435 г. война между Коринѳомъ и Керкирой изъ-за обладанія Эпидамномъ. Хотя керкирійцы и одержали въ маѣ морскую побѣду и овладѣли Эпидамномъ, но когда въ слѣдующемъ году коринѳяне угрожали громадными вооруженіями, они обратились къ союзу и просили помощи Аѳинъ. Не принадлежа до тѣхъ поръ ни къ делосскому, ни къ пелопонесскому союзамъ, они воспользовались статьей тридцатилѣтняго перемирія, предоставлявшей право каждому независимому государству присоединяться къ тому или другому изъ нихъ.

Теперь же при существующихъ обстоятельствахъ заступиться за Керкиру было равносильно войнѣ съ Коринѳомъ и слѣдовательно со Спартой, такъ какъ Коринѳъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ пелопонесскаго союза. Не смотря на это аѳиняне приняли предложеніе, за которое рѣшительно вступился Периклъ, выразивъ слѣдующее мнѣніе: „все равно, на долго нельзя избѣжать войны“. Около конца іюля 434 г. аѳинская обсерваціонная флотилія изъ 10 судовъ отплыла въ іоническое море и Коринѳскій заливъ, и именно подъ начальствомъ Лакедемонія, сына Кимона. Ничтожное число судовъ не имѣло, какъ предполагали, ничего общаго съ антипатіей Перикла къ сыновьямъ Кимона. Первоначально дѣло шло только о демонстраціи, о заявленіи фактическаго участія къ ставшей теперь членомъ союза Керкирѣ и слѣдовательно большая или меньшая численность судовъ не имѣла тутъ значенія. Напротивъ имѣлась надежда, что во всякомъ случаѣ достаточно серьезнаго заявленія устранить коринѳянъ отъ дальнѣйшихъ затѣй и этимъ вовсе пресѣчь возобновленіе войны, а въ такомъ случаѣ Аѳины безъ бою пріобрѣтали въ Керкирѣ значительнаго союзника. И дѣйствительно Коринѳяне призадумались и не рѣшались начать борьбу, они, усиливая свои приготовленія, промедлили цѣлый годъ. Но наконецъ однако всетаки они возобновили военныя дѣйствія и не покидавшая дотолѣ свой постъ аѳинская флотилія въ сентябрѣ 434 г. приняла уча-

стіе въ морской битвѣ при Сиботѣ. Результатъ ея былъ благопріятенъ керкерійцамъ, но внезапное появленіе втораго аѳинскаго флота изъ 20 судовъ положило конецъ бою. Флотъ этотъ былъ поспѣшно посланъ вслѣдъ за первой эскадрой подъ начальствомъ Глаукона и Андокида, вслѣдствіе извѣстія объ отплытіи коринѳской морской силы. Послѣдствіемъ этихъ сплетеній было то, что озлобленные коринѳяне неоднократно жаловались Спартѣ на поведеніе Аѳинъ и все настоятельнѣе подстрекали къ войнѣ. Вторымъ предлогомъ пелопонесской войны были ссоры Аѳинъ съ Мегарой. Послѣдняя на всѣ лады хлопотала заявлять сильнѣйшему государству враждебными поступками и непріятностями свое теперешнее вполнѣ спартанское настроеніе и еще недавно на показъ всѣми способами усердно заявляла, что принимаетъ сторону Коринѳа. Аѳины по настоянію Перикла отомстили декретомъ, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, воспрещающаго жителямъ Мегары всякое общеніе по торговлѣ съ зависимыми отъ Аѳинъ рынками и гаванями. Вслѣдствіе этого и жители Мегары присоединили свои жалобы на Аѳины къ коринѳскимъ. Въ третьихъ присоединилось недовольство подвластныхъ городовъ и союзниковъ Аѳинъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Эгина, подстрекали Спарту къ войнѣ сначала тайно, а затѣмъ все болѣе открыто. Нетерпѣливая Потидея сдѣлала еще болѣе, одна коринѳская, но обязанная данью Аѳинамъ колонія отказалась по требованію Аѳинъ

снести свои укрѣпленія и весною 432 г., когда Спарта обѣщала въ случаѣ войны сдѣлать диверсію въ Аттику, она открыто объявила о своемъ отпаденіи. Хотя и поддерживаемые Коринѳомъ потидейцы были побѣждены въ открытой битвѣ, но все-таки тѣснѣе окружены. Такимъ образомъ снова задымился кратеръ эллинскаго дуализма. Периклъ не прочь былъ отъ войны, потому что вслѣдствіе опыта начиная съ перемирія и во время отпаденія Самоса, признавалъ рѣшительную борьбу неизбѣжной. Спарта съ своей стороны также склонялась къ войнѣ, страстно желая и надѣясь строго свергнуть Аѳины съ занимаемой ими высоты. Однако первоначально она постаралась достигнуть цѣли интригой. Желательно было уничтожить самого Перикла и снова возстановить правленіе аристократической партіи филолаконовъ. Одна изъ фракцій послѣдней дѣйствительно вступила въ сношеніе со Спартой и дала ей совѣтъ, для устраненія Перикла, требовать удовлетворенія старой кровавой вины, которая лежала на алкмеонидахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на домѣ Перикла. Дѣло относилось къ убійству приверженцевъ узурпатора Кимона, убитыхъ предъ алтарями крѣпости, почти 170 лѣтъ тому назадъ. Дѣйствительно Спарта заявила, чтобы согласно требованій религіи совершенное предъ богиней кощунство было искуплено, т. е. изгнанъ совершившій преступленіе и его родъ. Въ крайнемъ случаѣ Спарта могла надѣяться подорвать довѣріе аѳинянъ къ Периклу, вы-

ставить его въ ихъ глазахъ камнемъ преткновенія для сохраненія мира. Не участвовавшіе въ заговорѣ противники Перикла въ Аѳинахъ глядѣли съ злорадствомъ на затруднительность его положенія. Въ то время аѳиняне были еще слишкомъ горды, чтобы по требованію посторонней державы выдать своего вождя, они коротко отвѣчали, чтобы Спарта искупляла свои собственныя преступленія. Но разсчетъ не остался безъ послѣдствій, обвиненіе оставило слѣдъ, значеніе Перикла было еще болѣе подорвано и путь къ его паденію былъ подготовленъ.

Другой способъ состоялъ въ томъ, что именно въ это время коалиція трехъ враждебныхъ партій приняла болѣе опредѣленный образъ и также начала уже опутывать его со всѣхъ сторонъ. Какъ жаждущіе добычи вороны окружали его противники. Однако они не рѣшались еще напасть на него непосредственно, но первоначально направили свои злобные нападки на его друзей и приверженцевъ и на ближайшихъ ему лицъ. Форма этихъ нападокъ была судебное обвиненіе и процедура, время 432 г. и ближайшіе къ нему мѣсяцы.

Первоначально, какъ кажется, коалиція вождей ортодоксальной партіи жрецовъ Лампонъ и Діопейѳа, помощниками которыхъ были вожди аристократической партіи, Ѳукидидъ старшій и Клеонъ напали на провозвѣстителя религіознаго просвѣщенія Анаксагора. Лампонъ лично имѣлъ не одну распрю съ Анаксагоромъ, онъ не могъ простить ему способа, съ какимъ онъ противосталъ ему во время одного предсказанія. Не задолго до ссылки Ѳукидида старшаго, Периклу доставили изъ деревни голову барана, у котораго по срединѣ лба находился рогъ. Лампонъ тотчасъ же заявилъ, что это чудо означаетъ, что могущество перейдетъ къ тому, у котораго заявилось это знаменіе. Анаксагоръ насмѣхался надъ нимъ, говоря, что это не чудо и ничего не означаетъ, что и всякое отступленіе отъ законовъ природы на ея же законѣ. Онъ вскрылъ голову и доказалъ, что мозгъ ея не выполнялъ ея полости, но однообразно заостренный слился на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщалось основаніе рога. Во время объясненія всѣ смѣющіеся были на сторонѣ Анаксагора, но пристыженный и осмѣянный Лампонъ тѣмъ болѣе не простилъ ему этого инцидента, что вскорѣ послѣ того Ѳукидидъ дѣйствительно палъ и власть всецѣло перешла къ одному Периклу, такъ что пониманіе Лампона о вѣрованіи въ чудеса и въ искуство предсказывать оправдалось въ его собственныхъ глазахъ. Отмѣна запрещенія насмѣшекъ въ комедіяхъ въ 437 г. снова открывшая полную возможность со сцены противоборствовать суевѣрію и ортодоксіи жрецовъ направила злобу партіи жрецовъ преимущественно на Анаксагора, какъ богоотступнаго совѣтника Перикла. Озлобленіе это было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше было участіе Лампона и Діопейѳа въ достиженіи запрета и поэтому то считавшіе себя лично

задѣтыми и обиженными. Безъ сомнѣнія, что ко всему на почвѣ религіозныхъ убѣжденій присоединились еще другія столкновенія. Коалиція съ ортодоксальной партіей жрецовъ во главѣ дѣйствовала противъ Анаксагора слѣдующимъ образомъ. Первоначально Діопейѳъ поставилъ предложеніе признавать государственнымъ преступникомъ каждаго, отвергающаго религію страны или проповѣдующаго новыя ученія о небесныхъ предметахъ. Народъ, подготовленный коалиціей въ своей суевѣрной преданности ортодоксіи, былъ согласенъ съ этими происками и принялъ предложеніе. Теперь на основаніи этого общаго рѣшенія Діопейѳъ, какъ представитель религіозной реакціи и Клеонъ, какъ глава радикальной демагогіи, сообща подали жалобу на атеизмъ или пренебреженіе боговъ Анаксагоромъ. Клеонъ обвинялъ его и другихъ въ томъ, что они утверждаютъ, будто солнце огненная масса. Представитель аристократической партіи Ѳукидидъ поддерживалъ обвиненіе о богохульствѣ, но кромѣ того обвинялъ его въ медизмѣ, т. е. въ медійскомъ или персидскомъ образѣ мыслей и слѣдовательно въ измѣнѣ. Само собой разумѣется, что подобныя обвиненія не имѣли другаго обвиненія кромѣ антипатіи Перикла и его друзей къ продолженію персидской войны, за которую съ другой стороны постоянно стояла аристократія.

О дальнѣйшихъ способахъ сообщенія противорѣчатъ другъ другу. Вѣрно то, что Анаксагоръ былъ арестованъ судебнымъ порядкомъ, легкомысленную

толпу ежедневно и ежечасно обработывали и искуственно фанатизировали агитаторы. Слѣдовало ожидать худшаго; казалось, Анаксагору грозила будущая судьба Сократа. Периклъ былъ внѣ себя отъ горя и гнѣва, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо рѣшился во чтобы то ни стало спасти любимаго друга и учителя. И дѣйствительно ему удалось избавить послѣдняго хотя отъ крайняго преслѣдованія. По сказанію однихъ, оно было выполнено посредствомъ тайнаго бѣгства. Другіе удостовѣряютъ, что самъ Периклъ выступилъ передъ народомъ и съ жаромъ и мужествомъ защищалъ своего учителя. Онъ, говорятъ, предложилъ толпѣ вопросъ: „въ чемъ они могутъ упрекнуть его самого (Перикла) въ его жизни“? И когда со всѣхъ сторонъ послѣдовалъ отвѣтъ: „ни въ чемъ“, то онъ продолжалъ: „хорошо, но вѣдь я ученикъ того человѣка! прекратите же вы, совращенные ложными клеветами, посягать на его жизнь и, послѣдовавъ моему совѣту, дайте ему свободу“! Такимъ способомъ онъ дѣйствительно достигъ его освобожденія. Другіе также допуская его освобожденіе, признаютъ, что Анаксагоръ былъ вновь освобожденъ только по уплатѣ почти таланта штрафу и по приговоренію его къ ссылкѣ. И не смотря на то приговоръ этотъ признавался еще милостивымъ, относя его на счетъ сожалѣнія, внушеннаго судьямъ старческой немощью философа. Во всякомъ случаѣ вѣрно и совпадаетъ со всѣми разнорѣчивыми показаніями, что Периклъ подъ надежной

охраной препроводилъ его изъ города и чрезъ границу. Анаксагоръ поселился въ Лампсакѣ, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ. Но имѣется еще сказаніе Сатира, что отсутствующаго Анаксагора судебнымъ порядкомъ приговорили къ смерти. Если это точно, а подробности говорятъ въ пользу того, что дѣйствительно должно предположить тайное бѣгство до приговора суда или какъ вполнѣ допустимо тотчасъ же послѣ освобожденія, то на основаніи усиленнаго обвиненія процессъ былъ вновь возбужденъ, но теперь какъ настоятельно признаетъ Сатиръ, виновникомъ смертнаго приговора былъ Θукидидъ. Возможно, что окончательно судьи дали себя уговорить къ приговору, который уже не могъ физически поразить Анаксагора, нравственно же затрогивалъ и поразилъ Перикла. Когда, какъ говорятъ, Анаксагору сообщили вѣсть о смертномъ приговорѣ, онъ произнесъ: „давнымъ давно природа приговаривала меня и тѣхъ (судей) къ смерти. Говорятъ, что онъ также невозмутимо принялъ сообщенное ему въ обществѣ друзей извѣстіе о смерти его двухъ сыновей и сказалъ: „мнѣ было извѣстно, что я произвелъ смертныхъ“. Онъ умеръ въ 427 г. 72 лѣтъ отъ роду. Въ Лампсакѣ свято хранили память о немъ и чтили ее празднествами, возвели ему алтарь посвященный „уму или истинѣ“ и на немъ надпись, прославляющую его, какъ человѣка „достигшаго крайняго предѣла истины и уповавшаго на небесное благоустройство“.

Судьба Фидія была хуже судьбы Анаксагора. Въ 437 г. онъ окончилъ свою знаменитую изъ слоновой кости и золота статую Аθины. Съ тѣхъ поръ онъ былъ занятъ колоссальной статуей Зевса въ Олимпіи, откуда въ 432 г. возвратился въ Аθины. Тутъ съ тонкимъ разсчетомъ напала на него противная партія. По словамъ Плутарха они желали испробовать на немъ, на произведеніяхъ котораго зиждилась слава Аθинъ, который былъ необходимымъ помощникомъ Перикла и слѣдовательно былъ ему дороже всего, какимъ образомъ въ подобномъ случаѣ судилъ бы народъ, если бы дѣло коснулось самого Перикла. Они рѣшили, чтобы помощникъ Фидія Менонъ выступилъ обвинителемъ своего учителя.

Съ масличной вѣткой въ рукѣ, ищущимъ защиты у одного изъ алтарей, на рынкѣ явился Менонъ и испрашивалъ охраны для безопаснаго разоблаченія Фидія. Онъ обвинялъ его въ укрывательствѣ золота во время работы надъ статуей Аθины. Тотчасъ началось слѣдствіе, но Фидій съумѣлъ блестяще оправдаться. По совѣту Перикла онъ такимъ образомъ употребилъ золото въ статуѣ, что въ случаѣ военной крайности оно могло быть извлечено не повредивъ ее, а вѣсъ доказалъ его невиновность. Раздраженные этой неудачей противники не успокоились. Болѣе того, выдвинувъ безъ сомнѣнія того же Менона, они возбудили противъ Фидія обвиненіе въ богохульствѣ, потому что на щитѣ богини въ битвѣ Кентавровъ онъ

помѣстилъ свое изображеніе и изображеніе Перикла. Себя онъ изобразилъ въ видѣ фигуры бросающаго камни лысаго старика, Перикла же въ великолѣпной фигурѣ бросающаго копья героя. Фидія заключили въ тюрьму. Напрасны были всѣ усилія Перикла освободить его. Но еще до дня слѣдствія надъ нимъ, онъ неожиданно найденъ былъ мертвымъ въ темницѣ. Иные говорятъ, что онъ умеръ отъ какой то болѣзни, другіе же—отъ яда враговъ, будто бы, съ цѣлью еще болѣе скомпрометировать Перикла, или отъ боязни, что послѣднему удастся спасти его. Звучитъ почти невѣроятнымъ, что доносчикъ Менонъ награжденъ освобожденіемъ отъ налоговъ. Но раздраженіе партій доказывается тѣмъ, что для охраны его приняты были полицейскія мѣры.

Вполнѣ можно сочувствовать горю Перикла, потерявшаго столь ужаснымъ способомъ вѣрнѣйшаго сотоварища и помощника въ своихъ трудахъ! Не смотря на то, горькая чаша не была еще испита до дна. Теперь цѣлью нападковъ должна была стать вѣрная и любимая подруга его жизни.

Въ это самое время поэтъ комедій Гермипъ, за которымъ вѣроятно скрывалась коалиція, обвинялъ ее въ пренебреженіи боговъ и въ сводничествѣ. Видимо дѣло шло шутя уже о непосредственномъ нападеніи на самаго Перикла, игнорируя даже то, что онъ самъ якобы былъ тѣмъ лицомъ, съ которымъ Аспазія сводила свободныхъ женщинъ. Неизвѣстно къ чему, если

не къ ученію и къ изрѣченіямъ, относился упрекъ въ атеизмѣ, а это обстоятельство возвело позже самыя странныя измышленія. Аспазія презирала обвиненіе и обвинителей. Она не явилась на судъ. Периклъ же, какъ естественный ея замѣститель, или Киріосъ, защищалъ ее передъ судьями со всемъ пыломъ своей любви къ ней, со всей силой возмущенія и съ рѣшительностью чистой совѣсти. Можно признать, что ему дѣлало честь, что онъ былъ тронутъ до слезъ при сравненіи прошлаго съ настоящимъ, при обзорѣ низости этой безграничной интриги и въ сознаніи того, чѣмъ была для него Аспазія. Эсхилъ говоритъ, что поэтому поводу онъ пролилъ гораздо больше слезъ, чѣмъ въ то время, когда грозила опасность его собственной жизни и состоянію". Этимъ именно доказывается, что привязанность Перикла къ Аспазіи оставалась неизмѣнившейся до конца его жизни. Судьи почтили его чувство. Нравственно они упали не настолько низко, что стать соучастниками его озлобленныхъ противниковъ и ихъ постыдныхъ интригъ. Результатъ уже извѣстенъ намъ, судъ оправдалъ Аспазію. Ораторское искуство и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость восторжествовали. Но враги его не унывали. Болѣе того теперь коалиція направила свои усилія на низверженіе его самого. Давно уже публично оговаривали его въ растратѣ государственныхъ денегъ. Теперь рѣшили попытать формальное обвиненіе.

Драконидъ достигъ одобренія народнаго собранія на то, чтобы Периклъ представилъ коммисіи пятидесяти отчетъ объ истраченныхъ имъ государственныхъ суммахъ; судьи же должны были торжественно подавать голоса предъ алтаремъ. Гагнону, опасавшемуся, что этимъ торжественныхъ путемъ религіозныя сомнѣнія судей будутъ препятствовать голосованію обвиненія, удалось измѣнить декретъ въ такомъ смыслѣ, чтобы слѣдствіе велось 1500 судьями и голосованіе производилось обычнымъ путемъ опущенія въ урну голосовыхъ камешковъ. Видимо намѣренно оставили нерѣшеннымъ, въ чемъ собственно состояло обвиненіе, въ сокрытіи ли денегъ, или въ подкупности, или наконецъ въ нарушеніи закона. Если бы поставили опредѣленное обвиненіе, то Периклъ долженъ былъ быть тотчасъ уволенъ отъ своихъ должностей, чего не было учинено. Слѣдовательно противники, чтобы не возстановить общественнаго мнѣнія дѣйствовали съ большой осторожностью. Впрочемъ невѣроятно, чтобы это заключалось въ отдачѣ генеральнаго отчета, потому что во всѣхъ финансовыхъ учрежденіяхъ, по окончаніи служебнаго срока, практиковалось правильное представленіе отчетовъ и народное собраніе не задумываясь неизмѣнно санкціонировало ихъ. Кромѣ того, хотя Периклъ и состоялъ управляющимъ финансоваго учрежденія, но всѣ финансовыя дѣла обсуждались коллегіально или подвергались коллегіальному контролю. Само собой разумѣется, что финансовое управленіе

обусловливалось закономъ и народнымъ разрѣшеніемъ денежныхъ средствъ, его первоначально контролировалъ „завѣдующій бухгатеріей и контрассигнирующій чиновникъ“ обязанный каждую пританію, т. е. по прошествіи каждыхъ 35 дней, представлять большему совѣту общій обзоръ доходовъ и расходовъ. Общее управленіе кассъ находилось подъ вѣдомствомъ коллегіи охранителей сокровищъ богини или управляющихъ священными деньгами Аѳины. Союзные финансы находились подъ вѣдомствомъ коллегіума эллинотаміевъ, безъ вѣдѣнія котораго невозможенъ былъ ни одинъ платежъ изъ союзныхъ денегъ. А наконецъ общій доходъ и приходъ, повидимому, съ перенесеніемъ казны въ 460 г. въ Аѳины (или по крайней мѣрѣ съ 454—53 г.) и безъ сомнѣнія по побужденію самого Перикла, въ послѣдней инстанціи провѣрялся верховной контрольной палатой, смѣшанной коллегіи тридцати изъ логистовъ и эвѳиновъ (счетчиковъ и ревизоровъ). На этомъ вторичномъ пересмотрѣ безъ сомнѣнія основывалось каждый разъ согласіе народнаго собранія. Ясно, что требованіе отъ Перикла генеральнаго отчета было бы безсмысленно и равнялось повторенію и составленію санкціонированныхъ и опубликованныхъ уже спеціальныхъ докладовъ. Кромѣ того, предположивъ даже, что учинены дѣйствительныя неточности или упущенія, результатъ подобнаго генеральнаго слѣдствія поражалъ бы не одного Перикла, но и тѣ три коллегіи и главнымъ образомъ высшее

контрольное вѣдомство. Этимъ однако не достигалась цѣль, такъ какъ стремились скомпрометировать единственно только одного Перикла. Но точно также нельзя предположить, како то можно заключить по Валерію и Максиму, что дѣло шло о сдачѣ отчета на счетъ пропилеевъ. Счеты по нимъ вѣроятно, „какъ полагалось“, заключались въ представленномъ четырехлѣтнемъ отчетѣ управляющаго финансами. Слѣдовательно въ концѣ 434 г. или въ началѣ 433 г. если допустить, что должность принималась и сдавалась въ половинѣ третьяго олимпійскаго года. Точно также можно допустить, что Периклъ въ должности управляющаго финансами точно также долженъ былъ подавать отдѣльный отчетъ за *каждый архонтный годъ*, подобно пятилѣтней строительной коммисіи пропилеевъ, отрывки отчета, которые за первый и четвертый годъ находятся по нынѣ. И слѣдовательно послѣдній обычный финансовый отчетъ, равно какъ и послѣдній строительный отчетъ о пропилеяхъ должны были воспослѣдовать уже въ 432 г. Въ предположеніяхъ Драконида и Гагнона напротивъ дѣло видимо шло объ исключительной необычайной процедурѣ, которая кромѣ того могла быть начата только въ половинѣ 431 г., такъ какъ была прервана разразившейся войной. Такъ что по всей вѣроятности тутъ имѣли въ виду спецификацію извѣстныхъ расходныхъ статей, которыя до той поры, основываясь на авторитетѣ Перикла, выплачивались завѣдующими кассой безъ

требованія спецификаціи и всецѣло признавалась верховной контрольной палатой законными,—во всемъ цѣломъ санкціонировалось народнымъ собраніемъ. Подобной расходной статьей и по всей вѣроятности единственной была рубрика, которую мы въ настоящую пору назвали бы рубрикой „тайныхъ расходовъ“ или по тогдашнему „необходимыхъ расходовъ“. Эта статья расхода примѣнялась по крайней мѣрѣ одинъ разъ, именно въ бюджетѣ 446—45 г. Въ свое время она была принята народомъ въ общей суммѣ 10 тал. Въ то время ни съ какой стороны не требовали спецификаціи изъ скромности, потому что стороной всѣ знали, что этой суммой Периклъ, какъ полководецъ понудилъ вліятельныхъ иностранцевъ и, какъ передавали тайно, преимущественно царя Плистоонакса и его совѣтника Клеандрида возвратиться обратно, и тѣмъ спасъ государство отъ нашествія. Сомнительно, чтобы съ тѣхъ поръ эта статья обязательно оставалась и впредь, такъ какъ послѣ заключенія тридцатилѣтняго перемирія не было поводовъ дѣйствовать на Спарту подкупомъ или наградами, а что подобное совершалось въ другомъ мѣстѣ, не имѣется и тѣни малѣйшаго слѣда. Но не смотря на это, повторяющаяся статья не подлежала бы сомнѣнію въ томъ случаѣ, если правы Өеофрастъ и другіе, доказывающіе, что Периклъ при томъ случаѣ обязался посылать въ Спарту 10 тал. не одинъ разъ, а ежегодно. Подобное обязательство на извѣстный рядъ годовъ было дѣйствительно весьма правдоподобно.

Итакъ направленная противъ Перикла интрига едвали затрогивала что либо другое, какъ именно эту статью „необходимыхъ расходовъ“, стояла ли она только однажды въ бюджетѣ 446—45 г. или появлялась съ тѣхъ поръ въ ежегодной росписи. Теперь, когда разрывъ достигъ этой степени, враги Перикла не стѣснялись болѣе. А что тѣмъ будутъ скомпрометированы нѣкоторые лица въ Спартѣ, могло быть при данныхъ обстоятельствахъ только для нихъ желательнымъ. Они требовали собственно дополнительной спецификаціи той статьѣ расхода, потому что всякій результатъ долженъ былъ, повидимому, привести Перикла къ паденію, будетъ-ли то въ томъ случаѣ, если онъ откажется отъ спецификаціи, или если онъ приведетъ уклончивыя и слѣдовательно неудовлетворительныя доказательства, или если онъ наконецъ, доказывая правильность расхода, тѣмъ самъ признаетъ преступленіе совершеннаго имъ подкупа. Кромѣ того въ виду оскорбленія чести Спарты, онъ дѣлался невозможнымъ во главѣ Аѳинъ.

Все это подтверждаетъ не только рядъ отвлеченныхъ, но и положительныхъ удостовѣреній, такъ выраженіе „на необходимые расходы“ стало на сценѣ остроумнымъ и колкимъ словцомъ комиковъ. Стрепсіадъ „въ облакахъ Аристофана“ (стр. 859) заявляетъ, что онъ „примѣнилъ свою обувь на необходимые расходы“! Противники Перикла конечно распространяли, что упомянутый расходъ служилъ только для

покрытія подлоговъ и грабежей, въ которыхъ онъ былъ виновенъ въ сообществѣ съ Фидіемъ. Само собой разумѣется, что Периклъ былъ не повиненъ въ томъ и не признавалъ за собой вины. Мы знаемъ, что Ѳукидидъ и другіе современники, равно какъ и потомство преимущественно восхваляли въ немъ безукоризненное поведеніе, честность и неподкупность, вообще невоспріимчивость къ денежнымъ интересамъ. Но не смотря на то, при настоящемъ требованіи отчета, онъ естественно былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Признаніемъ тѣхъ „необходимыхъ расходовъ“ со стороны народа или узаконеннымъ разрѣшеніемъ онъ былъ въ правѣ признавать себя свободнымъ отъ всякаго позднѣйшаго требованія отчета. По всей вѣроятности самое свойство примѣненія тѣхъ расходовъ столь же мало давало ему возможности какъ раньше, такъ и позже привести удовлетворительныя удостовѣренія. А въ столь щекотливомъ дѣлѣ ему невозможно было, не стѣсняясь ничѣмъ опубликовать всѣ совпадающіе факты, которые способны были безполезно и безцѣльно поднять всестороннюю пыль. Не смотря на это, онъ тотчасъ же, насколько допускали положеніе дѣла и обязанности политическія, принялся письменно изготовлять въ свое оправданіе, хотя и не формальный отчетъ. Но ранѣе, чѣмъ декрету этому могъ быть данъ ходъ, наступила война и оттѣснила это дѣло на задній планъ. Естественно, что по служебной обязанности управляющаго финансами, Периклъ по по-

ложенію обязанъ былъ каждые четыре года около декабря или января представлять отчетъ, какъ стратегъ и вѣроятно, какъ управляющій финансами, ежегодно около іюня. При подобнаго рода обстоятельствахъ, какъ доказываютъ, когда дѣло шло объ отдачѣ отчета на счетъ возведенія пропилей, слѣдовательно примѣрно въ половинѣ 432 г. у юнаго вѣтреннаго Алкивіада, живущаго еще въ то время въ домѣ своего опекуна, сорвалось смѣлое необдуманное выраженіе. Въ тотъ моментъ, когда онъ намѣревался ворваться въ покой Перикла, его остановили на порогѣ и на вопросъ его, какая тому причина, ему выразили, что „Периклъ въ настоящее время занятъ предстоящей отдачей отчета".—„Ну, удаляюсь", воскликнулъ Алкивіадъ, „онъ лучше бы занялся тѣмъ, какъ бы ему не отдавать отчета". Это давнишнее событіе разукрасили въ настоящее время, эксплуатировали его, даже непосредственно относили къ вышеозначенному случаю потребованнаго экстраординарнаго отчеча въ началѣ 431 г. Не смотря на то, что Алкивіадъ не присутствовалъ въ ту пору въ Аѳинахъ, но въ половинѣ 432 г. вмѣстѣ съ Сократомъ находился въ лагерѣ при Потидеѣ. Теперь же дѣло поставили такъ, какъ будто бы Алкивіадъ говорилъ съ самимъ Перикломъ и, подобно мудрому учителю относительно недалекаго и жаждавшаго поученія ученика, давалъ послѣднему „добрый совѣтъ". Совѣту этому буквально якобы послѣдовалъ Периклъ

и возбудилъ войну для уклоненія отъ отчетности. Въ такомъ видѣ анекдотъ этотъ служилъ къ тому, чтобы въ данный моментъ сдѣлать подозрительными дѣйствія руководителя Аѳинъ. Войну же въ дѣйствительности вызвало теченіе дѣлъ относительно Потидеи. Когда Аѳины неизмѣнно продолжали держать ее въ осадномъ положеніи, Спарта поставила имъ что-то въ родѣ ультиматума, требующаго: 1) удаленія аѳинскихъ войскъ изъ Потидеи, 2) возстановленія самостоятельности Этны, 3) взять обратно торговое запрещеніе относительно Мегары. Къ этимъ тремъ требованіямъ позже присоединилось еще четвертое, требующее признанія самостоятельности войскъ греческихъ государствъ и этимъ уничтоженія аѳинскаго союза.

Периклъ рѣшилъ, если въ случаѣ Спарта не возметъ этихъ требованій обратно, согласиться на войну и именно по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому что, въ случаѣ неисполненія того предложенія, онъ считалъ войну неизбѣжной безъ позорнаго униженія чести Аѳинъ; 2) потому что, хотя она и была побочнымъ обстоятельствомъ, но могла служить отвлеченіемъ внутреннему неудовольствію и разъединенію партій, и 3) потому что еще разъ представлялась надежда дожить до великой и блестящей будущности Аѳинъ въ Греціи. Побѣдивъ гордую Спарту, Периклъ могъ надѣяться стать на такого рода почву, которая способствовала бы ему привести въ исполненіе дотолѣ тщетный планъ соединенія панэллинскихъ

членовъ на пользу Греціи и во славу Аѳинъ. По крайней мѣрѣ эти затрудненія могли быть разрѣшены только путемъ войны. Поэтому Периклъ въ блестящей рѣчи высказался противъ требованія Спарты. Его предложенія въ отрицательномъ смыслѣ были дѣйствительно приняты вмѣстѣ съ предложеніемъ достигнуть мирнаго соглашенія со Спартой, прибѣгнувъ къ третейскому или юридическому судамъ. Послѣднее вполнѣ согласовалось съ условіями тридцатилѣтняго перемирія и Периклъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ этомъ пунктѣ оставался вѣренъ договору. Но на это Спарта не согласилась, болѣе того прервала переговоры и усердно готовилась къ войнѣ.

Тридцатилѣтнее перемиріе продолжалось едва половину срока. Несомнѣнно въ общемъ преобладающее настроеніе государствъ было въ пользу Спарты, потому что преобладаніе Аѳинъ справедливо казалось угнетающимъ при болѣе тѣсномъ союзѣ. А такъ какъ Спарта позже объявила въ своемъ ультиматумѣ заманчивую цѣль борьбы, устраненіе именно этого давленія, „самостоятельность всѣхъ эллинскихъ государствъ“ или, какъ выражались, свободу Греціи. Скрытое натянутое положеніе предшествовало событію, вспоминали старыя предсказанія, не предвѣщающія ничего добраго. Между тѣмъ обѣ стороны старались концентрировать свои силы. Не смотря на всѣ анти-махинаціи Спарты, къ Аѳинамъ присоединились: Ѳессалія, Акарнанія, Мессенія, Невпактое, Платея, большин-

ство острововъ Эгейскаго моря, Керкира, Закинѳъ и большинство колоній въ Малой Азіи у Геллеспонта и во Фракіи. Къ Спартѣ присоединились: весь Геллеспонтъ, исключая Аргоса и Ахаи, объявившихъ себя нейтральными, затѣмъ: Мегара, Беотія, Фокида, Локрида, Левкида, Амбракія и Анактаріонъ. Такимъ образомъ Эллада раздѣлилась на два готовыхъ къ борьбѣ, враждебныхъ и угрожавшихъ при столкновеніи уничтожить другъ друга лагеря. Весною 431 г. возгорѣлась война подробности которой, столь наглядно описанныя Ѳукидидомъ, мы, разумѣется, оставимъ въ сторонѣ. Пелопонесцы вторглись въ Аттику съ суши, Аѳиняне съ моря въ Пелопонесъ и осенью, имѣя вождемъ Перикла, сухимъ путемъ въ Мегару. Успѣхи были не рѣшающіе, силы были равныя. Съ удивительной осмотрительностію, принимая все во вниманіе и все направляя, Периклъ неутомимо успокаивалъ, воодушевлялъ, смягчалъ настроеніе, мирилъ и наставлялъ. Владѣя богатой земельной собственностью въ подверженной опасности части Аттики и состоя по гостепріимству въ дружелюбныхъ отношеніяхъ со спартанскимъ царемъ Архидамомъ, онъ предвидѣлъ, что тотъ пощадитъ его владѣнія, будетъ-ли то злымъ или добрымъ намѣреніемъ. Чтобы избѣгнуть всякаго подозрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ всякую завистъ онъ передалъ ихъ въ даръ государству. Съ трудомъ только ему удалось заставить аѳинянъ ограничиться защитой своихъ стѣнъ и тѣмъ сдѣлать тщетной цѣль непрі-

тельскаго нападенія. Когда 3 августа наступило солнечное затмѣніе, онъ воспользовался этимъ поводомъ для разъясненія испуганнымъ умамъ, что луна въ извѣстныя времена заслоняетъ солнце.

Еще разъ возгорѣлось въ Аѳинахъ воодушевленіе къ Периклу, когда онъ въ первомъ году сказалъ за павшихъ на войнѣ свою знаменитую по содержанію, сохраненную Ѳукидидомъ, надгробную рѣчь. По заявленію Сократа у Платона за день до того въ тѣсномъ кружкѣ собравшихся друзей дома, Аспазія разбирала основную мысль по ея мнѣнію предполагаемой рѣчи. Критика этого заявленія здѣсь неумѣстна, но простая возможность поставленія его достаточно указываетъ на умственную виртуозность Аспазіи и на ея полную солидарность съ Перикломъ. По тогдашнему способу веденія войны въ началѣ весны 430 г. снова воспослѣдовало вторженіе пелопонесцевъ въ Аттику и экспедиція аѳинянъ въ Пелопонесъ. Послѣдней командовалъ самъ Периклъ. Съ появленіемъ первыхъ въ Аѳинахъ проявилась и та ужасная чума, которую съ ея послѣдствіями и опустошеніями описалъ Ѳукидидъ. То былъ сыпной тифъ въ большинствѣ весьма быстро оканчивающійся смертью. Тутъ при возвращеніи пелопонесскаго экспедиціоннаго флота все возбужденіе народа вдругъ съ бѣшенствомъ обратилось на Перикла. Отчаяніе толпы ловко эксплоатировалось его врагами. Говорили, что „онъ виновникъ всѣхъ бѣдъ, войны и чумы". Эти безсмысленные упреки, хотя и

болѣзненно отзывались на Периклѣ, но онъ не питалъ къ нимъ злобы, а лишь сожалѣніе. Больше всего его возмущало, что, во время его отсутствія, его противники склонили народъ къ мирнымъ переговорамъ, которые однако же остались безъ послѣдствій. Еще разъ ему удалось блестящей рѣчью предотвратить бурю въ народномъ собраніи. Эта рѣчь импонировала увѣреннымъ сознаніемъ невинности въ связи съ особеннымъ выраженіемъ достоинства, гордости и возмущенія. Такимъ способомъ онъ укротилъ прихоти толпы. Народное собраніе отказалось отъ трусливаго намѣренія послать мирныхъ пословъ въ Спарту и рѣшило энергично продолжать войну дальше.

Но, собственно говоря, то былъ минутный личный тріумфъ. Вскорѣ надъ нимъ скопились тучи. Коалиція не переставала дѣйствовать противъ него и съ успѣхомъ возстановила противъ него часть народа. Повидимому Клеонъ, Силтіасъ и Лократидъ заключили тріумвиратъ, преслѣдовавшій его паденіе. Тутъ противники эти на основаніи бывшихъ предложеній Дракопитида и Гагнона формально обвинили его въ дурномъ распоряженіи государственной казной. Ближайшимъ и естественнымъ слѣдствіемъ этого формальнаго обвиненія было предварительное устраненіе Перикла отъ государственныхъ должностей и преимущественно отъ должности полководца. Устраненіе стало однако же окончательнымъ и взошло въ законную силу, когда судебная палата приговорила дѣйствительно

его къ штрафу въ 15 талантовъ или 22,500 руб. между тѣмъ какъ обвинители требовали удовлетворенія отъ 50—80 тал. или отъ 75—120,000 руб. Ходъ процесса и мотивы приговора намъ неизвѣстны. Но присужденное удовлетвореніе было по всей вѣроятности частичное вознагражденіе тѣхъ убытковъ, по тѣмъ не специфированнымъ „необходимымъ расходамъ". Такимъ образомъ справедливость была нарушена и месть получила удовлетвореніе. Конечно должно замѣтить, что, какъ выражается ораторъ Аристидъ, приговаривавшіе его были „только извѣстной частью всѣхъ аѳинянъ", а не „весь народъ". Но все-таки крикъ мести заглушалъ благорасположеніе, меньшинство заставило умолкнуть большинство.

Политическое низверженіе Перикла, происшедщее въ первой половинѣ іюня, сопровождалось семейнымъ несчастіемъ. Сначала чума похитила его старшаго сына Ксантипа, ранѣе чѣмъ онъ могъ вполнѣ примириться съ нимъ, затѣмъ любимую его сестру и большинство его родныхъ и друзей. Но и при этомъ безпримѣрномъ несчастіи онъ не измѣнилъ высотѣ духа и величію души своей. Онъ съ твердостью подавилъ великую скорбь и его видѣли безъ слезъ даже у гроба своихъ близкихъ. Но вдругъ смерть похитила и втораго его сына любимца Парола, тутъ, казалось, сердце его надорвется. Возлагая вѣнокъ на умершаго, горестное зрѣлище осилило его, онъ, какъ никогда въ жизни, громко зарыдалъ и разразился потокомъ слезъ. Минутное преобладаніе надъ нимъ горя не противорѣчитъ похваламъ его твердости при этомъ случаѣ, потому что, быстро овладѣвъ собой, онъ съ тихимъ горемъ и покорностью выносилъ тяжелую скорбь. При видѣ такого безмѣрнаго преобладанія несчастія въ странномъ, но благородномъ и добродушномъ народѣ вдругъ появилась реакція чувствъ. Подавленное посторонними интригами и минутными прихотями расположеніе къ Периклу снова проявилось и мощно всплеснувъ все расширяющимся неудержимымъ теченіемъ смыло всѣ слѣды собственнаго и всѣ преграды посторонняго недоброжелательства. Къ этому присоединилось еще то, что со дня приговора Перикла всѣ общественныя дѣла отчасти стали, отчасти попали на отчаянные пути. Командованіе надъ приведеными изъ пелопонесской экспедиціи флотами и арміей въ половинѣ мая было довѣрено другимъ стратегамъ, въ томъ числѣ и Гагнону, но предпринятыя имъ дѣйствія противъ холкидонянъ и потидейцевъ неудались: болѣе четвертой части воиновъ погибло отъ чумы и примѣрно дней черезъ 40 въ концѣ іюня или въ началѣ іюля Гагнонъ возвратился безъ успѣха. Тогда народу показалось, что никто не въ состояніи замѣнить ему Перикла. Сожалѣли о произвольно свергнутомъ величіи и страннымъ раскаяніемъ желали возврата его. Въ то самое время вскорѣ предстояли новые обычные выборы полководцевъ, такъ какъ новый архонтный годъ начинался на сей

разъ 21 іюня 430 г. и новые выборы всегда происходили въ послѣднихъ дняхъ стараго года, слѣдовательно на сей разъ 17 іюля. Въ ту пору Периклъ съ своимъ сердечнымъ горемъ находился въ изолированномъ уединеніи, какъ вдругъ поспѣшно ворвался къ нему Алкивіадъ съ извѣстіемъ, что его вновь избрали полководцемъ, да еще съ необычайными почестями и что наступилъ полный поворотъ вещей. Все это звучало для него почти невѣроятнымъ, такъ какъ со дня его паденія прошло всего пять или шесть недѣль!

Дѣйствительно народомъ овладѣло и руководило раскаяніе и онъ самостоятельно рѣшилъ безусловное возстановленіе Перикла. Первымъ плодомъ измѣнившагося настроенія было именно избраніе его полководцемъ съ прерогативами, которыми онъ едва ли пользовался ранѣе. Ему поручили руководство всѣхъ дѣлъ, съ этого момента онъ буквально осыпанъ былъ милостями народа. Къ нему явились депутаціи, которыя отъ имени народа просили у него прощенія и выразили глубочайшее сожалѣніе о недавнемъ осужденіи его. Въ силу созданнаго по его инициативѣ закона о правахъ гражданства ими пользовались тѣ, коихъ родители съ обѣихъ сторонъ были гражданами Аѳинъ и слѣдовательно оставшійся у него еще единственный сынъ Периклъ, рожденный не отъ аѳинянки не имѣлъ права гражданства. Какъ ни было предусмотрительнымъ обезсилить въ пользу самаго инициатора въ настоящую пору примѣняемый столь честно въ ущербъ многихъ законъ, но сожалѣніе къ несчастію Перикла побудило народное собраніе въ видѣ исключенія, подобно сыновьямъ Кимона, легализировать сына Аспазіи, поэтому отцу разрѣшили на свое имя записать его въ число гражданъ Аѳинъ.

То былъ послѣдній свѣтлый проблескъ въ жизни Перикла. Хотя въ настоящее время послѣ короткаго колебанія его возобновленная и мощно ожившая популярность оставалась прочной и неизмѣнной, онъ все-таки не могъ радоваться ей.

Вскорѣ послѣ его возобновленнаго избранія онъ подвергся не чумѣ, но изнурительной лихорадкѣ, что воспрепятствовало ему энергично заняться общественной жизнью. Примѣрно черезъ годъ послѣ начала его болѣзненнаго состоянія въ сентябрѣ 429 г. послѣдовала его смерть. Находясь на смертномъ одрѣ и, когда немногіе уже оставшіеся у него друзья утѣшали его воспоминаніями о его великомъ прошломъ, о его побѣдахъ, о множествѣ трофей, остановивъ ихъ, онъ сказалъ: „меня удивляетъ, что вы восхваляете то, что удалось съ одной стороны *многимъ* полководцамъ, съ другой же, что можно приписать счастью; но вы забываете лучшее и главнѣйшее, именно то, что никогда ни одинъ аѳинскій гражданинъ не надѣвалъ трaура изъ-за меня“.

Всѣ махинаціи относительно Перикла оказались тщетными, казалось, что какъ будто-бы онъ—герой

былъ досягаемъ лишь только для судьбы и для божескаго луча. Изъ своихъ цѣлей онъ достигъ большинства, преимущественно же одной: посредствомъ духовнаго, умственнаго творчества и художественнаго блеска Аѳины возвысились надъ всемъ, стали первымъ городомъ Греціи, идеаломъ всей умственной культуры. Основной же цѣли своей онъ не осуществилъ, не смотря на свой интелектуальный, художественный и нравственный перевѣсъ Аѳины не возросли въ единственную великую державу Греціи, въ средоточіе и вождя панэллинскаго союза. Периклъ фаталистически и трагически погибъ отъ стремленія къ этой основной національной цѣли.

Однако же, не смотря на погибель Перикла въ борьбѣ за свою цѣль, во всякомъ случаѣ не было необходимости, чтобы самая цѣль была похоронена съ нимъ и въ немъ. Она по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ могла быть достигнута, если бы самъ Периклъ пережилъ войну, или если бы его политика пережила его самого.

Такого же мнѣнія придерживались и многіе современники, преимущественно Ѳукидидъ, онъ сообщаетъ, что Периклъ высказалъ: „что если аѳиняне будутъ держать себя спокойно во время войны, будутъ радѣть о морской силѣ, не станутъ увеличивать своихъ владѣній завоеваніями и подвергать опасности самый городъ, то въ такомъ случаѣ *они останутся побѣдителями*“. Ѳукидидъ сочувствуетъ этому

изрѣченію, восхваляетъ „справедливость предрѣшеній“ Перикла относительно „могущества государства“ его „правильный взглядъ на будущее“ и откровенно высказываетъ свое твердое убѣжденіе, „что аѳиняне безусловно, даже *вполнѣ легко* одержали бы верхъ въ войнѣ“, если бы слѣдовали правиламъ Перикла. Вмѣсто того они „творили все противоположное тому“, затѣяли „разныя государственныя предпріятія“, могущія служить „только на пользу честолюбію и страсти къ благопріобрѣтенію единицъ“ и „неудача которыхъ“ должна была дать „невыгодный оборотъ“ войны для Аѳинъ. Кромѣ того въ полной противоположности преемники его, „стремившіеся каждый взять перевѣсъ другъ надъ другомъ“, предоставили государственныя дѣла народному произволу и тѣмъ виновны „во многихъ ошибкахъ“ преимущественно и въ видѣ примѣра также „въ экспедиціи въ Сицилію“.

Слѣдовательно, повидимому Ѳукидидъ былъ убѣжденъ, что Аѳины *несомнѣнно вышли бы побѣдителемъ* изъ борьбы со Спартой, если бы Периклъ управлялъ войной до конца, или если бы его *руководящая идея пережила его*. Побѣда же Аѳинъ въ этой борьбѣ несомнѣнно была бы *равносильна* достиженію основной цѣли Перикла *олицетворенія панэллинскаго единства* или *гемоніи Аѳинъ* надъ всей Греціей. Слѣдовательно и въ эту основную цѣль и въ достиженіе ея Ѳукидидъ по меньшей мѣрѣ вѣровалъ наравнѣ съ самимъ Перикломъ, хотя

онъ и не признавалъ нужнымъ подробнѣе упоминать о *неудавшихся* планахъ. И не *поэтому* только онъ призналъ необходимость неудачи, но потому, что заместители Перикла по своимъ государственнымъ способностямъ не походили на него и не могли идти намѣченнымъ имъ путемъ.

Именно эта неспособность послѣдующихъ государственныхъ дѣятелей среди смѣси различныхъ лицъ еще рѣзче выставляли передъ современниками и потомствомъ значеніе и величіе Перикла. Безотрадность и вырожденіе первыхъ еще отчетливѣе выяснили, что и сколько онъ значилъ для Аѳинъ. Словомъ: Периклъ и аттическое государство его времени были одно или сросшіеся во едино. Подобно тому, какъ Периклъ слился съ государствомъ, такъ и государство слилось съ Перикломъ. Государство уподоблялось его тѣлу, которое послѣ смерти его было лишено души и клонилось къ разложенію. Ѳукидидъ сообщаетъ, что „послѣ смерти Перикла гораздо болѣе признавали его правильный взглядъ на будущность“. Плутархъ замѣчаетъ: „ходъ событій заставилъ аѳинянъ горько и горячо сожалѣть о Периклѣ, которыхъ при жизни онъ заслонялъ своимъ значеніемъ; они находили его незамѣнимымъ, испробовавъ послѣ смерти его другихъ ораторовъ и народныхъ вождей и открыто признавали, что никогда не существовало болѣе уравновѣшеннаго и великаго характера“.

Не смотря на все это, нельзя утверждать, чтобы

во всѣхъ отношеніяхъ Периклъ былъ безошибоченъ. Мы конечно не можемъ присоединиться къ обвиненіямъ современныхъ ему хулителей. Во всякомъ случаѣ должно признать, что мало по малу закравшаяся въ его болѣе тѣсную союзную политику самоуправная окраска была не настолько неизбѣжной, какъ то нѣкоторые признавали и что именно по милости ея делосскій союзъ потерпѣлъ невознаградимый ущербъ. Мѣсто, гдѣ покоится Периклъ не обозначено нынѣ античнымъ мавзолеемъ, какихъ много оставалось по незначительнымъ личностямъ древности. Но за то прекраснѣйшимъ воспоминаніемъ его трудовъ осталось для насъ его роскошныя постройки Акрополя. По нынѣ всѣмъ странамъ и всѣмъ народамъ они представляются вѣчными свидѣтелями его возвышеннаго пониманія всего высокаго и прекраснаго—не памятниками его смерти, но памятниками его жизни, его живой дѣятельности и творчества, выше и достойнѣе, чѣмъ могли быть монументы его могилы. Милліоны людей въ картинахъ или дѣйствительности любуются Пропилеями или Партенономъ, но не всякій сознаетъ, что они не только свидѣтели тѣхъ цѣлей, которыхъ наглядно достигъ Периклъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтели того, чего онъ стремился осуществить и осуществилъ.

Изъ ближайшихъ друзей Перикла послѣ его смерти еще двое подверглись гоненію тѣхъ, которые были противниками Перикла. Къ изгнанію приговорили Протогора за презрѣніе къ богамъ; Дамона—какъ друга тирана. Естественно, что Аспазія удалилась въ сумерки вдовства. По всей вѣроятности она, какъ и до того, продолжала жить въ домѣ Перикла вмѣстѣ съ несовершеннолѣтнимъ своимъ сыномъ, единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго. Съ тѣхъ поръ и до конца ближайшими ея знакомыми были Сократъ и историкъ Ксенофонъ съ своей женой. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ преслѣдованій она нуждалась въ расположеніи и защитѣ вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей новой радикальной эры. Прежде чѣмъ Алкивіадъ могъ служить ей опорой въ этомъ отношеніи, изъ уваженія къ ея умственному значенію защитникомъ и устроителемъ ея дѣлъ предложилъ себя бывшій въ ту пору народнымъ радикальнымъ вождемъ Лизиклъ, о которомъ мы упоминали при обзорѣ кружка знакомыхъ Перикла. Такимъ образомъ и Лизиклъ принадлежалъ къ тому небольшому кругу, съ которымъ она имѣла еще сношенія.

Безпристрастные современники Аспазіи въ нравственномъ отношеніи ни мало никогда не заподозрѣвали ея отношенія къ этому демагогу и представителю широкой индустріи. Сократистъ Эсхинъ заявляетъ только, что „отъ общенія съ Аспазіей Лизиклъ изъ посредственной головы преобразился въ передоваго

аѳинскаго дѣятеля“. Но легкомысленные комики воспользовались этомъ сношеніемъ для злыхъ и двусмысленныхъ насмѣшекъ, они острили, что Лизиклъ состоитъ пористомъ, т. е. поставщикомъ Аспазіи. Намекъ обострился тѣмъ, что въ Аѳинахъ существовало вѣдомство оффиціально называемое „пористами“ и обязенное заботиться объ изысканіи экстраординарныхъ денежныхъ средствъ. Комикъ Платонъ зашелъ еще далѣе, примѣнивъ въ своихъ „поэтахъ“ крайне двусмысленную фразу, которая съ одной стороны могла означать, что: „Аспазія превращаетъ Лизикла въ мощнаго оратора и съ тѣхъ поръ онъ былъ ея пористомъ“, т. е. поставщикомъ денегъ; съ другой же стороны, что „Аспазія преображаетъ Лизикла въ великаго оратора и имѣла отъ него пориста“. Эта двуслысленная острота увлекла жившихъ позднѣе писакъ къ смѣшному предположенію: будто Аспазія имѣла отъ Лизикла „сына по имени Пориста“ и затѣмъ къ дальнѣйшей выдумкѣ, что Аспазія „была замужемъ за Лизикломъ“. Эти странныя комбинаціи непонятнымъ образомъ до сихъ поръ еще бродятъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Такъ какъ Лизиклъ умеръ уже въ 428 г., едва годъ спустя послѣ Перикла и если предположить, что его знакомство съ Аспазіей началось со дня ея вдовства, то оно было слишкомъ недолгимъ для того, чтобы объяснить изрѣченіе Эсхина и политическое развитіе Лизикла подъ вліяніемъ Аспазіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Лизиклъ уже при

жизни Перикла и до проявленія радикальной окраски посѣщалъ домъ Перикла. Когда умерла Аспазія намъ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ она жила долго послѣ смерти Лизикла, какъ то доказываетъ общеніе съ Сократомъ и Ксенофономъ.

Сынъ Перикла и Аспазіи, Периклъ младшій, при исходѣ пелопонесской войны въ 405 г. окончилъ жизнь весьма трагически. Онъ былъ изъ числа тѣхъ аѳинскихъ полководцевъ, которые въ битвѣ при Аргинузахъ одержали блестящую побѣду надъ пелопонесскимъ флотомъ. Не смотря на это, всѣ вмѣстѣ были обвинены, признаны виновными и казнены за то, что задержанные бурей они позволили себѣ не розыскать и не похоронить падшихъ въ битвѣ гражданъ.

Такъ прекратился родъ величайшаго аѳинянина.

КОНЕЦЪ.